

В. А. Субботин

ВЕЛИКИЕ ОТКРЫТИЯ

КОЛУМБ
•
ВАСКО ДА ГАМА
•
МАГЕЛЛАН

В.А.Субботин

Великие открытия

Колумб

Васко да Гама

Магеллан

*Университет Российской
академии образования*

*Институт Африки Российской
академии наук*

Введение

Географические открытия XV–XVI вв. были совершены за небольшой срок. Между первым путешествием Колумба и окончанием кругосветного плавания, начатого Магелланом, лежат всего три десятка лет. Такой малый отрезок времени был ознаменован для европейцев переворотом в их географических представлениях, включавших с той поры многие только что открытые страны Старого и Нового Света. Но для быстрого расширения знаний потребовалась долгая подготовка. К странам Востока и Америки Европа слала путешественников по суше и морю с давних времен. Есть свидетельства о таких путешествиях, восходящих к глухой древности. В средние века пришли новые знания

благодаря морякам, ходившим к Северному полярному кругу, паломникам, направлявшимся в Палестину, купцам, осваивавшим «шелковый путь» в Китай.

Судя по данным геологии, археологии, этнографии, межконтинентальные контакты разных времен отличались друг от друга продолжительностью и интенсивностью. Подчас речь шла о массовых миграциях, о существенном взаимообогащении, например, благодаря распространению окультуренных растений и домашних животных. Соседство Европы и Азии всегда облегчало их связи. Они надежно подтверждены многими археологическими памятниками, свидетельствами античных авторов, данными лингвистического характера. В частности, большинство языков Европы и многие языки Азии восходят к общей индоевропейской основе, другие — к финно-угорской и тюркской.

Америка была заселена выходцами из Азии за много тысячелетий до н. э. Археологические исследования отодвигают все дальше в глубь веков первые волны переселенцев, а геологи считают, что Аляска, возможно, была некогда соединена перешейком с Чукоткой, откуда шли на восток люди монголоидной расы. На западном побережье Южной и Северной Америки археологи находили предметы предположительно японского и китайского происхождения. Даже если бы их азиатское происхождение было бесспорно, они могли бы свидетельствовать только об эпизодических контактах Восточной Азии с Америкой, уже заселенной индейцами. Моряков — японцев или китайцев — могли унести на восток тайфуны. Вне зависимости от того, возвращались ли они на родину или нет, их влияние на культуру индейцев проследить не удалось. В то же время установлена связь между культурами Полинезии и

Южной Америки. В Полинезии рос и продолжает расти батат, сладкий картофель, чья родина — южноамериканские Анды. В Тихом океане, так же, как в Перу и Боливии, батат имеет одно название — кумар. О возможностях индонезийцев как мореплавателей свидетельствует тот факт, что они заселили в далеком прошлом (по крайней мере в I тысячелетии н. э.) Мадагаскар. Малагасийцы говорят на одном из индонезийских языков. Физический облик жителей центральной части острова, их материальная культура указывают, что они прибыли с островов Юго-Восточной Азии через Индийский океан.

О плавании финикийцев вокруг Африки около 600 г. до н. э. сообщал Геродот. По словам греческого историка, моряки, выполняя задание египетского фараона Нехо II, «вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу... Через два года на третий финикийцы обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне».^[1] Неверие Геродота в обстоятельства плавания вокруг Ливии, т. е. Африки, касается сути дела. Действительно, в случае, если финикийцы были к югу от экватора, плывя на запад, солнце должно было находиться от них справа.

Античный мир знал ряд районов Азии, может быть, не хуже, чем средневековые путешественники. Во времена Александра Македонского греческие фаланги прошли через Персию и Среднюю Азию, Египет и

---

¹ Геродот. IV. 42.

Северную Индию. Карфагеняне, выходцы с Ближнего Востока, вторгались из Африки в Европу. Рим распространил свою власть на Северную Африку, Малую Азию и Сирию. В средние века азиатские государства не раз вторгались в Европу, а европейцы — в Азию. Арабы захватили почти весь Пиренейский полуостров, а европейские рыцари-крестоносцы воевали в Палестине.

В XIII в. под властью монгольских завоевателей оказались территории, простиравшиеся от Китая до Малой Азии. Римский папа искал контакты с монголами, рассчитывая их крестить, не раз отправлял посольства в глубь Азии. По суше на Восток шли европейские купцы, в том числе Марко Поло, прошедший в Китае ряд лет и вернувшийся в Европу через Индийский океан. Морской путь был долог, а потому европейские купцы предпочитали добираться до Китая через Крым и Золотую Орду или через Персию. Это были две ветви «шелкового пути», по которому китайские товары еще до н. э. достигали Средней Азии и Ближнего Востока. Обе ветви были относительно безопасны, но все же купцам, отправлявшимся через Орду, рекомендовали передвигаться караванами, которые насчитывали бы не менее 60 человек. «Прежде всего, — советовал флорентиец Ф.Б.Пеголотти, — вам следует отпустить бороду и не бриться».^[2] Надо полагать, борода придавала купцам благообразие, ценимое в азиатских странах.

Античные авторы писали о связях с рядом стран Востока, но ничего не говорили, если не считать легенду про Атлантиду, о путешествиях европейцев на Запад

---

² Cathay and the Way Thither. Ed. H. Yule. Hakluyt Society. Vol. II (III). L., 1866. P. 291.

далее меридиана Канарских островов. Между тем такие путешествия были. В середине XVIII в. на острове Корву (Азоры) был найден клад карфагенских монет, подлинность которых удостоверили известные нумизматы. В XX в. монеты римской чеканки обнаружены на атлантическом берегу Венесуэлы. В нескольких районах Мексики при раскопках нашли античные статуэтки, в том числе одно изваяние Венеры. При изучении фресок Помпеи и Геркуланума были найдены изображения растений чисто американского происхождения, включая ананас.

Не обошлось, правда, без литературных фантазий, честных заблуждений, а иногда и обмана. Рассказ Платона об Атлантиде вдохновил философа Ф. Бэкона (повесть «Новая Атлантида»), таких писателей, как Г. Гауптман и А. Конан-Дойль. Многократно где-нибудь в США или Бразилии находили камни с «подлинно финикийскими» надписями, куски ржавого металла, которые принимали за остатки античных изделий и т. п.

В средневековой Европе, как и во всем мире, там, где не было подлинных данных, появлялись легенды. В X в. была создана приключенческая повесть о морских странствиях св. Брендана, жившего за четыре сотни лет до этого. Ирландский святой отправился в Атлантический океан на поиски земли обетованной. Он ее нашел где-то на западе у экватора. Правда, оказалось, что там водились черти, а бороться с врагом рода человеческого, как известно, непросто.

Викинги, выходцы из Норвегии, около 870 г. доплыли до Исландии, где до них жили лишь ирландские отшельники. История исландской колонии норманнов дошла до нас во многом благодаря сагам, устным

полулитературным повествованиям, записанным в основном в XIII в. и опубликованным датским филологом К.Х. Рафном в середине XIX в. Саги рассказали о вражде между влиятельными семьями викингов, поселившимися в Исландии, о том, как один из их предводителей, Эрик Рыжий, был изгнан с острова за убийство. С группой своих приверженцев он отправился в 982 г. далее на запад, где еще раньше норманны открыли другой большой остров, Гренландию.

Сын Эрика, Лейф Эриксон, согласно тем же сагам, около 1000 г. крестил гренландскую колонию, построил там церкви и попытался распространить влияние на запад и юго-запад. Где именно побывал Лейф, точно не известно. Саги, единственный источник, говорят о разных открытиях, которые сделал сын Эрика. То это была Каменно-плиточная Земля, то Лесистая, то Виноградная (довольно спорный перевод; Винланд — возможно, Луговая Земля, от скандинавского «вин» — «луг»). Не исключено, что Каменно-плиточной Землей был Лабрадор, а Лесистой — Ньюфаундленд или полуостров Новая Шотландия. Что касается Винланда, то о его местоположении абсолютно ничего нельзя сказать. Конечно, нашлись авторы, готовые его поместить, где угодно, начиная от канадской границы и кончая рекой Потомак, на которой стоит Вашингтон.

Открытия норманнов в Новом Свете вскоре были заброшены. Колонисты из Гренландии не раз ходили на Винланд, но только для охоты и за строевым лесом. Около 1015 г. туда отправились две партии промысловиков; в одной из них была Фрейдис, сестра Лейфа. Вероятно, она уродилась в отца, изгнанного из Исландии за убийство. Фрейдис подговорила своих людей захватить корабль соседей и всех их перебить.

Превосходство Европы над странами Нового Света было очевидным; разрыв в уровне культуры был слишком велик, чтобы в нем можно было сомневаться. Скорее всего по этой причине испанцы, открыв в Америке циклопические постройки майя и ацтеков, готовы были считать, что нашли сооружения других народов, может быть, пришельцев с Ближнего Востока. Иначе стоял вопрос о превосходстве Запада над азиатскими странами с их многовековой цивилизацией. Тем более что сами морские путешествия были подготовлены опытом, который принадлежал не только Европе. Этот опыт, в частности, складывался из знаний — в астрономии, судовождении по компасу и т. д., — полученных из Азии. Военное превосходство Запада над восточными странами также не всегда выглядело бесспорным. Время морских открытий ознаменовалось, с одной стороны, завершением реконквисты, захватами испанцев и португальцев в Старом и Новом Свете. С другой стороны, в тот же период Османская империя подчинила Балканы, включая восточный берег Адриатики. В конце XV в. турки опустошали подступы к Венеции, а в начале XVI в. подходили к Вене.

Все же завоевания европейцев в Старом и Новом Свете оказались обширнее и глубже по последствиям, чем успехи турок на Балканах и в Средиземноморье. Запад открыл страны Востока, а не они открыли Запад. Отставание Востока выразилось в том, что он не смог перетянуть чашу весов в свою пользу ни в экономике, ни в социальном строе, ни в военном деле.

Этому отставанию давали разные объяснения географического и исторического характера. Отмечалось, что на Востоке развитые области отстояли далеко друг от друга, их связи были ограничены, что мешало

обогащению местных культур. В Азии, по мнению части исследователей, играло повышенную роль государство, сковывавшее инициативу своих подданных. Возможно, были правы те, кто не искал однозначного ответа на вопрос об отставании Востока, пытался найти комплекс причин, обусловивших преобладание Запада.

Европа вдавывается клином в Мировой океан. Основание клина проходит по Уралу и Каспию, его острие — Пиренейский полуостров. Чем ближе к Уралу, тем дальше от теплых морей. В отличие от приморских частей глубинные области Европы имеют меньший выбор в средствах передвижения. В прошлом их жители могли общаться между собой и с внешним миром лишь сухопутными и речными путями. А области с большой протяженностью незамерзающего морского побережья могли успешно развивать внешние связи. Это были, в частности, полуостровные и островные страны: Греция, Италия, Пиренейский полуостров, Англия.

Полупустыни, степи, глухие леса Азии и части Восточной Европы не уступали, если не превосходили, по размерам плодородные и густонаселенные территории Китая, Индии, Ближнего Востока, Западной Европы. На обширных пространствах, включая Монголию, Аравию и т. д., были благоприятные возможности для кочевой жизни и охоты и намного менее благоприятные — для земледелия, для хозяйственного разнообразия, обеспечивающего наилучшие условия производства и общественного прогресса. При росте населения, особенно когда на пастбищах длительное время сохранялся обильный травостой, экспансия кочевников приобретала широкий размах. Набеги кочевников на оседлых соседей означали для тех не только приход завоевателей, устанавливавших свои династии и затем

ассимилировавшихся. Кочевники расширяли территории под свои пастбища, воспроизводили на новых местах привычный образ жизни. А это вело к запустению завоеванных стран, упадку оросительных систем, оскудению посевов. Те, кто мог, укрывались за китайской стеной (бассейн Хуанхэ), использовали островное положение (Япония), изолируя свои страны и от губительных контактов, и от желательных связей с внешним миром.

Экономическим трудностям в развитии Востока соответствовала отсталость социальных условий и идеологии. В Индии выходцам из низших слоев было трудно повысить свое общественное положение, изменить род занятий. Сословное деление дополнялось кастовым, закрепленным веками, освященным религией. В мусульманских странах политический и духовный лидер был обычно одним и тем же лицом, что усиливало произвол знати, закрепляло зависимость основной массы населения. Господство мусульманского духовенства на Востоке уменьшало возможности светского обучения, вело к верховенству религиозных норм в области права, а приниженное положение женщин еще больше, чем на Западе, снижало интеллектуальный потенциал общества.

Различий между верхами и низами в Европе было не меньше, чем на Востоке. На плантациях близ Средиземного моря подчас трудились невольники, состоятельные семьи держали рабов и рабынь как домашнюю прислугу. Но основная масса крестьян была лично свободна, ее связывали с сеньорами, чаще всего, арендные отношения. Города и отдельные округа получали права самоуправления, их подати в пользу государства, светской знати и церкви фиксировались. В ряде государств поиски беглых рабов были запрещены.

Крестьяне, имевшие право покинуть сеньоров, городской люд, самостоятельно выбиравший профессию — ремесло или торговлю, — таково было большинство западноевропейского общества.

Как уже говорилось, географические открытия были неотделимы от экономического, научного, военно-технического превосходства стран Запада. При этом ни одно из путешествий Колумба, Васко да Гамы и Магеллана не ставило целью абстрактные научные открытия. Задачи первооткрывателей обретали научную окраску лишь в той мере, в какой это отвечало экспансионистской политике Испании и Португалии, дальней разведке в будущих колониях. Следовало поставить под европейский контроль те страны, где были низки цены на золото и драгоценности, тогда как на Западе ощущалась нехватка в средствах платежа за дорогостоящие восточные товары. После падения Константинополя Османская империя держала в своих руках наиболее удобные пути из Средиземного моря в глубь Азии. Высокие пошлины в портах, попавших под власть турок, заставляли искать новые линии коммуникаций, способные обеспечить выход в страны Южной и Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока.

Речь шла, в частности, о доступе в районы производства пряностей, которые особенно ценились в средние века как приправа к скоропортящимся продуктам. Кроме того, Европа ввозила с Востока благовония, жемчуг, драгоценные камни, за что расплачивалась металлами, металлическими изделиями, хлебом, лесом и рабами (их покупали или захватывали в Африке, странах Черного моря). Спрос на рабов вырос, когда на плантациях Южной Европы и островах Средиземного моря стали выращивать хлопок, а на

островах Атлантического океана (Мадейра, Канары) — сахарный тростник. Рабов стали все чаще искать в Тропической Африке, поскольку ближневосточная торговля сократилась, а Черное море турки превратили в свое озеро, где судоходство стало играть крайне ограниченную роль. Торговля на Черном море пришла в такой упадок, что, после того как Россия ее вновь открыла, не нашлось ни карт, ни лоцманов. Первое время пришлось плавать только с середины мая до середины августа, когда была маловероятна плохая погода.^[4]

Своими успехами Европа была обязана и самой себе, и. внешним заимствованиям. Одно обуславливало другое, и без собственного прогресса Европа не была бы восприимчива к достижениям других континентов.

Среди достижений в сельском хозяйстве — усовершенствование конской упряжи, позволившее расширить использование тягла. Античная шейная лента стягивала дыхательное горло лошади, а хомут, пришедший, по-видимому, из Китая и распространившийся с X в. н. э., не мешал дыханию, опираясь на основание лопаток. Существенные изменения произошли в полеводстве и животноводстве. Голландцы осваивали польдеры — осушенные участки, защищенные дамбами от затопления. Их породистый молочный скот запечатлен на полотнах мастеров пейзажной живописи. В Испании росло поголовье мериносов — тонкорунных овец, завезенных маврами. Среди продовольственных культур появился рис. Увеличилось производство цитрусовых, которые пришли в Европу через Ближний Восток в I тысячелетии н. э.

---

⁴ Hommaire de Hell X. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie meridionale. Vol. III. Paris—Strasbourg, 1845. P. 74.

(апельсин — лишь в XV в.) и стали служить противочинготным средством во время морских путешествий. Важное значение приобрела ротация сельскохозяйственных культур, особенно овощных.

Преобразовались ремесла и торговля. В горном деле стали применять конный привод и водяное колесо для подъема руды; появились водоотливные устройства, что позволило увеличить глубину рудников. В XIV в. началось двухфазное производство железа и стали — доменное и передельное, — принципиально такое же, какое существовало в XX в. Специализация ремесленников позволила заметно поднять производство шерстяных тканей. Стала широко использоваться энергия воды и ветра. Водяные мельницы, известные со времен Рима, ранее были слабо распространены, поскольку дешевле стоили мускулы рабов. Но теперь в сельском хозяйстве основной фигурой стал крестьянин со своим наделом и орудиями труда. Водяные мельницы встречались все чаще, как и ветряные, заимствованные на Ближнем Востоке приблизительно в XII в. Мельницы использовались в кузнечном деле, валяли сукно, мололи муку, пилили бревна. Ширился морской промысел (рыболовство и охота на морского зверя), росла торговля, развивалось кораблестроение. Северная Европа снабжала Южную мехами, лесом и коноплей, получала взамен шерстяные изделия и вино.

Эпоха Возрождения была отмечена достижениями науки и культуры. Современниками великих географических открытий были И. Гутенберг, Леонардо да Винчи, Н. Коперник. Дальним путешествиям помогло развитие картографии, математики и астрономии, т. е. наук, связанных с судовождением.

Моряки в европейских водах хорошо знали конфигурацию берегов, близ которых они плавали, хорошо ориентировались по звездам. Обычно этого было достаточно, чтобы обойтись без карт и навигационных инструментов. Но со временем плавание в Атлантическом океане, подчас вне видимости берегов, потребовало усовершенствовать методы судовождения. На рубеже XII–XIII вв. стали использовать компасы, несколько позднее — навигационные карты с подробными указаниями о портах (портуланы), деталях береговой линии.

Немало было сделано для улучшения судовождения в странах Пиренейского полуострова. При кастильском короле Альфонсе X (XIII в.) были переведены с еврейского и арабского языков тексты, сопровождавшие таблицы движения небесных светил. Позднее эти таблицы были потеряны, но появились новые. Колумб пользовался теми, которые составил Региомонтан (И. Мюллер), немецкий математик и астроном XV в. Известным картографом в том же веке был Авраам Крескас, еврей с Майорки, служивший при испанском дворе. Сын Авраама, Ягуда Крескас, сотрудничал с португальскими моряками, которыми руководил принц Генрих Мореплаватель (1394–1460), сын Жуана.^[5]

Принц Генрих поселился на юге Португалии в Сагрише, рядом с Лагушем, известным своими верфями. Сагриш стал своего рода центром по организации заморских путешествий. По распоряжению принца, капитаны, возвращаясь из дальних странствий, сдавали здесь свои карты и бортовые журналы для общего

---

⁵ Mendelssohn K. Science and Western Domination. L., 1976. P. 32.

ознакомления. На основе этих материалов готовились новые экспедиции. Навигационная документация хранилась в тайне. Но разве можно было такую тайну надолго уберечь? Товары, привезенные из-за моря, следовало продавать, и не только в Лиссабоне, а также в Лондоне, Антверпене. Там готовы были платить и за товары, и за полезные сведения, и за карты, спрятанные где-нибудь за пазухой.

<http://b111.org> - Развлекательный блог b111.org

Заметные изменения происходили в кораблестроении; появились новые рулевые устройства, новая оснастка. Археологи редко находят на морском дне остатки судов тех времен. Но эти суда можно видеть на старинных рисунках, гербах и печатях, подчас довольно четко. К 1180 г. относят изображение одного корабля с рулем современного типа, т. е. навешенным на ахтерштевень — кормовую часть киля. В более ранние периоды, судя по всему, применялись лишь рулевые весла, одно или два, поставленные на корме. Есть предположения, что в установке новых рулевых устройств, улучшавших управление, первенствовали норманны. Стали распространяться суда с двумя и более мачтами. Для эффективного использования ветра, чтобы идти к нему круто, лавировать, стали применять булины — тросы, регулирующие напряжение паруса, меняющие его геометрию.

Со времен античности для военных действий применялись маневренные корабли с удлиненным корпусом, позволявшим размещать вдоль бортов большое число гребцов. Торговые корабли с объемистыми трюмами под грузы имели округлые формы. В средние века оба типа судов сохранялись, но значение

длинных боевых кораблей упало. Раньше их гребцы при вступлении в бой брались за оружие, превращались в солдат. Теперь столько солдат не требовалось, боеспособность флота росла за счет вооружения, прежде всего артиллерии. В XV в. распространенные виды судов имели соотношение между длиной и шириной 3:1. Это были довольно крупные по тем временам корабли, по сто и более тонн водоизмещения, округлые, с высокими бортами и небольшой осадкой. Итальянцы называли их просто *наве* (корабли), испанцы — *нао*, португальцы — *нау*. Суда поменьше именовали каравеллами.

Артиллерия появилась в Европе в XII в., когда арабы применили ее в боях с испанцами. Известно, что англичане использовали артиллерию в начале Столетней войны при Креси. Правда, у них было всего несколько орудий, и выиграли сражение, прежде всего, их отличные лучники.

По мнению некоторых историков, появление артиллерии покончило с рыцарством, которое ничего не могло противопоставить пушечному огню. А вместе с рыцарством ушли в прошлое средние века, пришло новое время. Но так ли это? Можно ли утверждать, что средневековые замки рухнули только под ядрами осадных орудий, похоронив под своими обломками феодальный строй? Может быть, уместнее сказать, что эти стены пришли в упадок без помощи артиллерии, просто потому, что их некому было чинить. А их хозяева оказались банкротами, которые были не в состоянии содержать челядь, оплачивать долги купцам и ростовщикам. Конечно, монархи были не прочь избавиться от беспокойных баронов и иных знатных особ, то и дело хватавшихся за шпаги. Но легче всего было их всех отправить куда-нибудь в крестовые походы,

на завоевание далеких земель, а там уж сарацинам предстояло позаботиться, чтобы рыцари не вернулись домой.

Пушки на европейских кораблях появились в XIV в., вначале у генуэзцев и венецианцев, потом у испанцев и т. д. Еще в конце XIV в. орудия стреляли каменными ядрами, и достаточно было положить на борт корабля покрывало с наклоном, чтобы ядра упали в море. А в середине XV в. артиллерия поражала цель тяжелыми металлическими ядрами за сотню метров.^[6]

К концу XV в. европейские корабли были готовы плавать намного дальше, чем раньше. Их ходовые качества и вооружение давали перевес над будущими противниками. Была собрана информация об условиях плавания в экваториальных водах Атлантики, открывались перспективы проникновения в страны Южной Азии. И все же дальние странствия таили немало опасностей. Индийский океан не был обследован, о существовании Тихого европейцы не подозревали. Потребовались смелость, воля и опыт таких моряков, как Колумб, Васко да Гама и Магеллан, чтобы возможности Европы превратить в действительность.

Предлагаемая читателю книга ставит перед собой различные цели. Возможно, она будет не лишена интереса для тех, кто хочет использовать самообразование как средство видеть мир с разных точек зрения. Но, прежде всего, книга предназначена для студентов, изучающих историю, и — в меньшей мере —

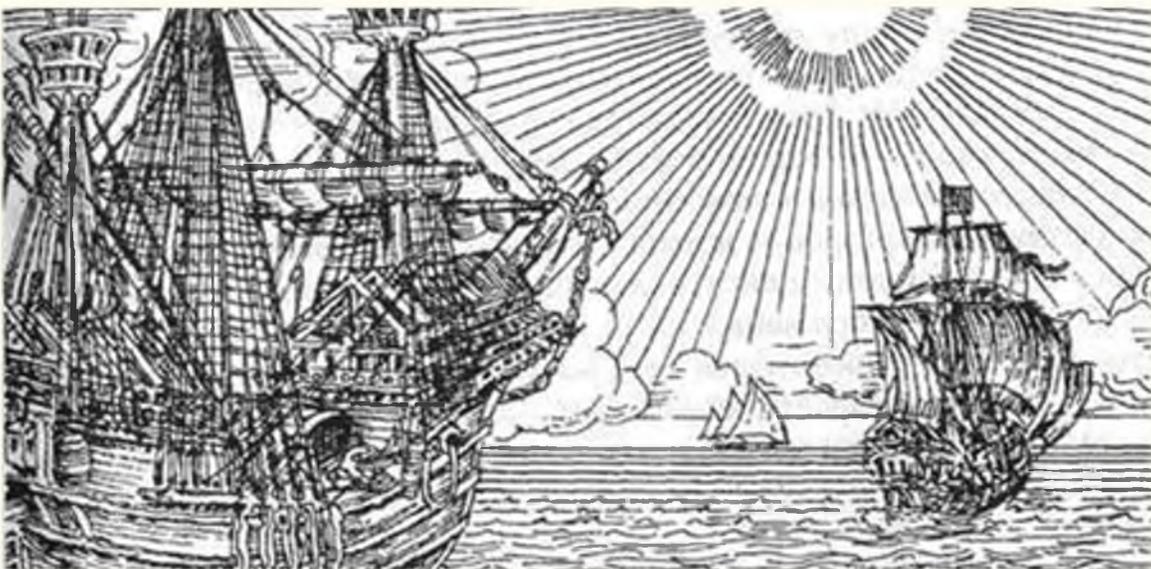
⁶ Les aspects internationaux de la decouverte oceanique aux XVe et XVIe sie-cles. Paris, 1966. P. 163–164.

для изучающих историю культуры, взаимодействие различных культур.

Конечно, географические открытия были противоречивы по своим последствиям, поскольку за ними следовала колонизация, подчинение одних народов другими. Для отсталых народов географические открытия вели, с одной стороны, к культурным заимствованиям, с другой — к отторжению собственной цивилизации. Эти народы и обогащались привнесённым извне опытом, и обеднялись (если не уничтожались) ввиду войн, сопровождавших колонизацию. История географических открытий, связанная с истоками колонизации, помогает лучше понять исторический процесс вообще, помогает ответить на вопрос, почему развитый Запад ныне, как и 500 лет назад, по-прежнему опережает большинство стран Востока.

Читатель не найдет в этой книге истории путешественников, выходцев с Востока — арабов, китайцев и др., — предшественников и современников Колумба. К числу таких путешественников принадлежали Ибн Фадлан, Ибн Баттута, Чжэн Хэ. Читателю, желающему пополнить свои знания, поможет библиография (к разделу о литературе), помещенная в конце книги. Там можно найти сведения об авторах, в том числе русскоязычных, посвятивших свои работы как западным, так и восточным путешественникам.

Колумб

По архивам установлен год рождения Колумба — 1451-й. Он родился в Генуе или около нее не ранее 25

августа I и не позже 31 октября. Сохранились нотариальные акты, удостоверяющие имущественные сделки и ремесленную деятельность отца Колумба и его матери в Генуе. Сам Христофор Колумб упоминается там как шерстяник («ланерио»); этим термином обозначали чесальщиков шерсти, распространенную в Генуе профессию. Есть личные письма адмирала. Правда, подлинность части документов оспаривается: например, подлинность заметок Колумба на полях книг. Книги эти, если верить семейным преданиям потомков Колумба, принадлежали адмиралу.

Молодость адмирала известна, главным образом, из книги его незаконнорожденного сына, Фернандо Колумба. Но текст этого сочинения выглядит далеко не во всем правдоподобным. Он был опубликован в Италии как перевод с испанского через 32 года после смерти автора. Есть основания считать, что перевод был неточным, что в подлинник были внесены дополнения, более всего с целью украшения. Так, в конце книги после слова «аминь», явно принадлежащего автору, который хочет на этом завершить повествование, следуют два абзаца с несколькими фактическими ошибками, в том числе с неверным указанием на место погребения Колумба. Сочинение Фернандо Колумба содержит сведения, которые до сих пор вызывают споры: обстоятельства службы Колумба на кораблях в Средиземном море, его прибытия в Португалию, путешествия к Северному полярному кругу, о чем будет сказано ниже. Епископ Б. де Лас Касас, историк XVI в., пользовался испанским вариантом рукописи Фернандо Колумба (или ее прототипом), и у епископа нет некоторых ошибок итальянского перевода.

В Мадриде и других городах сохранились прижизненные портреты адмирала. На них он выглядит по-разному, хотя некоторые портреты схожи между собой. Посмертные изображения вне зависимости от их художественных достоинств были чаще всего плодом фантазии скульпторов и живописцев. Колумба изображали смиренным христианином, непререкаемым вождем, вдумчивым ученым. Немало было изображений аллегоричных, манерных. Наверное, разумнее судить о внешности адмирала по рассказам современников, знавших его в возрасте 40–45 лет. Он был выше среднего роста, хорошо сложен, силен. На удлинённом лице с орлиным носом слегка выдавались скулы. В молодости волосы Колумба были рыжеваты, но он рано поседел. Одевался адмирал просто. Со времени второго путешествия его не раз обвиняли в честолюбии и корыстолюбии, и не исключено, что адмирал желал возразить своим обвинителям, одеваясь подчеркнуто скромно. С той поры его видели неизменно в бурой францисканской рясе, с веревкой вместо пояса, в простых сандалиях.^[7]

По характеру Колумб был человеком довольно резким. Ему приходилось совершать поступки, о которых он потом жалел. Но современники видели в нем не противоречивую фигуру с раздвоенным сознанием, а целостную и целеустремленную личность.

Колумб редко рассказывал о своей молодости. Возможно, ему было просто не до того. Возможно также, что он, бывший генуэзский бедняк, не желал отличаться от окружавшей его испанской знати. Но в завещании он

---

⁷ Bernaldez A. Historia de los Reyes catolicos Don Fernando y Doria Isabel. Seleccion, prologo y notas de Luciano de la Calzada. Madrid, 1946. P. 281–282.

вспомнил Геную и генуэзцев, тех, с кем был связан с малых лет.

Говорить о Генуе тех времен — значит говорить об итальянском Возрождении, о том, что Колумб был с детства окружен достижениями своей эпохи в науках, искусствах и ремеслах. Равным образом окружали его и контрасты: расцвет гуманизма и кровавые войны, демократия и тирания, роскошь и нищета, свобода одних и рабство других. Он был современником Рафаэля и Леонардо да Винчи. Его путешествия еще не закончились, когда в Риме выступил с лекцией об астрономии Коперник. Колумб не знал многих великих современников, но дух Возрождения его не миновал. Этот дух был в книгах, которые он читал, в людях, с которыми общался, в задачах, которые перед собой ставил.

Генуэзская республика была краем деловых людей и моряков. Она держалась на торговле, ремеслах и судоходстве. Республика не стала родиной великих художников и архитекторов, ее дворцы строили выходцы из других итальянских городов. Но ремесленные изделия Генуи — в том числе шерстяные, которыми занималась семья Колумба, — были добротными, и генуэзские платки были ходовым товаром за границей, в частности в Англии. Текстильное производство сохранилось здесь до наших дней, так же, как судостроение и мореходство. Город, вырастивший Колумба, остался морскими воротами Италии. В XV в. враги республики на море больше всего боялись ходких и хорошо вооруженных генуэзских кораблей. В XX в. здесь продолжают строить корабли, в том числе на крупнейших итальянских верфях «Ансальдо».

Генуя вытянулась полосой вдоль Лигурийского моря, прижатая к нему Апеннинскими горами. За горами лежала сельская местность, край крестьян-садоводов, погонщиков мулов и угольщиков. Как город Генуя XV в. была уникальна в Италии и даже в Европе почти полным отсутствием зелени, скученностью. Большинство ее домов в центре и на окраинах были многоэтажны, улицы были особенно узки, перекрестки не имели площадей. Все это позволило разместить на берегу моря около 100 тыс. жителей. Дворцов было еще мало; они в основном появились позднее, в XVI–XVII вв., когда ради них снесли немало улиц.

Богатые семьи образовали кланы (Адорно, Фиеско, Спинола), которые нередко враждовали между собой, звали на помощь иностранцев, а потом изгоняли их, обвиняя в тиранстве и т. д. История одного из таких кланов — в шиллеровской драме «Заговор Фиеско в Генуе». Одни и те же кланы правили городом и его окрестностями. Крестьяне там жили как арендаторы у знатных кланов, владельцев окрестных замков. На землях сеньоров, кроме крестьян, сидели сервы, а в городе знать обслуживали рабыни, вывезенные чаще всего из стран Черного моря — болгарки, русские пленницы, грузинки. Зависимый люд жил в тех же домах, что и господа, только на верхних этажах.

<http://knigi.b111.org> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Со времен крестовых походов Генуя вела широкую торговлю с Востоком. Ей подчинялись часть Пелопоннеса, острова Эгейского моря. Золотая Орда отдала ей Кафу (Феодосию), за что, между прочим, пришлось помогать татарам, сражаясь против русских на

Куликовом поле. Но через два года после рождения Колумба была сокрушена Византия, главный союзник Генуи, и торговля с Востоком стала чахнуть. Турки овладели крепостями в Эгейском и Черном морях, оставив за Генуей на сто лет лишь о. Хиос, куда вскоре поехал (моряком либо торговцем) молодой Колумб. Генуя, как и другие итальянские города, стала реже отправлять свои корабли на Восток. Республика все больше ориентировалась на торговлю с Англией, Германией, Фландрией. Ее моряки нанимались на службу в христианские государства Пиренейского полуострова, которые искали новые пути в экзотические страны.

В генуэзском предместье Св. Стефана стоял монастырь того же названия. Монахи сдали под дом участок земли чесальщику шерсти Доменико Коломбо. Как и многие другие ремесленники, чтобы свести концы с концами и оплатить вечные долги, Доменико занимался не только своей профессией. Он продавал сыр и вино, служил привратником у городских ворот, посредничал в торговле недвижимостью. На монастырской земле, в доме, которого давно нет, по-видимому, родился старший из четырех детей Доменико и его жены Сусанны, дочери ткача. Ребенка крестили в церкви Св. Стефана и нарекли Христофором.^[8]

По преданию, жил на свете перевозчик, которому случилось перенести младенца Христа через реку, а потому получил, он имя Христофор — по-гречески «несущий Христа». Св. Христофор, праздник которого Западная Церковь отмечает 25 июля, стал покровителем всех странников. Вряд ли Доменико Коломбо думал,

---

⁸ Lollis C.de. Cristoforo Colombo nella leggenda e nella storia. Firenze. 1969. P. 6–9.

когда крестил сына, что тот будет вечным странником. И никак не мог предполагать, что сын станет известен всему свету под именами Колона (Испания, Франция), Колумба (Россия), Колумбуса (Германия, Англия и т. д.). Сам путешественник, по-видимому, усматривал мистический смысл в своем имени. Он подписывался «Христо ференс», используя греческий алфавит в первом слове и латинский — во втором, латинизированном.

Семья Доменико Колombo вскоре после рождения Христофора переехала в новый дом, который сохранился до наших дней в старой части Генуи. Он двухэтажный, выстроен из грубо отесанных больших камней. Его высокие окна узки, плющ поднимается почти до ломаной крыши. Внизу под одной аркой — две разные по высоте двери. Рядом с домом расположены городские ворота. По краям ворот стоят две башни, поднимающиеся на 25–30 м, увенчанные зубцами с бойницами наподобие тех, что у московского Кремля.

Согласно Фернандо Колумбу, в детстве Христофор учился в Павии, подчиненной миланским герцогам, так же, как одно время и Генуя. Но эти сведения не подтверждаются, и, скорее всего, будущий адмирал мог учиться в одной из школ предместья Св. Стефана или просто был самоучкой. Среди записей, сделанных им, нет почти ничего, написанного по-итальянски. Писал он на кастильском, который позднее стали называть испанским. Говорил много лет на морском жаргоне, возникшем в портах Средиземного моря из смешения каталанского, кастильского, итальянского и других языков.^[9] Поскольку Колумб не писал на родном языке, даже когда слал

---

⁹ Damonte M. (a.o.). Le lingue di Cristoforo Colombo. — Columbeis. Genova, 1987. Т. II. P. 7—39.

письма соотечественникам, появляются основания для разных гипотез. Естественно предположить, что тот, кто не писал на родном языке, мог быть в молодости неграмотен. А то, что на Пиренейском полуострове он писал на другом языке, не имеет отношения к его молодости. Возможно, он научился писать (а, пожалуй, и читать) по-испански только в зрелом возрасте, когда попал на Пиренейский полуостров.

Ссылаясь на бумаги отца, Фернандо Колумб отмечает, что будущий адмирал отправился в море в 14 лет. В те годы Христофор Колумб вряд ли был лишь моряком; отец мог посылать его как подручного по торговым делам в соседние города, по морю и по суше. Сам адмирал, говоря о своей молодости, не уточнял, где и как он учился. Вот отрывок из его письма королю и королеве Испании, написанного в 1501 г.: «С молодых лет я отправился в море и продолжаю плавать до сих пор. Искусство мореходства толкает тех, кто им занят, к знанию и тайнам этого мира. Прошло 40 лет, и я побывал всюду, где можно плавать... Оказалось, Господь наш благосклонен к моим желаниям... Он дал мне знание мореходства, вооружил меня науками — астрономией, геометрией, арифметикой. Научил меня понимать и рисовать землю, а на ней города, горы, реки, острова и порты, каждый на своем месте».^[10]

Итак, в 1501 г. Колумб плавал уже 40 лет, а это значит, что для него морская жизнь началась в 1461 г., т. е. когда ему было 10 лет. Не исключено, что Колумб округлял цифры, но, вообще говоря, случалось, что дети в этом возрасте служили юнгами.

---

¹⁰ Las Casas B.de. Historia de las Indias. Mexico, 1951. T. I. P. 118.

Есть несколько других свидетельств о занятиях Колумба, когда ему было уже около 20 лет. Нотариальные акты, обнаруженные в Италии, говорят, что в то время он был компаньоном отца. Нашлось письменное свидетельство одного из друзей Доменико Коломбо; судя по нему, дети Доменико — Христофор и Бартоломео — «жили торговлей». Установлено, что будущий адмирал бывал на о. Хиос (по-видимому, в середине 70-х годов), где вели дела генуэзские торговые дома Чентурионе и Негро. Сам Колумб позднее не раз поминал хиосскую мастику — смолу мастиковых деревьев и кустарников, одну из основных статей торговли Хиоса. Мастику применяли в медицине как антисептическое средство, бросали в кувшины, чтобы подсластить воду, использовали как жевательную резинку (с этой целью ее используют до сих пор).

Судя по материалам Фернандо Колумба, его отец бывал у магрибинских берегов. Об этом, в частности, говорит цитируемое Фернандо Колумбом письмо адмирала, отправленное в 1495 г. королю и королеве Испании: «Случилось, что король Рейнель, которого прибрал Господь (Рене, граф Прованса и король Неаполя, умерший в 1480 г. — В.С.), отправил меня в Тунис, чтобы захватить галеру «Фернандину». Я стоял у о. Сан-Пьетро, около Сардинии, и мне сообщили, что вместе с этой галерой были еще два корабля и карака (крупнотоннажное судно. — В.С.). Мои люди встревожились, решили прекратить поход, вернуться в Марсель, взять в собой еще один корабль и людей. Я увидел, что никак не могу сломить их волю и сделал вид, что согласен с ними. Передвинув стрелку компаса, я вечером поднял паруса. На рассвете следующего дня мы были у м. Картахена...».

В письме есть очевидная несуразность. Невозможно под парусами одолеть за ночь 160 морских миль от Сан-Пьетро до м. Картахена в глубине Тунисского залива. К тому же надо обогнуть опасный участок побережья с подводными скалами у м. Фарина. Таким образом, с самого начала можно отнести это письмо к украшениям, которых немало в книгах Фернандо Колумба и повторившего его Лас Касаса. Но есть исследователи, рассматривающие текст письма иначе. Они говорят, что, излагая в письме события 70-х годов, т. е. 20-летней давности, Колумб мог допустить ошибку. Скажем, его корабль покинул Сан-Пьетро не ночью, а днем. А в остальном история с галерой «Фернандиной» могла быть правдивой; она могла приключиться в 1473 или 1475 г., как считает, например, Р. Каддео, итальянский комментатор книги Фернандо Колумба.

Обратимся теперь к рассказу Фернандо Колумба о том, как будущий адмирал прибыл в Португалию. По словам сына адмирала, его отец принял участие в экспедиции некоего молодого Колумба, однофамильца, корсара на французской службе, напавшего у м. Сан-Висенти (юго-западная оконечность Португалии) на венецианские галеры. В тяжелом бою корабль, на котором находился Христофор Колумб, был подожжен, экипаж был вынужден его покинуть, а будущий адмирал, хороший пловец, добрался до берега, ухватившись за весло.

Этому рассказу отказываются верить многие. В. Ирвинг, американский писатель, автор жизнеописания Колумба, осторожно назвал рассказ «не совсем достоверным», а Г. Гаррис, автор исследований о Колумбе, писавший в конце XIX в., утверждал, что все

это просто «басня».^[11] Во всяком случае установлено, что у м. Сан-Висенти было два крупных морских боя — в 1476 и 1485 гг. Тот бой, который описывает Фернандо Колумб, произошел в 1485 г., т. е. когда Христофор Колумб был давно на Пиренейском полуострове. Но не исключено, что он участвовал в первом бою, в 1476 г., защищая генуэзские галеры от французских пиратов (а не сражаясь в их рядах).

Стоит ли принимать рассказы Фернандо Колумба за правду или хотя бы считать, что, ошибаясь в частности, он в целом верно описал морские похождения отца в молодости? Рассказы Фернандо Колумба не вяжутся с данными об адмирале, собранными в архивах генуэзских нотариусов, перед которыми он выступал свидетелем в имущественных делах. Если считать, что Колумб пиратствовал, командуя корсарами короля Рене, то вряд ли можно утверждать, что он в первой половине 70-х годов был еще молод, что датой его рождения был 1451 г. Сомнительно, чтобы у опытных марсельских моряков был капитаном молодой генуэзец. Но тогда не обязательно верить и Фернандо Колумбу, когда он пишет, что отец поседел в 30 лет. Предположим, что будущий адмирал был значительно старше, чем говорил. Тогда выходит, что архивные сведения вообще относятся к какому-то другому Колумбу, тем более, что однофамильцев у него было достаточно.

Такую версию пытался, в частности, обосновать В. Бласко Ибаньес (1867–1928), испанский писатель, посвятивший один из своих романов Колумбу.

---

¹¹ Ирвинг В. История жизни и путешествий Христофора Колумба. СПб, 1836. Т. 1. С. 26; HARRISSE H. Christophe Colomb. Son origine, sa vie, ses voyages et ses descendants. Etudes critiques. Paris, 1884. Т. I. P. 261.

По словам Ибаньеса, Колумб был «загадочной фигурой», и не исключено, что этот человек, объявившийся в придворных кругах Испании и Португалии в 70—80-е годы, не был тем, за кого себя выдавал. Моряк, назвавшийся генуэзцем, мог быть в прошлом кем угодно — пиратом, работорговцем. «А в это время, которое было временем реорганизации инквизиции и изгнания евреев из Испании, — людей, скрывавших свое истинное происхождение и менявших имя, было великое множество». По архивным записям генуэзских нотариусов, он был всего-навсего мелким агентом местных коммерсантов. Однако по-кастильски писал «превосходно, с выразительностью и свежестью, свойственными прирожденным поэтам» (у Колумба были стихи религиозного содержания). «И если, — продолжал Ибаньес, — Кристофоро Колумбо, который жил в Генуе, мог быть назван в 1473 г., имея отроду свыше 20 лет, лишь трактирщиком и шерстяником (только последним, «ланерио». — В.С.), если он никогда не всходил на борт корабля и не учился ничему из того, в чем впоследствии Кристобаль Колон выказал себя достаточно сведущим, то каким чертом ему удалось превратиться в бывалого моряка и стать образованным человеком за тот предельно короткий срок, который отделяет его от вызова к генуэзским нотариусам до появления при португальском дворе опытного мореплавателя Колона?»^[12]

По сути дела писатель ставил несколько вопросов, относящихся к происхождению Колумба и к его деятельности. Во-первых, Ибаньес сомневался в генуэзском происхождении адмирала. Во-вторых, он

---

¹² Ибаньес Бласко В. В поисках великого хана. Калининград, 1987. С. 532 и ел.

усматривал противоречие между возрастом, приписываемым Колумбу, и его образованностью, в частности знанием мореходства. И, наконец, Ибаньес был готов считать Колумба пиратом, исходя из обстановки, с которой было связано его появление на Пиренейском полуострове.

<http://books.tr200.net> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Допустим, что Колумб не был генуэзцем. При этом придется отбросить многие свидетельства современников, включая тех, кто знал адмирала в молодости. Мы должны не считаться с тем, что известны его родственники, в том числе мать, отец, брат Бартоломео, который помогал адмиралу в Вест-Индии. Мы должны отбросить завещание Колумба, где он говорит о генуэзской родине, о генуэзских коммерсантах. Пожалуй, слишком много будет документов, которые придется отбросить, чтобы превратить Колумба в «загадочную фигуру» без роду и племени.

Его образованность, его знание мореходства, конечно, не были приобретены за короткий срок. При этом широта его знаний была не так велика, чтобы объяснять ее, скажем, университетской подготовкой. Колумб мог обучиться мореходству в юности, в каботажных плаваниях у Лигурийских берегов. Он мог продолжить обучение, и не только мореходное, женившись в Португалии на Филипе Монис (Мониш по-португальски), попав в семью, связанную с жизнью у моря. Неизвестно, когда Колумб предложил свои планы Лиссабону, хотя сам он перед смертью утверждал, что добивался своего в Португалии в течение 14 лет. Подтверждения этих сведений нет, и можно лишь

сказать, что, прибыв в Португалию, моряк, даже опытный, вряд ли сразу входил в круги, близкие к королевскому двору. Словом, нет оснований поинтересоваться «предельно короткий срок» между отъездом Колумба из Генуи и его проблематичным «появлением при королевском дворе».

Что касается превосходного кастильского языка Колумба, то при его жизни никто не считал его язык свидетельством кастильского или вообще иберийского происхождения. Известно, что устная речь Колумба выдавала в нем иностранца. Ибаньес же судил не по отзывам о речи Колумба, а по его стихам, по записям, к тому же позднейшим, сделанным после многих лет пребывания в португальском и испанском обществе. К этому времени Колумб мог вполне овладеть кастильским письменным языком. Известно немало писателей и поэтов, превосходно владевших неродными языками и писавших на них, начиная от латыни и кончая современными.

Наконец, о вероятности того, что Христофор Колумб был пиратом, можно судить лишь по материалам, приведенным Фернандо Колумбом и Лас Касасом, причем последний просто повторяет первого, не ссылаясь на него. Других данных такого рода не было и нет, а потому нет смысла принимать окончательное решение. То же можно сказать и о вероятности участия Христофора Колумба — о чем пишет Ибаньес — в торговле черными или белыми рабами. Будущий адмирал плавал к берегам Западной Африки, где шла работорговля, но неизвестно, чем он там занимался. Впрочем, к работорговле он относился, подобно своим современникам — испанцам и итальянцам, — как к заурядному явлению, и в

дальнейшем, открыв Новый Свет, предлагал испанским королям видеть в индейцах своих рабов.

* * *

Если исходить из сведений, которые могут быть проверены по архивным материалам, Колумб появился в Португалии не ранее 1473 г. В августе этого года он еще был свидетелем имущественной сделки своих родителей в Савоне, подчинявшейся генуэзцам. Жил он в Лиссабоне и на о-вах Мадейра, принадлежащих португальцам, до 1485 или 1486 г. Из Португалии и с о-вов Мадейра он не раз уходил в плавание, в том числе в Западную Африку, в страны Северной Атлантики и к себе на родину, в Геную.

Появление будущего адмирала в Португалии было, конечно, связано с упадком западноевропейской торговли на Востоке из-за турецких завоеваний. Генуэзские моряки искали новое поприще для своей деятельности. Италия XIV–XVI вв. дала многочисленных эмигрантов. Ее ремесленники создали шелкоткацкое производство во Франции, ее архитекторы строили дворцы и храмы в Русском государстве. В Португалии основную массу эмигрантов составили моряки, мелкие торговцы и ремесленники, наемные солдаты, покинувшие Италию, так как им перестали платить побежденные или обедневшие кланы. Многими коммерческими операциями генуэзцев за границей руководил «Банко ди Сан Джиорджио». Это был крупный банк без крупных банкиров, ссудное учреждение с вкладчиками среднего достатка. 10 тыс. вкладчиков, получавших обычно 3 % годовых, видели в банке подспорье в обычной торговле и ремесленной деятельности. Но были и состоятельные итальянцы на Пиренейском полуострове, коммерсанты и

банкиры, в частности в Севилье и Кадисе. Они участвовали в финансировании заморских предприятий испанцев и португальцев, вели торговлю с Марокко и т. д.

Португалия с ее равнинами, невысокими холмами на юг от р. Тахо, эстуарием реки, где стоит Лиссабон, — все это имело иной вид, нежели гористая Лигурия, родина Колумба. Но Португалия, как и Генуя, была страной латинской культуры. Итальянец за сравнительно короткий срок мог научиться понимать язык местных жителей. Подобно соседям-испанцам, они были беднее итальянцев, хуже одеты, более зависимы от своих властителей, особенно на Севере, где не было таких традиций борьбы с завоевателями-маврами (арабами и берберами), как на Юге. В Португалии, как и в Испании, отсутствовали большие города. Лиссабон был вдвое меньше Генуи по числу жителей. Зато молодой моряк, сведущий в торговле, мог, по-видимому, скорее найти себе занятие.

Ко времени прибытия Колумба в Лиссабон прошло более 200 лет, как Португалия освободилась от мавров. Реконкиста, «отвоевание» утраченных земель, породила многочисленный слой рыцарей. Избавив страну от мавров, они были полны решимости продолжать выгодные завоевания, правда, уже за пределами королевства — в Африке, на островах Атлантического океана, повсюду, где было возможно. Делать это приходилось с оглядкой на соседей по Пиренейскому полуострову — Кастилию и Леон. Эти королевства, образовавшие вместе с Арагоном Испанию, неохотно признали независимость маленькой Португалии. В 1479 г., т. е. уже во время пребывания Колумба на

Пиренейском полуострове, закончилась очередная война с Кастилией.

Португалия проигрывала в сравнении с другими западноевропейскими странами в отношении развития промышленности и ремесел. Она вывозила в Лондон и Гамбург пробку и вино, ввозила сукно и металлические изделия. Для заморской колонизации лиссабонский двор охотно привлекал на службу дворян из других европейских стран. Среди них были и итальянцы Перестрелло, родственники жены Колумба.

Лас Касас писал, что будущий адмирал, хороший картограф и каллиграф, зарабатывал время от времени в Португалии на жизнь, изготавливая географические карты. Другим его занятием была торговля. Единственный документ, относящийся к деятельности Колумба в Португалии, — показания будущего адмирала перед нотариусом в Генуе о том, что в 1478 г. он закупил на Мадейре сахар по поручению одного из генуэзских коммерсантов. В своем завещании 1506 г., желая, по-видимому, оплатить старые долги, Колумб назвал лиц, которым его наследники должны были передать различные денежные суммы. Среди этих лиц не было моряков или ученых, способных заинтересоваться географическими картами. Речь шла о семьях нескольких генуэзцев (какое-то время живших в Лиссабоне) — коммерсантов и одного чиновника, — а также о неизвестном «еврее, жившем у ворот лиссабонского гетто».^[13]

---

¹³ Navarrete M.F.de. Coleccion de los viages y descubrimientos. Buenos Aires, 1945. T. II. P. 361–366.

По рассказу Фернандо Колумба, будущий адмирал, всегда ревностно исполнявший свой религиозный долг, ходил в Лиссабоне слушать службу в часовню монастыря Всех Святых. Монастырь принадлежал рыцарскому ордену Сантьяго. В свое время там жили одни рыцари, потом он стал убежищем для дворянских жен и вдов, а заодно — пансионатом благородных девиц. По-видимому, не только христианские обязанности толкали молодого Колумба к посещению часовни при монастыре, так как вскоре он предложил руку и сердце одной из воспитанниц пансионата, Филипе Мониш, которая ответила ему согласием.

О жене Колумба мало что известно. О ней и о том, что она умерла при его жизни, упоминается в раннем завещании адмирала (1505 г.). Там он просит отслужить мессы за упокой души по нему самому, по отцу, матери и жене. Ее имя появляется лишь в 1523 г. в другом завещании, Диего Колумба, старшего и законного сына адмирала. Диего Колумб пишет о своем отце и о матери, Филипе Мониш, его «законной жене, чьи останки покоятся в кармелитском монастыре в Лиссабоне».

Искать документы или надгробные плиты в кармелитском монастыре невозможно: землетрясение 1755 г. целиком разрушило эту обитель и ее кладбище. Есть, правда, подробность о Филипе у Фернандо Колумба, который утверждает, что ее отцом был Пьетро Перестрело (фамилию писали по-разному, чаще — Перестрелло), капитан, т. е. наместник, острова Порту-Санту в архипелаге Мадейра. В действительности капитаном острова был Бартоломеу Перестрелло; несколько детей его известны, и среди них нет Филипе. Таким образом, утверждение Фернандо Колумба заставляет лишний раз задуматься, насколько верны его

сведения вообще. Но родственные отношения между Филипе и Перестрелло все же существовали. Дело в том, что второе имя Филипе — Мониш — носила еще одна дворянская семья, из которой вышла жена Бартоломеу Перестрелло. Поэтому можно поверить Фернандо Колумбу, когда он пишет, что его отец жил какое-то время со своими родственниками на Мадейре и Порту-Санту.

Доходы от Порту-Санту у семьи Перестрелло, породнившейся с Мониш, были невелики. Некогда необитаемый остров площадью в 40 кв. км был колонизован при принце Генрихе Мореплавателе — организаторе заморской экспансии Португалии в начале и середине XV в. Оказалось, что заниматься хозяйством на острове не просто. При его первом капитане завезли кроликов, которые расплодились и стали пожирать все, что могли, разорив колонистов.

Колумб, судя по всему, женился на бесприданнице. По происхождению он не был равен жене, но их брак был приемлем для окружающих, поскольку оба были бедны. На людях Колумбу было незачем вспоминать свое происхождение, а брак позволял ему, сыну неизвестного ремесленника, установить связь с португальским Дворянством, войти в недоступные ранее круги, попасть при случае к лиссабонскому двору. Какое-то время, возможно, удалось спокойно пожить на островах Мадейра, занимаясь торговлей, читая книги, слушая рассказы португальских колонистов об Атлантическом океане.

Им было что рассказать молодому итальянцу. Например, о том, что ветры и течения с неведомого Запада приносят время от времени к Мадейре куски

дерева, обработанные человеческой рукой. На Азорских островах, которые тоже принадлежали португальцам, к берегам прибывало стволы сосен диковинных пород. Однажды на о. Флориш, крайний из Азорских островов, наиболее удаленный к Западу, океан вынес тела двух людей, чьи черты напоминали азиатов и весь облик был «нехристианский».^[14] У португальских моряков были в ходу географические карты, на которых в неведомом океане была нарисована масса больших и малых островов. Среди них фигурировала богатая Антилия, упомянутая Аристотелем. Жители Азорских островов, возможно, слышали о преданиях своих соседей по Атлантическому океану, ирландцев. Предания гласили, что на Западе лежит остров счастья О'Бразил. С берегов Ирландии можно было наблюдать миражи, рисовавшие картины далеких земель.

<http://book.tr200.net> - Скачать книги бесплатно

Солнце, потрудившись за день, каждый вечер покидало людей и скрывалось на Западе. Надо думать, страны, которые там лежали, были достойны прекрасного светила. Здесь заключалось объяснение того, что, по поверьям многих народов, души умерших улетали как раз на Запад. Туда простому смертному трудно было попасть из-за того, что надо было преодолеть просторы морей и океанов. Вдали от людей души вкушали вечное блаженство. В зависимости от традиций и склонностей сказителей блаженством могли быть пиры, любовь писанных красавиц, то и другое вместе взятые.

---

¹⁴ Colombo F. Le Historie della vita e dei fatti di Cristoforo Colombo. Milano, 1930. Vol. I. P. 67.

Вряд ли Колумб подолгу оставался около молодой жены. Одно плавание следовало за другим. Из бортового журнала первого путешествия в Новый Свет следует, что Колумб «видел весь Левант и Запад, то, что называют северной дорогой, т. е. Англию...». Однажды, пишет Фернандо Колумб, отец руководил экспедицией из двух кораблей, пливших от Мадейры до Лиссабона.

Фернандо Колумб цитировал отрывок из утраченной впоследствии рукописи отца: «В феврале 1477 г. я проплыл на 100 лиг за остров Тиле, южная часть которого лежит на 73° от экватора, а не на 63° , как утверждают некоторые... Этот остров не меньше Англии, и англичане ездят туда с товарами, особенно из Бристоля. Когда я там был, море не замерзло, а приливы были так велики, что кое-где достигали 26 локтей...». Дословно взятое сообщение выглядит неправдоподобным, но текстологические изыскания Р. Каддео, комментатора книги Фернандо Колумба, показывают, что дело обстоит не так просто. Учитывая почерк Христофора Колумба, при переписке с оригинала его сын мог ошибиться, заменить одно слово другим. Подлинник мог иметь следующее начало: «В феврале 1477 г. я плавал к другому острову Тиле, имеющему 100 лиг в окружности...».^[15]

Под 71° северной широты лежит остров Ян-Майен (380 кв. км), открытый в XVII в., а 63° проходит в полусотне километров к югу от Исландии, которую в те времена называли и Тиле, и Туле. Напрашивается предположение, что Колумб мог побывать на обоих островах. Приливы у берегов Исландии высоки, хотя и

---

¹⁵ Ibid. Milano, 1930. Vol. II. P. 334–335.

меньше, чем говорит Колумб. К Ян-Майену, случается, суда подходят по воде, свободной ото льда.

Норвежский исследователь Тур Хейердал в 1995 г. в интервью газете «Афтенпостен» (Осло) сообщил, что, согласно датским архивам, в 1477 г. португало-датская экспедиция искала путь через Атлантику в Северную Индию. Экспедиция, куда Колумб входил как картограф, побывала в Гренландии и на Баффиновой Земле, т. е. сравнительно недалеко от американского материка.

В журнале первого путешествия Колумб рассказывает, что плавал в южных широтах, видел Перцовый Берег (современная Либерия). Он отмечает, что в Гвинее из-за языковых различий люди не понимают друг друга, чего не скажешь о Новом Свете, где языки входят в единую семью. Будущий адмирал, по его словам, бывал в Санту Жорже да Мина (современная Эльмина). Местный форт был одним из первых, сооруженных португальцами на берегах Западной Африки. Его строили приблизительно в 1481–1482 гг., когда из Лиссабона прибыли девять кораблей с камнем и известью. Скорее всего, Колумб был там как раз в эти годы.

Свое название — Эль-Мина, т. е. шахта, рудник, — форт получил по той же причине, что и весь Золотой Берег, современная Гана. Золото добывают до сих пор в южных районах страны. Что делал в Эльмине Колумб? Служил на корабле, менял на европейские товары золото, рабов, слоновую кость? С португальских времен там мало что сохранилось: лишь центральная часть форта, детинец, укрытый рядами позднейших фортификаций, которые построили голландцы и англичане. Раньше к берегу подходили тропические леса.

Их свели, и бревна на экспорт теперь везут к побережью из глубинки. Африка отдает Европе остатки лесов, которыми когда-то мог любоваться Колумб.

По-видимому, находясь в Португалии и ее владениях, будущий адмирал много читал, что помогло ему убедиться в возможности открыть западный путь в Индию.

В письмах 1498 и 1503 гг., отправленных королю и королеве Испании, адмирал подробно изложил свои географические представления, сложившиеся за 15–20 лет до этого. Ссылаясь на Птолемея, а также на средневекового богослова и географа П. д'Альи, он писал, что земля в целом шарообразна. Такого рода утверждение на рубеже XV–XVI вв. не выглядело еретическим, хотя в начале XIV в. за него отправляли на костер. Земля невелика, продолжал Колумб. Одна из книг пророка Ездры, не признанная канонической, исходит из того, что шесть седьмых земной поверхности составляет твердь, и лишь одну седьмую — вода. Следовательно, океан, омывающий берега Европы, не может быть широк, о чем писал еще Аристотель. Тот же Аристотель вместе с арабским философом Аверроэсом (XII в.) полагали, что к югу от небесного экватора расположена приподнятая часть Земли. Будучи приподнята, она устремлена к небесам, а потому благородна. Отсюда д'Альи (переписывавший францисканца Р. Бэкона) заключал, что в этих краях расположен земной рай.

Есть достаточно оснований считать, что Колумб задумал путешествие на Запад, находясь в Португалии и ее владениях. Прежде всего, он сам так говорил впоследствии в письмах королю и королеве Испании, сообщая, что долгие годы добивался поддержки своих

планов лиссабонским двором. Фернандо Колумб и Лас Касас добавляли, что будущий адмирал, находясь в Португалии, вступил в переписку с престарелым флорентийским космографом и астрономом П. Тосканелли. Тот одобрил его планы и отправил ему копию карты мира, изготовленную для короля Португалии.

Переписку с Тосканелли и отправку им карт в Португалию историки ставят под сомнение. Утверждают, что Тосканелли вовсе не был сторонником экспедиции через Атлантический океан. Имеется лишь копия (переписанная Колумбом) его письма, где сказано, что от Лиссабона «до великого и великолепного города Кинсай» (китайский Ханчжоу) — 26 раз по 250 миль, т. е. 6,5 тыс. миль. Возьмем старую римскую милю в 1481 м и получим указанное расстояние в километрах — 9,6 тыс. В действительности же от Лиссабона до Ханчжоу, на запад по прямой, не 9,6, а свыше 20 тыс. км, т. е. в два с лишним раза больше.

Автор письма, приписываемого Тосканелли, не имел истинного представления о размерах земного шара, и моряк Колумб ошибся бы, поверив ему. Готов был ошибиться, а точнее делал вид, что ошибается, английский писатель Р. Сабатини (1875–1950). В романе «Колумб» он рассказывает, увлекая читателя интригой, как венецианцы, вечные враги Генуи, похитили у будущего адмирала карту Тосканелли. С помощью Л. Сантанхеля, казначея Испании и друга Колумба, на венецианцев напала группа испанцев, и карту возвратили ее владельцу. Сабатини не стал писать, что шайка похитителей оказала бы Колумбу услугу, если бы сохранила при себе карту со всеми ее ошибками. Трудно сказать, ссылался ли Колумб на «карту Тосканелли» при

переговорах с португальцами. Конечно, флорентиец обладал авторитетом, и им желательно было воспользоваться, чтобы быть услышанным при португальском или испанском дворе. «Карту Тосканелли» Колумб, знавший толк в картографии, мог приобщить к своей коллекции подобных документов, которых у него, наверное, было не меньше, чем у флорентийца. И что значили эти карты в сравнении с другой информацией? Как сообщал Лас Касас, на Мадейре ходили слухи, что там один штурман перед смертью передал будущему адмиралу ценнейшие сведения о судождении в водах Центральной и Южной Атлантики. Были у Колумба и иные источники, поскольку его брат Бартоломео был, как и он, картографом.

О контактах Колумба с португальским двором мало что известно. Сам адмирал упоминал о них мельком в своих письмах, утверждая, что Господь закрыл глаза португальскому королю и не дал ему оценить проект путешествия на Запад. Фернандо Колумб и Лас Касас сообщали ряд подробностей, частично подтвержденных одним португальским хронистом XVI в. Суть дела в том, что при дворе состоялось совещание с участием епископа Сеуты, отвергшее проект Колумба. Скорее всего Фернандо Колумб и португальский хронист пересказали различные мнения, ходившие в придворных кругах. Кое-кто при лиссабонском дворе считал, что дальние экспедиции были чересчур обременительны и следовало ограничить экспансию близлежащими африканскими территориями. Но большинство полагало, что лучше всего продолжать экспедиции в избранном направлении, т. е. вдоль западноафриканских берегов. По-видимому, учитывалось, что эти экспедиции уже оправдали затраты,

а доходы от проектируемого путешествия на Запад были проблематичны.

Карта плаваний Колумба

В 1485 или 1486 г. Колумб покинул Португалию. Конечно, он желал попытать счастья со своим проектом в другом месте. Испания была рядом, и выбор ее был понятен. Кроме того, есть основания считать, что материальное положение Колумба в середине 80-х годов стало тяжелым. Уже говорилось, что он задолжал генуэзцам, обосновавшимся в Лиссабоне. Долги не были оплачены (как видно из завещания адмирала), и нельзя было исключить судебного преследования.

Поскольку Колумб прибыл в Испанию без жены, в сопровождении, как утверждал Фернандо Колумб, малолетнего сына Диего, казалось бы, можно предположить, что к этому времени Филипе Мониш не было в живых. Но найден черновик письма адмирала, где он, говоря о своих отношениях с королем и королевой Испании, писал, что «явился издалека на службу этим государям, оставив жену и детей, которых из-за этого никогда не увидел».^[16] Как уже было сказано, Филипе Мониш умерла при жизни адмирала, до 1505 г. По-видимому, то же можно сказать о ее детях (кроме Диего), так как в завещаниях Колумба о них нет речи, хотя упомянуты другие родственники.

Северные и восточные районы Испании освободились от мавров до XII в., и во времена Колумба уже нельзя было говорить, как раньше, что Африка начинается за Пиренеями. Арабы утратили долину Гвадалквивира на юге, в Андалусии, куда перебрался

---

¹⁶ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 297.

Колумб. Но они еще удерживали Гранадский эмират — Андалусские горы и примыкающее к ним средиземноморское побережье. Война с Гранадой тянулась с 1481 г.

Реконкиста способствовала объединению Испании. Сблизились Кастилия и Арагон, укрепились позиции католической церкви, поднимавшей испанцев на войну против мусульман. Были расширены карательные функции инквизиции, обеспечившей единоверие. Создание единого государства наметилось в 1469 г., когда были обвенчаны Изабелла, будущая королева Кастилии и Леона, и Фердинанд, который стал через десять лет королем Арагона, владевшим, кроме того, Сицилией, Сардинией, Балеарскими островами. Как и португальские короли, Фердинанд и Изабелла охотно привлекали в свою страну иностранцев. Испании оказывали помощь в войне с маврами рыцари других стран Европы, в городах селились иностранные ремесленники и торговцы, в том числе генуэзцы.

Высшая знать правила Испанией вместе с королем и королевой. Но постепенно двор прибрал к рукам многих знатных сеньоров. Изабелла раздавала им новые титулы, вводила в королевскую свиту. Превратившись в придворных, они редко посещали свои замки и, тем самым, в чем-то утрачивали над ними власть. Двор наряжался, устраивал праздники, но побаивался королевы. Эта высокая и дородная блондинка была известна нравственными достоинствами, не в пример королю, который был ей верен, лишь когда находился в буквальном смысле в поле ее зрения.

<http://knigi.tr200.org> - Книги, журналы, аудиокниги
скачать бесплатно

Не все гранды — высшая знать — шли на поводу у Фердинанда и Изабеллы. Кое-где гранды держали свой двор, вокруг них объединялись идальго — низший слой дворянства. Таких же идальго, не имевших «ничего кроме чести», а также зажиточных дворян было немало в городах. Дворяне воевали за короля и королеву, были их вассалами. Но их отношения с королевской властью определял закон, и отклонение от него могло стать предметом судебного разбирательства. В 1513 г. после смерти Колумба его сын Диего счел, что нарушены права, дарованные отцу. Было начато судебное следствие, направленное против испанской казны. Диего Колумб проиграл процесс, хотя позднее часть его привилегий была подтверждена.

Будущий адмирал видел, что судьба его проекта зависела от королевского двора, который из-за войны с маврами чаще всего пребывал в Андалусии. Там же поселился и Колумб, зарабатывая на жизнь торговлей печатными книгами. Свободное время, надо думать, он уделял своему проекту, и уже зимой 1486–1487 гг. в Саламанке, университетском городе, состоялось посвященное ему совещание высокопоставленных лиц. Предложения Колумба были отвергнуты, но с мая 1487 г. он стал получать от испанской казны денежную помощь, довольно нерегулярную.

Так или иначе, за полтора года после прибытия в Испанию будущий адмирал сумел как-то устроить свою жизнь, а главное — сумел попасть ко двору, приблизиться к тем, от кого зависела заморская экспедиция. Правда, утекло еще немало воды, прежде чем эта экспедиция состоялась.

О том, как генуэзский моряк добрался до королевского двора, можно судить лишь предположительно. Став книготорговцем, Колумб столкнулся с людьми просвещенными, в том числе духовного звания. Сам он позднее писал, что в Испании в течение семи лет его планы считались несбыточными, а верил в него и помогал ему только один человек — монах А. де Марчена.^[17] Имя Марчены поминал и Фернандо Колумб, путая его, правда, с другим монахом. Марчена, по словам Фернандо Колумба, вскоре после прибытия будущего адмирала в Испанию сообщил о нем влиятельным лицам. Трудно сказать, с кем был связан Марчена, человек грамотный, о котором известно, что он разбирался в астрономии. Во всяком случае выглядит убедительным предположение, что именно он помог Колумбу проложить дорогу в Саламанку.

Совещание, посвященное Колумбу, состоялось в Саламанке не потому, что там находился университет, один из первых в Европе. В этом городе провел зиму 1486–1487 гг. королевский двор, который дал согласие на консультации по поводу планов будущего адмирала. Состав участников совещания частично известен. Это были представители двора и духовные лица, включая кардинала П.Г. де Мендосу. Они дружно отвергли план Колумба, но, по-видимому, их уверенность в своей правоте не была велика. Через несколько лет бывшие участники саламанкского совещания, включая Мендосу, склонились на сторону Колумба, помогли (или не стали мешать) его экспедиции.

---

¹⁷ Las Casas B.de. Op. cit. P. 203.

Кое-какие подробности о дискуссии в Саламанке передал Фернандо Колумб. По его словам, там собрались сторонники закостепевших церковных канонов. Для них Земля была плоской, а главный аргумент, выдвинутый против будущего адмирала, гласил: будь Земля шаром, люди ходили бы вверх ногами. Свидетельство Фернандо Колумба вряд ли стоит целиком отвергать. Конечно, желание поддержать добрую память об отце заводило его далеко, но есть другое свидетельство, косвенно подтверждающее его правоту. Через несколько лет на подобном же совещании под Гранадой одному из участников, священнику, пришлось, как он писал, советовать Мендосе не искать аргументов против Колумба в богословии.^[18] Мендоса, судя по всему, прислушался к совету, и тем самым церковь в его лице молчаливо признала представление о шарообразности Земли, о возможности, отправившись на запад от европейских берегов, добраться до Индии, Китая и других восточных стран.

Аргументы противников экспедиции или тех, кто предлагал ее отложить на какое-то время, по-видимому, не сводились лишь к разговорам о хождении вверх ногами. Участники совещания в Саламанке знали, что для далеких путешествий нужны деньги и благоприятный политический климат, который мог сложиться только после войны с маврами. Испания, отдающая силы борьбе с исламом, могла не понять организацию экспедиции для завоевания неведомых земель. В свою очередь Колумб мог выдвинуть доводы о выгодности заморской экспедиции, как он это сделал, в частности, в письмах казначеям Испании Л. де Сантанхелю и Г. Санчесу,

---

¹⁸ HARRISSE H. Op. cit. P. 380.

отправленных после возвращения из Нового Света (дальние страны дадут золото, пряности и рабов). Аргументы в этих письмах вряд ли заметно отличались от того, что был способен сказать Колумб в Саламанке.

После Саламанки Колумбу надо было ждать окончания войны с маврами, сохраняя контакты с испанским двором. Там, видимо, готовы были милостиво посмотреть на мореплавателя, предлагавшего соблазнительный проект.

Судя по свидетельствам современников, Изабелла относилась к планам будущего адмирала с большей благосклонностью, чем ее муж.^[19] Сдержанность Фердинанда можно объяснить трезвостью его ума, а расположение королевы — ее личной симпатией. Но, прежде всего, дело было не в этом. На испанском троне Фердинанд оставался королем Арагона, Изабелла — королевой Кастилии. Владея Каталонией — соседкой Франции, — Сицилией, Балеарскими островами, Арагон ориентировался на связи с бассейном Средиземного моря. Для Кастилии эти связи играли меньшую роль. Кастильское Дворянство больше, чем арагонское, было вовлечено в войны с маврами, а в будущем ему должно было потребоваться новое поприще для экспансии, экспедиции за океан. К ним могли быть привлечены, помимо дворян, моряки, судовладельцы, коммерсанты. Окончание войны с Гранадой было не за горами, и Изабелле приходилось думать о будущем.

Чтобы поддержать контакты с испанским двором, Колумб следовал за ним. Двор не имел постоянной

---

¹⁹ Prescott W.H. History of the Reign of Ferdinand and Isabella, the Catholic, of Spain. London, 1870. Vol. II. P. 112; Perez-Embid F. Cristobal Colon y el descubrimiento de America. Madrid—Buenos Aires, 1967. P. 43.

резиденции, а потому Испания не имела столицы. Мадрид был третьеразрядным городом, двор — штабом армии, чаще всего приближенным к театру военных действий в Андалусии. Правда, двору нельзя было постоянно находиться на Юге, так как одни и те же города не могли долго нести расходы по пребыванию коронованных особ с их свитами. По этой и другим причинам — например, спасаясь от эпидемий, — двор время от времени разъезжал по провинциям.

В мае 1487 г. Колумб оказался в Кордове, в августе — в Малаге, затем — опять в Кордове. Странствия по градам и весям давали, может быть, не меньше пищи для размышлений, чем знакомство с королевским двором.

Андалусия, которую Колумб знал лучше всего, была благодатным краем. На севере за оливковыми рощами и виноградниками высились горы, где долгие месяцы лежал снег. На юге, в самом теплом районе Европы, встречались дикорастущие пальмы. Но не для всех этот край был раем. В поместьях на полях, как и в Португалии, трудились рабы, завезенные из Африки, плененные в войнах с маврами. Крестьяне ютились по жалким хижинам. От города к городу тянулись паломники и нищие, предпочитавшие передвигаться группами, так как дороги не были безопасными. Вера поддерживала тех, кто шел, сбивая ноги, и в зной, и в стужу, чтобы найти приют в очередной монастырской ночлежке. Монастырей и церквей было много. Их доходов хватало, чтобы помочь богомольцам и нищим, а заодно откупиться от местных сеньоров, полупокровителей-полуразбойников.

Власти пытались очистить дороги от шаек грабителей, взять под контроль неумных сеньоров.

Фердинанд и Изабелла обратились к опыту германдад («братств»), как называли союзы городов и крестьянских общин, созданные для самообороны. Была образована Святая Германдада, куда крестьяне должны были посылать по одному кавалеристу от ста дворов. Св. Германдаду, опору королевской власти, боялись и правый, и виноватый. Она помогла разрушить часть замков, не нужных для защиты от внешних врагов. А на дорогах, заведя ее отряды в белых камзолах и синих беретах, путники спешили где-нибудь укрыться.

Города Андалусии, в которых жил Колумб, по своим нравам напоминали Геную. На его родине, как уже говорилось, знатные кланы устраивали кровавые столкновения. Их причиной чаще всего была борьба за власть, а не романтические злоключения Монтеки и Капулетти. В андалусских городах по тем же причинам враждовали кланы Гусман, Понсе де Леон, Агилар и др. В свои банды (они так и назывались по-испански — бандас) кланы втягивали вассалов, отставных солдат, просто разбойников с большой дороги. Лилась кровь горожан и селян, горели церкви, разорялись целые области.

Наблюдая жизнь в Испании, Колумб должен был задуматься. В случае согласия двора с его планами предстояло уйти в далекое плавание с экипажем из кастильцев. Дворяне должны были встать во главе будущих заморских владений, принести туда порядки своей родины. Разница могла быть лишь в уровне цивилизации и в том, что в чужих странах у дворян были бы развязаны руки, над ними не было бы контроля — ни церкви, ни короля, ни Св. Германдады. Колумб сталкивался со схожей обстановкой в португальской Эльмине, где шли восстание за восстанием. Возможно, он думал не только о своей безопасности и своей карьере,

когда позднее стал добиваться широких военных и гражданских полномочий, титула вице-короля в землях, которые предстояло открыть.

О жизни Колумба в течение четырех-пяти лет после саламанкского совещания сохранились такие же скудные сведения, как и о предыдущих годах. Известно, однако, что в это время произошли важные для него события. Среди архивных документов найдена копия грамоты, отправленной Колумбу Жуаном II, королем Португалии, в марте 1488 г. Согласно грамоте, король в ответ на просьбу Колумба разрешал ему вернуться в Португалию и обещал не возбуждать против него судебного преследования. Грамота не содержала каких-либо сведений о цели пребывания в Португалии. Эта цель могла быть связана с личной жизнью Колумба или с его планами заокеанского путешествия, а может быть, и с тем, и с другим. Не исключено, что разрешение было выдано по случаю смерти жены. Возможно, речь шла о переговорах с лиссабонским двором, о чем есть в письмах Колумба Фердинанду и Изабелле глухие упоминания, так же, как о контактах будущего адмирала с Англией и Францией.

В конце 1487 г. в Кордове Колумб сблизился с Беатрисой Энрикес де Арана, девушкой из местной небогатой семьи. В августе следующего года Беатриса родила сына Фернандо. Возможно, тогда же Колумб посетил Португалию и забрал в Испанию законного сына Диего. Как отец он всегда заботился об обоих детях и, по-видимому, сохранял добрые отношения с родственниками Беатрисы, судя по тому, что ее брат позднее командовал кораблем в эскадре адмирала. Может быть, браку с Беатрисой помешали нелегкие материальные условия, в которых жил Колумб до отъезда

в Новый Свет, а может быть, все еще была жива его жена? Но, скорее всего, причина была в другом. Беатриса не была дворянкой, и брак с ней мог помешать Колумбу стать на равную ногу с испанскими придворными. Это могло нанести удар по планам, которые будущий адмирал отстаивал при дворе. Что касается внебрачной связи, то среди испанских дворян в те времена она могла иметь почти легальную окраску. Никто Колумба не осуждал, кроме него самого. В завещании он просил Диего как наследника обеспечить Беатрисе «достойную жизнь» и тем самым «снять большую тяжесть» с его души.

<http://knigi.tr200.net> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Пребывание в Португалии не помогло планам Колумба. К тому же проект западного пути в Индию стал мало перспективен для Лиссабона с декабря 1488 г., когда в Европу вернулся из путешествия вдоль африканских берегов Б. Диаш. Он только что обогнул юг Африки и прошел 60 миль за бух. Алгоа, где теперь стоит Порт-Элизабет. Берег уходил к северо-востоку, и португалец вернулся лишь из-за недовольства экипажа. Теряли смысл переговоры о западном пути, когда восточный сулил скорые выгоды.

В Испании перспективы путешествия, задуманного Колумбом, были по-прежнему неопределенными. Фердинанд и Изабелла готовились к осаде крепости База, прикрывавшей с востока подступы к Гранаде. Осенью 1489 г. начались наводнения, пришел голод. Это не помешало королевским войскам приступить к уничтожению посевов вокруг Гранады, чтобы лишиться мавров съестных припасов. Базу захватили, и победу

долго праздновали. Затем готовили свадьбу старшей дочери Фердинанда и Изабеллы с португальским принцем. Свадьбу отпраздновали в апреле 1490 г. с балами, турнирами и факельными шествиями.

О Колумбе никто не думал, и после мая 1489 г. (даты вызова ко двору, помянутой в архивах) он, по-видимому, утратил материальную поддержку Фердинанда и Изабеллы. Найдено письмо Л. де ла Серда, герцога Медина-Сели, который сообщал кардиналу Мендосе, что задержал отъезд Колумба во Францию и дал ему на два года приют в своих владениях, видимо, с конца 1489 г. По словам герцога, он готов был поставить под командование Колумба три-четыре корабля, но полагал, что будет лучше, если путешествие организуют Фердинанд и Изабелла.^[20] Скорее всего, герцог боялся королевской немилости. Он мог не раз убедиться, что монархи желали ограничить независимость грандов, способных организовать крупные экспедиции, будь то на суше или на море.

Два года, проведенные у герцога в замке Сан Маркос, около Кадиса, не могли пройти даром. Это были, надо полагать, годы занятий и подготовки экспедиции. Из письма де ла Серды, адресованного Мендосе, следовало, что корабли для экспедиции фактически уже были подготовлены. Трудно допустить, чтобы Колумб не принял деятельного участия в их снаряжении. Кроме того, как сообщал Лас Касас, вместе с Колумбом в замке Сан Маркос был Х. де ла Коса, будущий картограф Нового Света. Неудивительно, что на встрече с Фердинандом и Изабеллой в конце 1491 г. Колумб

---

²⁰ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 30–31.

появился, по словам хрониста А. Бернальдеса (лично знавшего адмирала), с картой мира в руках, произведшей благоприятное впечатление на монархов.

С апреля 1491 г. Фердинанд и Изабелла находились под стенами осажденной Гранады, а с августа — занимались сооружением рядом со столицей мавров замка Санта Фе. Его строительство имело важное военное и психологическое значение: маврам надлежало видеть в замке свидетельство того, что испанцы не отойдут от Гранады. В последние месяцы 1491 г. в лагере Санта Фе Колумб в очередной раз пытался добиться положительного решения своих дел, и вновь безуспешно. Покинув Санта Фе, он отправился в Уэльву, приморский андалусский город, захватив с собой сына Диего, чтобы оставить его там у родственника жены (мужа ее сестры).

В десятке километров от Уэльвы при слиянии рек Тинто и Одьель стоит до наших дней францисканский монастырь Св. Марии Рабиды; рядом с ним — портовый городок Палос. Францисканские монастыри всегда были приютом бедняков. Так было и осенью 1491 г., когда к воротам Рабиды подошел мужчина лет сорока и попросил у монахов хлеба и воды для сопровождавшего его ребенка. Со странником, который, судя по его речи, был иностранцем, разговорился старый монах Хуан Перес. Разговор настолько увлек монаха, что он вскоре послал за палосским грамотеем, врачом. Тот никак не мог подумать, что историю его встречи с Колумбом придется через двадцать с лишним лет пересказать судейским писцам в ходе разбирательства тяжбы между казной и Диего Колумбом, которого он когда-то встретил ребенком в монастырском дворе. А суть дела была в том, что тогда, в Рабиде, врач и монах во всем поддержали Колумба.

Монах определенно заявил, что Колумб шел по верному пути и предложил ему свою помощь.

Встреча с Пересом принесла успех Колумбу. Монах, прозорливый и решительный, в прошлом был исповедником королевы Изабеллы. Он тут же вызвался отправить гонца в Санта Фе ходатайствовать за будущего адмирала. Через две недели гонец вернулся с письмом, в котором Изабелла просила Колумба без промедления вновь прибыть в Санта Фе.

Св. Мария Рабида помогла открытиям Колумба. Молва гласит, что стоящая там на серебряном алтаре гипсовая статуя богоматери с младенцем изготовлена в мастерской св. евангелиста Луки. Монахи говорят иное. По их словам, богоматерь была изваяна около 1400 г., за статую соперничали Уэльва и Палос. Спор разрешили мирно: поставили статую в лодку и стали ждать, куда ее прибудет. Лодку прибило к монастырскому берегу. Со времен Колумба Св. Мария Рабида — покровительница Латинской Америки. Каждую годовщину открытия Нового Света, 12 октября, звонят колокола в латиноамериканских столицах. Поминают и Св. Марию Рабида. Америка хранит память о Колумбе и о монастыре, который стал вехой на его пути за океан.

Переговоры с Колумбом, начатые в Санта Фе, были продолжены в Гранаде, захваченной 2 января 1492 г. В судовом журнале первого путешествия адмирал писал, что видел, как королевские войска входили в Гранаду, как были подняты флаги Фердинанда и Изабеллы на башнях Альгамбры — внутренней крепости и дворца эмиров. Последний из эмиров, целовавший руки королю и королеве у городских ворот, с октября вел с ними тайные переговоры, упрашивая поскорее войти в город.

Капитуляция избавляла эмира от страха перед чернью, требовавшей продолжать сопротивление. Простонародье знало, чем для него будет испанское владычество. В Базе, Кадисе и Альмерии, ранее захваченных испанцами, было уже объявлено, что населению, если оно не желает быть обвиненным в никому неизвестных заговорах, разрешается отправиться на все четыре стороны.

Тучи собирались не над одними арабами. За еврейскими общинами Кастилии и Арагона еще признавалось право на существование. Но уже инквизиция жгла на кострах марранов — новообращенных христиан, — выискивая тех, кто тайно читал Тору или совершал обряд обрезания над новорожденными мальчиками. В марте 1492 г. наконец появилось предписание всем евреям креститься или покинуть Испанию. Конечный срок был назван: до начала августа того же года.

В ходе переговоров Колумб обнаружил, что теперь у него много союзников. На совещании, подобном саламанкскому, проведенном в Гранаде, большинство придворных и служителей церкви высказались в поддержку экспедиции. Настало время Колумбу заявить, на что он лично претендовал. Он просил дать ему дворянство, титулы адмирала, губернатора и вице-короля в тех странах, которые он откроет. Из будущих доходов от торговли он хотел бы получить одну десятую, а также хотел бы участвовать в торговых экспедициях на правах пайщика, несущего одну восьмую часть издержек и получающего соответствующую прибыль. Фернандо Колумб утверждал, что в феврале 1492 г. переговоры были прерваны, так как двор счел требования его отца чрезмерными. Будущий адмирал

покинул город, но его догнали на мосту через ущелье, за две лиги от Гранады, и вернули во дворец.

В конце концов встал практический вопрос: кто оплатит экспедицию? Казна была пуста. Контрибуция, полученная от Гранады, тут же ушла на оплату долгов. По словам Фернандо Колумба и Лас Касаса, Изабелла, уверовав в генуэзского мореплавателя, заявила, что готова заложить свои драгоценности. Может быть и так, только драгоценностей у нее не было. Прошло три года, как они были заложены у ростовщиков Валенсии и Барселоны. Если кто и мог теперь помочь Колумбу, так это были не короли, не придворные и не монахи, а те, у кого водились капиталы. Вот почему год спустя, по возвращении из Нового Света, первыми адресатами писем адмирала стали испанские казначеи, среди которых наиболее значительной фигурой (по крайней мере для Колумба) был Л. де Сантанхель.

Сантанхель, выходец из семьи крещеных евреев, коммерсант и финансист, был казначеем Св. Германдады и «эскривано де расион» — секретарем по хозяйственным делам в Арагоне. Его личное состояние было достаточным, чтобы ссудить Колумбу, как видно из бухгалтерских книг Св. Германдады, свыше миллиона мараведи. Фактически, по-видимому, он ссудил намного больше: 4–4,5 млн мараведи, или 17 тыс. золотых флоринов весом около 3,5 г каждый. Документ о 17 тыс. флоринов был найден в архиве Арагона историком XVII в. Б.Л. Архенсолой.

Нет сведений о мотивах, которыми руководствовался Сантанхель, ссужая Колумбу личные средства. Правда, известно, что такие люди, как Сантанхель, в те времена получили немало от еврейской

общины. Многие евреи не желали ни креститься, ни покидать Испанию. Они знали, что погибнут от руки инквизиции, и предпочитали отказывать свое имущество марранам, нежели ждать его конфискации. Может быть, Сантанхель рассчитывал помочь бывшим единоверцам, передавая деньги Колумбу? Может быть, надеялся, что в далеких странах, которые откроет генуэзец, евреям удастся спастись от своих гонителей?

Если верить только документам, собранным архивистом М.Ф. де Наваррете, то Колумб получил от Сантанхеля 1 млн 140 тыс. мараведи. Эта сумма позднее была возвращена Сантанхелю до единого мараведи короной через кассу Св. Германдады. 17 апреля 1492 г. Фердинанд и Изабелла подписали капитуляцию (жалованную грамоту), по которой Колумб получал все просимые титулы и привилегии, а через две недели было подписано «свидетельство о пожаловании титула».^[21] Тогда же городские власти Палоса получили приказ нанять два корабля. Палос стал базой для подготовки экспедиции, по-видимому, по той причине, что рядом была Рабида, откуда исходила инициатива поддержки Колумба. Городу тут же припомнили, что шесть лет назад он проявил своеволие, отказавшись дать корабли неаполитанскому королю, союзнику Изабеллы. Теперь в наказание Палосу следовало нанять на два месяца два корабля и оплатить жалование их командам за четыре месяца. Моряки, пожелавшие принять участие в экспедиции, приравнивались к экипажам военных кораблей с соответствующим заработком. Морским

---

²¹ Ibid. P. 16 etc.

советам Андалусии предписывалось за умеренную плату поставить на корабли провиант и боеприпасы.

Колумбу было разрешено к двум кораблям присоединить третий, снаряженный за свой счет. Лично он потратил на экспедицию полмиллиона мараведи, полученных, частично или полностью, от соотечественников-итальянцев. Эти деньги составили, по словам Лас Касаса, одну восьмую от общих затрат, и, значит, вся сумма все-таки равнялась, круглым счетом, 4 млн мараведи.

Моряки Палоса, бывалые люди, не торопились вербоваться в плавание на край света, откуда еще никто не возвращался. Власти это предвидели, а потому было решено пустить в ход обычное средство, которое использовали не только в Испании, чтобы обеспечить флот рабочими руками. Было объявлено, что находящиеся в тюрьмах преступники получают свободу, отправившись за океан. Одного из них, приговоренного в Палосе к смерти за убийство, не пришлось долго уговаривать. Но остальных, судя по всему, было недостаточно, чтобы укомплектовать корабли Колумба.

<http://goraknig.org> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Положение изменилось в июне 1492 г., когда в Палосе вернулся из плавания М.А. Пинсон, опытный моряк и- местный судовладелец. Он принял сторону Колумба и вызвался сам пойти с ним в океан. Пинсону доверяли в Палосе и близлежащих местностях; с его помощью были набраны 90 человек, нужных для экспедиции. В конце июля все три корабля — «Св. Мария», «Пинта» и «Нинья» — были готовы. Из Палоса их вывели на веслах к отмели Сальтес в устье Тинго.

На рассвете 3 августа 1492 г. корабли снялись с якорей. Впереди за мутной речной водой Тинто катились прозрачные волны океана. За день до этого, 2 августа, истек срок пребывания евреев в Испании. Возможно, выйдя в открытое море, Колумб увидел последние корабли, увозившие изгнанников. Экспедиция Колумба должна была обогатить Испанию, но на его глазах страна беднела, теряя ремесленников, торговцев, грамотных горожан.

* * *

Инструкций, касавшихся экспедиции, в испанских архивах нет. Но они, скорее всего, существовали, если учесть внимание, которым был окружен Колумб, в частности письменные распоряжения, отданные властям Палоса и лицам, ответственным за оружейные и провиантские склады, снабжавшие адмирала. Можно также попытаться восстановить в общих чертах королевские повеления по другим документам. Во вступительной части судового журнала, который сохранился в сокращенном виде, адмирал писал, что после падения Гранады он беседовал с Фердинандом и Изабеллой «о землях Индии», о «великом хане», т. е. о монгольском правителе Китая. В результате беседы (или бесед) адмиралу было поручено «увидеть этих правителей, народы и земли, их расположение и все в целом, а также изучить способ их обращения в нашу святую веру».^[22]

Перед экспедицией, таким образом, ставились разведывательные и миссионерские цели, понятные для

---

²² Ibid. Buenos Aires, 1945. Т. I. P. 150.

испанцев, боровшихся с исламом во имя укрепления христианства. Но дело было не только в этом. По жалованной грамоте 17 апреля 1492 г. Колумб назначался вице-королем на всех островах и материках («тиеррас-фирмес»), которые он «откроет или приобретет». В дальних странах предстояло обрести «жемчуг, драгоценные камни, золото, серебро, пряности». Этого перечня было достаточно, чтобы объяснить цели экспедиции. Слово «золото» здесь присутствовало с самого начала, притом; предоставляя Колумбу грамоту, Фердинанд и Изабелла обошлись без упоминания, казалось бы уместного, христианизации далеких земель.

На пути к этим землям испанцы могли сделать остановку на Канарских островах — их единственном владении в Атлантическом океане.

Судьба Канарских островов, разбросанных у берегов современного Марокко и Западной Сахары, во многом предвосхитила судьбу стран, которые предстояло открыть Колумбу в Новом Свете. Коренные жители Канар, гуанчи — светлокожие, подчас голубоглазые, — говорили на языках, близких берберским диалектам соседней Северной Африки. Первобытные обитатели пещер, они были одеты в шкуры коз и собак. Последние дали название островам: «канариэ» — по-латыни «собачьи». В 80-е годы XV в. кастильцы подчинили почти всю островную группу, преодолев отчаянное сопротивление гуанчей. Их последние вожди бросились на скалы с одной из вершин острова Гран-Канария, чтобы не сдаться победителям. Гуанчи как народ исчезли. Оставшиеся в живых были вывезены в Кастилию как рабы или ассимилированы испанскими колонистами. Последующая история Канар приобрела европейские

черты. Завоеватели, кастильские дворяне, не уживались друг с другом. Незадолго до путешествий Колумба двое предводителей конкистадоров были арестованы по ложным доносам и в кандалах отправлены в Европу. Их пример мог бы заставить адмирала задуматься о том, что ждало его самого.

Канары послужили Колумбу последней базой для пополнения запасов воды и провианта на пути за океан. Далее на юг простиралась сфера влияния Португалии, которая, согласно португало-кастильскому соглашению в Алькасовасе (1479), подтвержденному папской буллой (1481), владела всем «по ту сторону Канарских островов». Лиссабон склонен был толковать соглашение в Алькасовасе расширительно, чтобы присвоить все территории к югу от линии, проходящей в широтном направлении через Канары. Следовательно, заокеанские земли, куда отправлялся Колумб, рассматривались Лиссабоном как своя сфера влияния, если эти земли лежали южнее $27^{\circ}30'$ — широты самого южного из Канар о. Иерро (от него на Пиренейском полуострове вели счет меридианам).

Колумб должен был все это знать, хотя сообщил в Лиссабоне, вернувшись из Нового Света, что не ведал о былых соглашениях Кастилии с Португалией. В письмах, предназначенных для публикации, сразу после возвращения адмирал писал, что шел все время на запад на широте Иерро и приблизительно на этой широте сделал свои открытия.^[23] Заявления адмирала были дипломатичны и не компрометировали Испанию, хотя в действительности открытые Куба и Эспаньола (Гаити), а

---

²³ Colombo Cr. Epistola de Insulis Nuper Inventis. Ann Harbor (Mich.), 1966. P. 16.

также центральная часть Багамских островов лежали на юг от широты Иерро.

Надо думать, адмирал заранее готовился сообщить в Европе удобные для споров с Португалией координаты, а потому в судовой журнал он вносил вдвое увеличенные данные о широте ряда пунктов Вест-Индии. Наваррете, которому историки обязаны многочисленными документами о Колумбе, отмечал, что на квадранте, которым адмирал определял широту, величины делений также были обозначены удвоенными цифрами, т. е. когда адмирал писал, что побывал под 42° , следовало, что он находится на 20 с.ш., и т. д.

Так или иначе, неверные сведения судового журнала послужили основанием для части историков обвинить Колумба в неграмотности, заявить, что он просто не умел пользоваться навигационными инструментами. Учитывая все, что было сказано, эти обвинения выглядят беспочвенными. К тому же известно, что после первого путешествия, когда Испания и Португалия договорились о сферах влияния и когда нечего было скрывать, Колумб приводил верные сведения о своих измерениях широты. В бумагах адмирала есть, например, запись о том, что в феврале 1504 г. в Санта-Глория на Ямайке он определил широту по Малой Медведице в 18° . Ошибка составила всего 1, что допустимо для несовершенных инструментов, которыми он пользовался.

Другое дело — трудности, с которыми сталкивался адмирал, определяя долготу. Никаких хронометров для определения разницы во времени Европы и Нового Света не существовало. Механические часы с пружиной появились только в XVI в. Долготу можно было найти

либо линейными измерениями, либо подсчетами по таблицам затмений небесных светил (европейское время затмений было подсчитано на много лет вперед). Поскольку затмение происходит одновременно во всех географических точках, откуда его наблюдают, разница между местным и европейским временем дает разрыв в часах и минутах, равный искомой долготе. В сентябре 1494 г. на острове у южных берегов Эспаньолы Колумб попытался воспользоваться лунным затмением для своих подсчетов. По-видимому, мешала бурная погода, не позволявшая точно определить восход солнца и тем самым дать точное местное время. Ошибка Колумба, находившегося на 71° з.д., составила 16° (приблизительно 1,6 тыс. км).

И все же, судя по другим подсчетам, Колумб знал, на каком удалении от Европы он находился. Для этих подсчетов он использовал оценку ветров, течений и скорости своих кораблей. В ноябре 1492 г. на Кубе он записал, что прошел от Иерро 1142 лиги. Просчитав по карте его путь, Наваррете отметил, что было пройдено в действительности 1105 лиг (6 тыс. с лишним километров). Ошибка составила всего-навсего 37 лиг, т. е. половину экваториального градуса.

Экспедиция Колумба состояла из трех кораблей и имела меньше сотни моряков. В распоряжении адмирала находился один относительно крупный по тем временам корабль — нао, как называли испанцы суда с повышенным тоннажем. Чтобы заслужить такое название, «Св. Мария» должна была иметь водоизмещение по меньшей мере в сотню тонеладас (единственное число — тонелада) — старинных испанских мер объема. В разных районах Пиренейского полуострова тонелада составляла от 1 до 1,8

метрической тонны. Входившие во флотилию два других корабля, каравеллы (т. е. среднетоннажные суда, по тогдашним меркам), были меньше, особенно «Нинья», имевшая, по-видимому, около 60 тонеладас. Никаких чертежей или рисунков «Св. Марии» и обеих каравелл, «Пинты» и «Ниньи», не сохранилось. Но известно, что все они были палубными трехмачтовыми кораблями.

Размеры судов Колумба не раз исследовались историками. Американец С.Э. Морисон, организовавший перед второй мировой войной экспедицию на парусниках по маршрутам Колумба, считал, что «Св. Мария» имела около ста метрических тонн водоизмещения. При этом он ссылаясь на то, что Лас Касас однажды, упоминая «Св. Марию», поставил ее в один ряд с другим кораблем в сотню тонеладас. По мнению Морисона, каждая тонелада равнялась примерно сорока кубическим футам, т. е. 1,1 метрической тонны. Другие специалисты, говоря о «Св. Марии», давали иные цифры, подчас намного более значительные. По одной из оценок, этот корабль имел 400, «Пинта» — 300, «Нинья» — 200 т водоизмещения. Более скромные цифры, стоящие, по-видимому, ближе к истине, предложил в конце XIX в. испанский капитан С.Ф. Дуро, руководивший строительством копии «Св. Марии» к юбилею открытия Нового Света. Дуро нашел свидетельство о вместимости «Св. Марии» и, исходя из него, подсчитал водоизмещение, которое оказалось равно 237 метрическим тоннам. При этом «Св. Мария» имела 23 м длины («между перпендикулярами», как говорят моряки). Что касается «Пинты», то ее длина оценивалась в 20 м, а длина «Ниньи» — в 17,5 м.^[24]

---

²⁴ Morison S.E. Admiral of the Ocean Sea. A Life of Christopher Columbus. Boston, 1942. Vol. I. P. 146–176; [Монлеон Р.] Каравелы Колумба. — Морской сборник.

Как известно, «Св. Мария» потерпела крушение в декабре 1492 г. Корабль, или, вернее, то, что могло от него остаться, покоится под песками у северных берегов Гаити. «Пинта» уцелела, вернулась в начале 1493 г. на родину, после чего следы ее затерялись. А «Нинье» была уготована другая судьба. Прочная и ходкая, эта любимица адмирала не только проделала обратный путь из Нового Света в Испанию. Еще дважды ходила она за океан, уцелела в страшный шторм 1495 г., когда отправился на дно весь вест-индский флот. «Нинья» проплавала за свою морскую жизнь 25 тыс. миль под адмиральским флагом, что стало своего рода мировым рекордом для судов таких размеров.

Усовершенствования XII–XV вв. дали кораблям Колумба большую парусность, компас, руль с опорой на ахтерштевень. Кормчие держали при себе запасные компасные стрелки, камни для их намагничивания. В навигации, как уже было сказано, использовался квадрант. Он представлял собой деревянную четверть круга с градуировкой, отвесом и зрительной трубой для наводки на небесные светила. Колумб писал, что у него была астрлябия, но он не мог ее использовать из-за качки (как и другие моряки в его время). Лотов не было. Скорость оценивали либо по движению на гребне волны, поднятой кораблем, либо по щепке, брошенной у носа и плывущей к корме. Время отсчитывали, не ударяя в колокол, а переворачивая стеклянные песочные часы (отсюда в русском флоте пошло слово «склянки»).

«Св. Мария» имела осадку не более 3,3 м; у каравелл она была еще меньше — до 2 м. Малая осадка позволяла не бояться мелководья, заходить в устья рек.

В Средиземном море корабли зачастую шли с косыми парусами, повышавшими маневренность, но Колумб предпочитал прямые, обеспечивавшие более высокую скорость. При хорошем попутном ветре его корабли давали 8–9 узлов в час, т. е. столько, сколько современные крейсерские яхты, фактически, пересекая Атлантику, Колумб шел с меньшей скоростью — 4–5 узлов. Пассаты дули в юго-западном направлении, и в то же время корабли несколько сносило на северо-восток морское течение. Оно на широте Иерро в сентябре—октябре 1492 г. вовсе не было благоприятным (вопреки, в частности, утверждению такого авторитета, как Э. Реклю).^[25]

<http://knigi.tr200.biz> - Скачать бесплатно книги, аудиокниги, литературу, журналы

Команда флотилии насчитывала 90 человек, хотя некоторые авторы пишут, что их было 120. Скорее всего цифра была завышена ввиду того, что после путешествия нашлось много желающих приписать себе участие в открытии Нового Света. Для обслуживания флотилии хватило бы и половины тех, кого взял Колумб, считая капитанов, их помощников-кормчих (пилотос), боцманов (маэстрес). Но приходилось учитывать, что в дальних морях адмирал может понести потери, что появятся ослабевшие и больные. Все моряки знали, что рисковали головой, уходя в плавание с Колумбом. А потому нетрудно было предугадать конфликты, порожденные страхом за исход путешествия, желанием скорее вернуться в Испанию, не испытывая судьбу.

---

²⁵ Rectus E. Nouvelle geographie universelle. Paris, 1887. T. XII. P. 19.

На «Св. Марии» капитаном был ее владелец Х. де ла Коса, однофамилец известного географа. Капитан остался жив, хотя многие из его экипажа после потери корабля высадились на Эспаньоле и погибли от рук индейцев. «Пинтой» командовал М.А. Пинсон. Опытный моряк прошел через морские бури, но не спасся от бурь житейских. Он разошелся с Колумбом, в частности из-за желаний искать золото в Новом Свете самостоятельно и бесконтрольно, а заодно — развлекаться с индианками подальше от глаз адмирала. Капитан «Пинты» умер вскоре после возвращения в Испанию, по-видимому, от сифилиса. Его младший брат В.Я. Пинсон, капитан «Ниньи», поддерживал старшего родственника, играя, правда, не слишком активную роль. Через полтора десятка лет после открытия Нового Света В.Я. Пинсон успешно обследовал восточный берег Южной Америки, возможно дошел до Ла-Платы.

Условия жизни на кораблях были нелегки даже для неприхотливых спутников Колумба. Лишь на «Св. Марии» был, по-видимому, небольшой кубрик на баке. На каравеллах матросы в хорошую погоду спали на тюфяках на палубе, в плохую — под ней, поверх пропахшего отходами и нечистотами песчаного балласта. Съестных припасов вначале хватало, но к концу путешествия провиант был на исходе, матросы голодали. Приходилось, преодолевая усталость, выстаивать вахты, бороться со штормами. Вторая часть пути пролегла в умеренных широтах, где моряки нередко мерзли. Защитой от непогоды была альмосела, плащ с капюшоном, прикрывавший крестьянскую рубаху и короткие штаны.

Матросы Колумба знали не только морское дело. Среди них были плотники, конопатчики, бочары,

нотариус. Имелись лекари, лечившие солями и микстурами. Но в Новый Свет не взяли ни одного священника, ни одного монаха. Художественные полотна, на которых Колумб, вступая на неведомый берег, получает благословение посланцев церкви, — сущая выдумка. Это не значит, что моряки не были богобоязненны. Менее всего в этом можно было заподозрить Колумба, тщательно соблюдавшего обряды, нередко искавшего в Библии ответы на вопросы, которые ставили перед ним его путешествия.

Судовой журнал адмирала упоминает флаги, которые находились на кораблях, но не уточняет, какие из них поднимались на мачтах. Вряд ли поднимали арагонский флаг, поскольку экспедиция состояла в основном из кастильцев. Их штандарт, скорее всего, развевался на грот-мачте «Св. Марии»: два белых и два красных поля с башнями и львами в шахматном порядке. «Пор Кастилия и пор Леон нуэво мундо алло Колон» («для Кастилии и для Леона Новый Свет открыл Колумб») — такой девиз появился на фамильном гербе адмирала после его смерти. Возможно, девиз был добавлен сыном адмирала, Диего. А когда адмирал впервые сошел на берег в Новом Свете, он имел с собой, как сообщает его судовой журнал, «королевский флаг» (Колумб дипломатично не стал писать, какой именно). Сопровождавшие адмирала два капитана были снабжены флагами с зелеными крестами, с буквами Ф и И (Фердинанд и Изабелла), увенчанными коронами. Судя по материалам Мадридского морского музея, это были прямоугольные флаги с косицами; в походе такие флаги поднимались не на гроте, а на фок-мачте.

На кораблях был заведен обычай: каждые полчаса, переворачивая песочные часы, юнга произносил

духовные стихи, а утром и вечером в определенное время он запевал гимны и читал молитвы, к которым надлежало присоединяться команде. Юнга, по-видимому, честно исполнял свои обязанности, но вряд ли стоит ручаться за всех испанских матросов и утверждать, что они всегда охотно подтягивали, слышав гимны и молитвы. Тем более что сохранился их песенный репертуар, обычно безобидный фольклор, имевший мало отношения к богоугодным темам. Скорее всего на пути в Новый Свет, задумываясь, куда их заведет Колумб, моряки готовы были подпевать любому гимну. На Багамских и Антильских островах все казалось благополучным, и юнге случалось петь в одиночестве. А при возвращении в Европу, попав в многодневный шторм, который рвал паруса и валил мачты, моряки вновь могли изменить свое отношение к ритуалу. Тут и гимны пели с небывалым усердием, и молитвы читали без перерыва, все вместе и поодиночке.

Колумб, когда мог, облегчал тяжелую службу моряков. Лучшей помощью для них было, конечно, его умение водить корабли и щадить силы команды. Участник второго путешествия адмирала М. де Кунео, итальянец на испанской службе, явно был горд своим соотечественником Колумбом. По словам Кунео, «не было человека столь великодушного и столь знающего практику мореходства, как адмирал. В море ему было достаточно облака, а ночью — звезды, чтобы знать, что случится и будет ли непогода. Он сам правил и стоял у руля, а после шторма ставил паруса, когда другие спали».^[26]

---

²⁶ Cuneo M.de. Lettera. Savona, 15–28 ottobre 1495. — Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla R[eale] Commissione colombiana pel quarto centenario dalla scoperta

Адмирал и его кормчие знали, что, покинув испанские берега, они пойдут на юг с попутным пассатом, что за Канарами ветры повернут к западу и вновь помогут путешественникам. Они знали, что те же ветры помешают вернуться в Испанию старым путем, что, возвращаясь, по-видимому, лучше будет плыть на северо-восток, скажем, в район Азорских островов, где ветры и течения переменчивы, а далее на север преобладают западные воздушные потоки. Общее знание навигационной обстановки в восточной части Атлантики, конечно, облегчало задачу, но не более того. Далее Азорских островов никто не ходил, и риск плавания в Западной Атлантике был очевиден. Этот риск, собственно говоря, и вызывал особые трудности для Колумба в отношениях с экипажем. Далекое не все спутники адмирала были людьми, способными безропотно рисковать своей жизнью. Быстро выяснилось, что Колумбу придется тратить много сил, чтобы успокоить экипаж, постоянно убеждать его, что экспедиция добьется успеха.

Чтобы ободрить своих людей, Колумб преуменьшал трудности путешествия, в частности умышленно занижал пройденные расстояния. Тем самым адмирал создавал у моряков впечатление, что они не так далеки от знакомых берегов, что риск затеряться в океане не так велик. Подобным образом Колумб мог ввести в заблуждение простых матросов, но не кормчих и не капитанов, которые на «Св. Марии» и на каравеллах наверняка сами отсчитывали пройденные мили. Не исключено, что адмирал выполнял соответствующие инструкции Фердинанда и Изабеллы, которые в дальнейшем

опустили своеобразный железный занавес над своими колониями в Новом Свете, не пуская туда иностранцев. Детали путешествия за океан испанским правителям вряд ли хотелось раскрывать, поскольку это облегчало проникновение в далекие страны конкурентов, прежде всего португальцев. Наконец не исключено, что Колумб без всяких инструкций придерживался примера многих Моряков, желавших обладать монополией на знание морских путей.

На Канарах экспедиции пришлось задержаться. Дело в том, что на Пути к этим островам треснул и вышел из пазов руль на «Пинте».

М.А. Пинсон полагал, что не иначе как поломку подстроил К. Кинтеро, владелец «Пинты», который мог подбить на саботаж кого-то из матросов, чтобы не идти в опасное плавание. Теперь надо было руль чинить, и «Пинта» остановилась у Гран-Канарии. Никто из матросов там с корабля не сбежал, а потому предположение Пинсона о саботаже с целью прекратить плавание, видимо, не было обосновано. Океан на пути от Гибралтара к Канарам бурлив, поломка руля здесь могла произойти без вины команды.

Во время стоянки на Гран-Канарии Колумб поменял на «Нинье» косые паруса на прямые, чтобы поднять ее скорость, а затем, когда на «Пинте» закончился ремонт, пошел к о-ву Гомера, где остановился на несколько дней, для пополнения запасов воды и продовольствия. Островом правила вдова одного из конкистадоров, донья Беатриса де Пераса. Ей не было тридцати, и в свое время она вышла замуж не по доброй воле. Этой фрейлине Изабеллы был предложен брак, чтобы она могла покинуть двор, где король Фердинанд не оставлял ее

прелести без внимания. Моряки Колумба, по-видимому, с пониманием отнеслись к визитам адмирала в башню, в которой жила вдова. Хорошо сложенный и умевший себя держать генуэзец должен был произвести благоприятное впечатление на донью Беатрису. В любом случае визиты к ней не задержали адмирала, и как только корабли взяли на борт все, что было надо, они покинули Гомеру. Возвращаясь из второго путешествия через Гомеру, Колумб был встречен пушечным салютом и фейерверком. Адмирал, возможно, не знал, что донья Беатриса велела повесить одного из своих подданных, который как-то не в добрый час выразил сомнение, что вдова целомудренно хранила память о покойном муже.^[27]

10 сентября последний из островов исчез за горизонтом, начался океанский переход, длившийся 33 дня, почти по прямой, близ тропика Рака. Судьба распорядилась так, что Колумб пересекал самую широкую часть Северной Атлантики, проходил Саргассово море и Бермудский треугольник, который не сыграл с ним никаких злых шуток. Но хватало дурных примет, вызвавших мрачное настроение у спутников адмирала. С самого начала им пришлось не по душе на Канарах извержение вулкана (на о. Тенерифе). Зрелище было невиданным для испанцев, и Колумбу пришлось рассказать, что на его родине дым над Этной и Везувием — нередкое явление. После недели пути магнитные стрелки стали отклоняться на запад от Полярной звезды, что вызвало приступ страха. На этот раз адмирал был не в состоянии что-либо объяснить и ссылался лишь на то,

---

²⁷ Ibid. P. 96; Mason J. The Canary Islands. London, 1976. P. 40, 163.

что отклонение наблюдали некоторые моряки, ранее заходившие относительно далеко на запад.

В начале путешествия при переходе через Атлантику погода в целом благоприятствовала Колумбу, океан был довольно спокоен. Этот океан был удивителен, его еще не бороздил ни один корабль. Колумб видел то, что не увидят его потомки спустя несколько веков: чистые воды, какими их создала природа, незахламленные берега, намного более разнообразную жизнь на морской поверхности. В бортовом журнале адмирал поминал ряд видов птиц — залетных, с материков, и чисто морских. Он встречал китов и дельфинов, множество тунцов — прекрасно известных испанцам промысловых рыб, достигающих по весу чуть ли не тонны. Одного тунца как-то поймали на «Нинье»; на всех кораблях ловили дорад. Адмирал заметил, что Саргассово море населено не только рыбами, но и ракообразными. Запись о ловле дорад адмирал сделал в тот день, когда ветер заметно упал. В спокойную погоду моряки могли искупаться в океане, закинуть удилища, рассчитывая на хороший улов. Все они постоянно пробовали морскую воду на вкус, рассчитывали, что понижение солености станет признаком близости земли и ее пресных рек. На самом деле концентрация солей в воде зависела не только от стока рек, но и от растворимости воды, состояния атмосферы, донных осадков, планктона.

<http://knigi.tor1.ws> - Скачать бесплатно литературу книги, журналы и аудиокниги

Водоросли Саргассова моря были встречены с облегчением, как признак близости берегов. Но адмирал более всего следил за птицами. Появление тех видов,

которые летают в прибрежных водах, могло бы говорить само за себя. Важно было и направление полета, способное помочь поискам земли, где птицы должны были гнездиться. До начала октября наблюдения не были утешительными, и напряжение на кораблях нарастало.

Колумб дважды отклонялся к юго-западу, когда чуть ли не вся команда уверяла, что где-то там видит землю, а потом признавала, что все спутали очертания облаков. Если бы не отклонения, Колумб скорее всего вышел бы не к Багамским островам, а к Флориде, и даже севернее нее. Были бы открыты те территории, которые в дальнейшем колонизовали англичане и, кто знает, каким путем пошла бы американская история, окажись все эти земли под испанским флагом. А, может быть, ничего бы не изменилось. Ведь в XVI в. испанцы захватили Флориду, затем — Техас и Калифорнию. Все пришлось отдать англо-американцам, так же как русским пришлось уйти с Аляски.

Где-то в начале октября все три капитана потребовали повернуть корабли назад, и упорствующему адмиралу, по некоторым сведениям, пригрозили оружием. Конфликт кончился тем, что капитаны согласились ждать еще несколько дней. Их уступчивость, впрочем, была не по душе команде, которая становилась все менее сговорчива. До бунта дело не доходило, но, как потом вспоминал один из моряков, команда поговаривала, что неплохо было бы отправить адмирала за борт, когда он ночью в очередной раз станет разглядывать звезды.^[28]

---

²⁸ De los Pleitos de Colon. — Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de ultramar. Madrid, 1892. 2da serie. Vol. 7. P. 421–422.

В ночь на 10 октября над кораблями, шедшими уже третьи сутки с отклонением к юго-западу, был слышен непрерывный шум от множества крыльев перелетных птиц, устремлявшихся также несколько дней подряд куда-то на юго-запад. Для Колумба это был верный признак близости земли, но команда «Св. Марии» ничего не хотела знать. 10 октября команда заявила, что продолжать экспедицию нет смысла. У Колумба был готов ответ: зашли слишком далеко и возврат невозможен. Адмирал, таким образом, собирался доказать, что возвращаться придется против ветра, что на обратный путь не хватит припасов, что ими надо запастись на тех землях, которые будут открыты.

11 октября в настроениях, казалось, началась перемена. В воде увидели плывущие тростинки, ветку кустарника, доску, палку со следами обработки. Задул сильный восточный ветер, чего раньше не случалось; корабли прибавили в скорости до 7 узлов. В ночь на двенадцатое начало штормить, скорость возросла до 9 узлов. Адмирал изменил курс: теперь — только на запад! На кораблях, шедших под всеми парусами, был слышен нарастающий гул ветра и волн. В десять часов вечера Колумб сказал своим маэстрес, что видит по ходу движения огонь, напоминающий горящую свечу. В два часа пополуночи с «Пинты», шедшей впереди, раздался крик вахтенного Родриго де Триана: «Земля!».

* * *

Земля, открытая Колумбом, была одним из островов Багамской группы, тянущейся от Южной Флориды до Гаити. Адмирал назвал открытый им остров Сан-Сальвадор (Св. Спаситель); он помянул и его местное имя, Гуанакани, полученное от исчезнувшего

ныне вида ящериц. Возможно, это был остров, позднее именованный на английских картах о. Уатлинга; было также высказано мнение, что речь шла о соседнем о. Самана-Кей (Самана-Ки в вест-индском произношении). Жителей Нового Света, вскоре появившихся на берегу, Колумб назвал индейцами, поскольку не сомневался, что прибыл в восточные страны, и слово Индия напрашивалось само собой. Остров был провозглашен испанским владением, его население — подданными Фердинанда и Изабеллы. Соответственно были оформлены письменные акты, такие же, как позднее на прочих островах. В судовом журнале адмирал записал, что аборигенов можно превратить в «пленников» на их островах, а также в рабов, необходимых для королевского флота.

Багамский архипелаг получил от Колумба название Лукайского; это слово местного происхождения сохранялось в XIX в. на некоторых картах как дополнительное наименование Багам. Больше распространение получили другие имена, данные Колумбом. Часть их была взята из местных языков (Куба, Ямайка), часть — из испанского (Пуэрто-Рико, Доминика). Второй по величине остров из группы Больших Антильских стал у Колумба Эспаньолой. Это имя он сохранил до наших дней на английских и американских картах. На английских картах сохранилось и испанское наименование пиратского гнезда у северных берегов Гаити — о. Тортуга (Черепаший). Русские и немецкие карты пошли за офранцузенным наименованием — о. Тортю. Перед отплытием в третье путешествие в 1502 г. Колумб писал, что за океаном растут ценные европейцами лесные породы, в том числе брасил (от браса — раскаленный уголь) — дерево, дающее красный

краситель. В следующем году он назвал одну из якорных стоянок на Кубе Пуэрто-дель-Брасил. Португальцы вскоре после открытия П.А. Кабралом «Земли Св. Креста» (1500) стали называть свое новое владение Бразилией под влиянием ширившегося вывоза красителя из колоний Нового Света.

Сан-Сальвадор, лежащий чуть севернее тропика Рака, имеет форму неправильного четырехугольника, вытянувшегося с севера на юг на 11 миль. Внутреннее озеро, отделенное от океана отмелью, по ширине не превышает 2 мили. Колумб писал, что остров велик, невысок, покрыт лесом, имеет водные источники, густо населен. Лагуна в его центре, по словам адмирала, была способна вместить корабли всех стран христианского мира. Во времена Колумба этот мир был не так велик и, возможно, потеснившись, христианские корабли там могли разместиться. Но попасть им туда, так же как потом выбраться оттуда, было бы трудно, и не только из-за отмели. У берегов немало рифов, и самому Колумбу пришлось Долго выбирать стоянку.

Соседние острова Багамской группы (теперь — независимое государство) во многом похожи на Сан-Сальвадор, а потому исследователи путешествий не раз спрашивали себя, тот ли остров они принимают за первую открытую в Новом Свете землю. Тем более что в наши дни никакой воды там нет, а леса давно свели английские колонисты, разводившие на Багамах хлопок. Что касается индейцев, гостеприимно встретивших Колумба, как посланца небес, то их еще до англичан либо уничтожили, либо вывезли, обратив в рабство,

испанские конкистадоры.^[29] Остров, принадлежавший англичанам, после второй мировой войны был передан американцам под базу слежения за спутниками; он входит в единый комплекс с мысом Канаверал, который лежит в 500 милях к северо-западу. Аэропорт Сан-Сальвадора не затихает ни днем, ни ночью. В небе над некогда безмятежным островом то и дело ревут реактивные самолеты.

Высадившись на Сан-Сальвадоре, Колумб должен был вспомнить о королевских инструкциях. А они ставили целью достичь Индии и Китая, принести туда христианство, приобрести золото и другие драгоценности. Багамцы — тайно, ветвь обширной языковой семьи аравак — ходили обычно нагими, изредка носили набедренные повязки. Они мало напоминали индейцев и китайцев, если судить по описаниям Марко Поло. Но, возможно, предполагал адмирал, они слышали о богдыхане. Тут следовало разобраться, а заодно подумать над планами обращения в истинную веру этих «очень простых и добрых людей», как писал о них вначале Колумб.^[30]

Что касается золота, то оно здесь было. Правда, говорить о его изобилии не приходилось. Араваки нередко носили украшения в виде кусочков золота, которые прикрепляли к носу. Эти украшения они охотно меняли на бусы. Судя по их знакам, золото прибывало откуда-то с юга, где лежали обширные земли.

---

²⁹ HARRISSE H. Op. cit. P. 454.

³⁰ NAVARRETE M.F.de. Op. cit. P. 171.

Путешествие по Багамским и Антильским островам длилось три месяца, адмирал посетил Кубу и Эспаньолу. Последнее из этих названий теперь на всех картах, исключая англо-американские, заменено на Гаити, т. е. горная страна. Так называли остров карибы или канибы («храбрецы» на их собственном языке, из которого европейцы образовали и Карибское море, и каннибалов). Карибы пришли сюда с юга, как завоеватели. Тайно, показывая Колумбу, куда плыть за золотом, давали понять, что на Кубе он найдет крупного вождя. Может быть, богдыхана или его заместника? А на Гаити араваки предупреждали адмирала о воинственности карибов, об опасности попасть в руки тех, кто поедал пленников.

Две недели Колумб шел на юг по цепи Багамских островов и мелководий. Острова кораллового происхождения были невелики. Вскоре испанские моряки стали именовать их бахамар («малая вода»), откуда и пошло название Багамы. Воздух был довольно сухим, так как сезон дождей заканчивался. Тропическую жару смягчал Гольфстрим, который брал начало у берегов Флориды. Покрытые яркой зеленью острова радовали глаз, и лесные характеристики, данные адмиралом этим краям, наверное разделяли другие участники экспедиции. Лишь позднее многие из них познакомились с американскими циклонами, которые зарождались у берегов Южной Америки и двигались на север вдоль Багам по магнитной стрелке. Силу бурь, названных по-карибски ураганами, не раз изведаль сам Колумб.

В последних числах октября флотилия подошла к северо-восточной части Кубы, проследовала вдоль побережья на запад, на 50 миль, а затем в поисках золота и попутных ветров вернулась к северо-восточной оконечности острова. Климат там такой же как на

Багамах. На юге за прибрежной равниной виднелись горы. По берегам, частично заболоченным, росли кустарники и кактусы; далее в глубь острова уходили тропические леса, заросли пальм необычных для европейцев видов, в том числе королевской пальмы, вошедшей в XX в. в государственный герб независимой Кубы. Берег был сильно расчленен, подходы к нему изобиловали рифами. Но можно было найти немало бухт, чтобы укрыться в непогоду. Горы на юге были наиболее здоровой частью острова. А на болотистых низменностях побережья, в бухтах, закрытых от морских ветров, европейцы, вскоре поселившиеся на острове, чаще болели, в том числе желтой лихорадкой, которую научились распознавать только в XVIII в.

Кубинские тайно на расспросы о золоте указывали куда-то в глубь своей территории, которую адмирал был склонен считать материком. К золотым украшениям, выменивавшимся на бусы, побрякушки и т. д., прибавились маски из золотых пластин, разного рода бляхи. На одной из рек Северной Кубы Колумб нашел, как он писал, блестящие камни, по-видимому, с вкраплениями золота. Эти камни, о которых мы больше не услышим, он собирался вручить католическим королям, как стали по повелению папы титуловать Фердинанда и Изабеллу после разгрома мусульманской Гранады.

Там же на Кубе адмирал отправил в глубь страны Л. де Торреса, еврея из Мурсии, взятого в экспедицию переводчиком на случай открытия Индии и Китая. О своем переводчике Колумб осторожно писал: «Как говорят, он знал еврейский и халдейский, а также немного арабский...». Возможно, адмирал не очень ручался за знания Торреса, а вероятнее всего полагал,

что тот может попасть к племенам, которые заинтересуются им вовсе не потому, что он знает восточные языки. Колумб рекомендовал своему посланцу и сопровождавшему его матросу не забираться далеко. Достаточно было узнать, что слышно в глубине Кубы о богдыхане, а заодно справиться, нет ли здесь известий об одном из колен израилевых, затерявшемся после египетского пленения.

<http://books.tr200.org> - Скачать бесплатно литературу книги, журналы и аудиокниги

Путешествие Торреса не добавило информации ни о богдыхане, ни о египетском пленении. Зато посланцы Колумба, вернувшись через несколько дней, сообщили, что их везде хорошо принимали. Они нашли крупную деревню, тогда как раньше видели лишь мелкие селения. Торрес обнаружил, что индейцы любят вдыхать через трубки дым от тлеющих и благоухающих листьев.

Торрес помог выполнить предписание Фердинанда и Изабеллы относительно поисков азиатских правителей, для которых адмирал вез грамоты, заверенные королевскими печатями. Теперь предстояло сосредоточиться на других поручениях. Адмирал, конечно, утверждал, хотя и не очень часто, что открыл Индию или страны, лежащие где-то у ее границ. А экспедиция преследовала именно такую цель. Да и могли Колумб искать что-либо кроме Индии и Китая с их сказочными богатствами, засвидетельствованными всевозможными авторитетами. Вряд ли испанские правители поддержали бы экспедицию, не сулящую крупные доходы. Знания и опыт Колумба принесли плоды, он пересек океан. А какое теперь имело значение,

что адмирал заранее не знал ширины океана, не ставил целью открыть Новый Свет?

Некоторые исследователи полагают, что Колумб все прекрасно понимал, не собираясь в то же время, вопреки собственным интересам, отказываться от утверждений об открытии Индии и т. д. Ж. Хеерс, французский медиевист, обосновывает приблизительно такую точку зрения, ссылаясь на общий характер документов и писем, вышедших из-под пера адмирала. Он сомневался в открытии Индии, но был связан по рукам и ногам собственными заявлениями по этому поводу. «Все его сочинения выглядят конъюнктурно, они полны политических намерений и понимающих взглядов».^[31] Думается, Хеерс усложняет вопрос. Об этом, прежде всего, говорит судовой журнал первого путешествия — самый значительный из дошедших до нас документов Колумба. Он написан просто, по-видимому, без существенной правки Лас Касасом (который его сократил), без влияния политической конъюнктуры, если не считать проблем испано-португальских отношений.

Впрочем, Колумб, не раз повторяя, что он вышел к берегам Азии, не исключал, что помимо открытых стран на его пути или где-то рядом лежали другие обширные территории. В 1498 г. во время третьего путешествия (1498–1500), достигнув устья полноводной Ориноко, адмирал решил согласовать свои географические взгляды с позицией теологов. По его словам, «если эта река не вытекает из земного рая, то ее истоки — в необъятной земле, лежащей на юге, о которой до сих пор никто не знал». Таким образом, в соответствии с уже

---

³¹ Heers J. Christophe Colomb. Paris, 1981. P. 367.

упомянутыми утверждениями д'Альи и Бэкона Колумб допускал, что Ориноко вытекала из рая. Это было в духе времени и не вызывало удивления. Через 200 лет после Колумба И. Ньютон, увлекавшийся алхимией, написал трактат об Апокалипсисе и поддержал спор о значении одиннадцатого рога у зверя, приснившегося пророку Даниилу.

В декабре 1492 г. Колумб продолжил обмен безделушек на золото, приплыв к берегам Гаити. Этот обмен, с точки зрения задач экспедиции, обеспечивал наиболее ощутимый успех. Но будущие доходы должны были, конечно, проистекать и от других природных богатств. Судовой журнал Колумба свидетельствует, что он тщательно отмечал все, что предстояло использовать при колонизации Нового Света.

Как и на Кубе, берега Гаити опоясывали рифы, но они не образовали сплошной цепи, и в целом берега были доступнее. Горная страна, лежавшая ближе к океану, Гаити получал больше осадков, особенно на северном побережье. Юг был суше, европейцы там в меньшей мере подвергались риску тропических болезней, чем на севере, где Колумб искал золото. Богатый растительный мир был схож с кубинским; встречались ценные лесные породы — акажу, розовое дерево, сосна, — особенно на горных склонах.

Адмирал писал, что, к сожалению, не имеет представления о многих растениях Нового Света, а потому он мог ошибиться, забрав в Европу то, что не имело практической ценности. Так было с некоторыми видами, которые он посчитал равными известным в Европе алоэ, мастике, хлопчатнику и т. д. О ряде растений, упомянутых им (в том числе о маисе, томате,

табаке), трудно сказать, что именно Колумб был первым, кто их доставил в Европу. Ясно, разумеется, что в результате его путешествий Старый Свет обрел эти растения, так же как маниок, подсолнечник, картофель, какао, арахис.

Еще во время первого путешествия Колумб указал на значение открытых им пород красного дерева и красителей. Американские породы деревьев, дававшие красители, вскоре во многом подорвали монополию Индии на снабжение европейских рынков и способствовали укреплению текстильных центров, в частности шелкоткацкого производства в Генуе и Венеции. По некоторым сведениям, Колумб привез в Европу какао из своего четвертого путешествия (1502–1504), побывав в краях, граничащих с владениями ацтеков, любителей напитка косоатл («горькая вода» на одном из их наречий). В Испании производство напитка держали в секрете около ста лет, и потребовался брак испанской инфанты Марии Терезы с Людовиком XIV, чтобы шоколад появился во Франции.

Зоологические наблюдения Колумба были также очень поучительны, хотя первоначально дали сравнительно скромные практические результаты. Колумб обнаружил новые для Европы виды фауны, в том числе одомашненных индейцами млекопитающих и Птиц. Торрес, судя по журналу первого путешествия, видел на Кубе Домашних гусей, а позднее на Гаити испанцы встретили в местных селениях индеек, которые не были известны в Европе. Как оказалось, тайно приручили «нелаяющих собак» (возможно, один из видов енота) и один или несколько видов цапель, но они исчезли еще до того, как сами тайно почти вымерли на Кубе и Гаити. Единственными животными, привезенными Колумбом из

первого путешествия, были крупные попугаи невиданной пестрой окраски. Их выбор для доставки в Европу не был случаен, так как попугаи высоко ценились, украшая вольеры европейской знати. Говорили, что еще до Колумба Людовик XI при всей своей набожности отводил душу, слушая, как чертыхались доставленные из Индии говорящие птицы.

В материалах, собранных Колумбом, содержатся лишь общие замечания об антропологическом облике индейцев. У них — жесткие черные волосы и коричневый цвет кожи, приблизительно такой же, писал адмирал, как у жителей Канарских островов (которые вскоре вымерли, подобно тайно). Мужчины Вест-Индии обычно лишены растительности на подбородке, добавлял доктор Д.А. Чанка, участник второго путешествия Колумба (1493–1496). Адмирал находил, что индейцы хорошо сложены и привлекательны. Через три с половиной века Ч. Дарвин это скажет обо всех индейцах Южной Америки (исключая огнеземельцев). Он, правда, признавался, что то же говорил «с бессовестным ренегатством» о белых дамах Буэнос-Айреса.^[32] Определения, которые подыскивал Колумб для индейцев, на первых порах были лестными. Они — не только хороши собой, но и сообразительны, простодушны, искренни. Аборигены «ведут между собой войны, хотя люди они очень простые и добрые...». Характеристики эти, разумеется, изменились, когда аборигены стали воевать не только между собой, но и с европейцами.

В ночь на Рождество 25 декабря 1492 г. «Св. Мария» потерпела крушение у северо-западного берега Гаити. За

---

³² Дарвин Ч. Сочинения. М.-Л., 1935. Т. 1. С. 68, 131 и др.

месяц до этого М.А. Пинсон на «Пинте» без разрешения покинул адмирала и ушел к восточной части острова искать золото. Между крушением «Св. Марии» и уходом Пинсона, казалось, не было связи. Но в действительности оба факта имели одну причину — разболтанность экипажей, падение дисциплины. Если при переходе через океан можно было грозить адмиралу расправой, требуя вернуться на восток, то почему нельзя было покинуть Колумба и самостоятельно искать золото на Гаити? На «Св. Марии», как и на других кораблях, недисциплинированность поддерживали разговоры о золоте, о том, что адмирал мешает обогатиться всем и каждому. В этой обстановке рулевой «Св. Марии» вопреки инструкциям в сочельник отправился спать, передав руль юнге, который посадил корабль на мель и пропорол днище.

Спасти «Св. Марию» не удалось. С помощью индейцев, прибежавших из соседней деревни, были выгружены все ценности, съестные припасы, оружие. От тех же индейцев, сновавших вдоль берега на каноэ, через несколько дней узнали, что с востока возвращается «Пинта». На двух каравеллах, «Пинте» и «Нинье», можно было разместить часть экипажа «Св. Марии», но для всех места не хватало. Тем более что Колумб желал взять в Европу несколько индейцев, чтобы подготовить из них переводчиков, а также для наглядности описания Нового Света. Приходилось оставить на берегу 40 человек, пообещав вернуться за ними, как только удастся снарядить новую экспедицию.

8 января 1493 г. Колумб записал в судовом журнале, что должен ускорить возвращение в Европу из-за неповиновения части экипажа. Для тех, кто остался на Гаити, на скорую руку соорудили деревянный форт,

который окрестили Навидад (Рождество). За частоколом, защищенным аркебузами и артиллерией, поставили склады с годовым запасом хлеба и вина, с зерном для посева. Кацик, как титуловался местный вождь, обещал помочь поселенцам Навидада. Они, видимо, не очень унывали, рассчитывая в отсутствие Колумба отыскать все то же золото. 16 января, наполнив бочки пресной водой, приняв на борт кое-какое продовольствие и топливо, «Пинта» и «Нинья» направились в обратный путь, к европейским берегам.

Возвращение оказалось куда тяжелее, чем можно было предполагать. Корабли при подготовке к плаванию в Палосе были плохо проконопачены, а потому давали течь, обрекая экипажи на дополнительные усилия в борьбе с водой. Переменчивые ветры требовали часто менять галсы, что было трудно выполнить на «Пинте», где была повреждена фок-мачта. Пинсону, командовавшему «Пинтой», надо было еще на Гаити позаботиться о замене мачты, но он был больше всего увлечен поисками золота. Продуктов не хватало, так как слишком многое пришлось оставить в форте Навидад. К остаткам сухарей и к маниоку, взятому на Гаити, добавляли вина, а иногда — морскую рыбу. Как-то поймали тунца, в другой раз — акулу.

В середине февраля корабли были на полпути в Европу, приблизительно на 40° с.ш., когда с невиданной силой разбушевался океан. Через два дня буря разбросала корабли, и Колумб, шедший на «Нинье», потерял «Пинту» из виду. Приготовившись ко всему, адмирал составил записи о своих открытиях, уложил их в смоленую бочку и бросил в волны. Экипаж божился, что, если спасется, отправит одного из моряков паломником в монастырь св. Марии в Гуадалупе, поставит ей

пятифунтовую свечу. Стали тянуть жребий, Кому идти паломником; в мешок бросили горошины, одну из них поместили крестом. Потом давали клятвы всем идти босиком на богомолье, а по прибытии в порт — в ближайшую церковь в одних рубашках. Снова тянули жребий, кому за всех молиться св. Марии в Гуадалупе и Лорето, св. Кларисе в Могере, снова богородице в Уэльве. Моряки знали, кого будут благодарить: св. деву, заступницу перед Господом за кающихся грешников, св. Кларису, отогнавшую молитвами сарацинов от своего города. Когда честь отправиться в Лорето выпала одному из моряков (дорога была неблизкая, в Италию), Колумб пообещал дать ему денег на благое дело. А жребий идти в прочие монастыри, поближе — два рядом с Палосом, один в соседней Эстремадуре — трижды выпадал самому Колумбу.^[33] Кого-то это могло удивить, но, надо думать, адмирал с его жизненным опытом, прошедший чуть ли не через все европейские порты, где было полно бывалых людей, лучше разбирался в жеребьевке, чем его испанские спутники.

<http://book.tor1.ws> - Скачать бесплатно литературу книги, журналы и аудиокниги

Завидев землю — какой-то остров, — начали спорить, куда буря принесла «Нинью». Оказалось, что это была Санта-Мария, один из населенных португальцами островов Азорской группы. Буря немного стихла, спустили шлюпку и отправили троих моряков за припасами. На следующий день они не вернулись. Португальцы сообщили, что моряки — у губернатора острова, который расспрашивает их о путешествии.

---

³³ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 281–291.

Чтобы помолиться в местной церкви, половина экипажа тоже решила сойти на берег. Когда и они не вернулись, стало, наконец, ясно, что все они задержаны. На «Нинье» оставалось всего несколько человек. Тем не менее на берег было передано, что у каравеллы достаточно артиллерии, чтобы разнести в щепки португальское поселение. Угроза подействовала, и пленников отпустили. Как они рассказали, португальцы оправдывали свои действия приказом Лиссабона. Теперь Колумбу предстояло задуматься, что с ним приключится, если ветры вынесут корабль к португальским берегам.

Так и случилось. Но потребовалось, чтобы буря поставила «Нинью» на волосок от гибели, прежде чем Колумб решил там высадиться. Путь от Азор до европейского побережья занял всего неделю. В ночь с 3 на 4 марта, когда моряки, гонимые западным ветром, разглядели землю, неожиданный шквал порвал все паруса. Взамен удалось поставить лишь один нижний парус, позволивший маневрировать при заходе в эстуарий Тахо, мимо скалы Синтра, опознанной Колумбом.

Видавшие виды жители рыбацкой деревушки в устье Тахо при появлении каравеллы, потерявшей паруса, могли оценить испытания, только что выпавшие на долю испанцев. А потому рыбаки крестились, радуясь счастливому избавлению испанцев от бед, которые стали в тот год роковыми для многих собратьев по морскому ремеслу. Такой штормовой зимы, как в 1492–1493 гг., не помнили старожилы. На морских путях к северу от Лиссабона погибли 25 кораблей, обеспечивавших фландрскую торговлю. Опытные капитаны предпочитали

переждать ненастье и ставили корабли на зимнее время на прикол.

«Нинья» поднималась к Лиссабону по тихому эстуарию Тахо, а адмирал тем временем готовил к отправке письма королевским казначеям Сантанхелю и Санчесу. Письма, ушедшие в Испанию, были лаконичны и выразительны. «На тридцать третий день после отплытия от Канарского архипелага я достиг Индийского моря. Там я нашел много островов, населенных людьми, которым нет числа... Если подытожить преимущества и выгоды от нашего путешествия и быстрого возвращения, то я обещаю дать нашим властителям, от которых потребуются незначительная помощь, столько золота, сколько им нужно, столько пряностей, хлопка, мастики — а ее нашли лишь на Хиосе, — столько дерева алоэ, столько рабов для морской службы, сколько захотят Их Высочества (так титуловали испанских правителей в XV в. — В.С.)... Возрадуемся за нашу веру и за земные дары, которые поделят Испания и весь христианский мир».^[34]

Письма Сантанхелю и Санчесу служили, прежде всего, знаком благодарности адмирала тем, кто ему помогал снарядить экспедицию. Думал ли Колумб, что письма вскоре будут опубликованы? Этого нельзя исключить. Ему, человеку, занимавшемуся одно время торговлей книгами, был известен спрос на подобную литературу, да и католическим королям такая публикация могла быть желательна. Письма Колумба, переведенные на несколько языков, в том числе латынь, были отпечатаны в Барселоне в апреле 1493 г. в виде

---

³⁴ Colombo Cr. Op. cit. P. 8, 16–17.

брошюр и разошлись по Европе. Уже 3 мая Колумба цитировала одна из папских булл.

Оказавшись на лиссабонском рейде, Колумб отправил на имя португальского короля Жуана II послание, где выразил надежду, что не будет возражений против пребывания испанской каравеллы в устье Тахо. Ответа в течение нескольких дней не было, зато сосед по рейду, крупный португальский корабль, был приведен в боевую готовность, а его капитан передал на «Нинью», что Колумбу надлежит лично явиться к португальским властям. В ходе переговоров адмирал заявил, что со своего корабля не сойдет, но готов предъявить документы — королевские грамоты, — свидетельствующие об ответственности возложенных на него поручений. Грамоты Фердинанда и Изабеллы произвели необходимое впечатление, адмирала оставили в покое. Через день началось паломничество лиссабонцев к «Нинье»: всем хотелось посмотреть на Колумба и, конечно, на индейцев.

На пятый день пребывания в Лиссабоне адмирал получил приглашение посетить Жуана II в его загородной резиденции. Любезный прием, оказанный Колумбу, не помешал Жуану заявить, что земли, открытые за океаном, принадлежат Португалии по Алькасовасскому соглашению 1479 г. Колумб отвечал, что соглашения не видел, что о целях его путешествия было объявлено во всех портах Андалусии: экспедиция направлялась за океан в восточные страны, минуя португальские владения. Колумб ночевал в королевской резиденции и наутро имел вторичную беседу с Жуаном, который его расспрашивал о заморских открытиях. Нанеся визит королеве, адмирал вернулся на «Нинью» и через день покинул Лиссабон. 15 марта 1493 г. «Нинья»

прибыла на родину, в Палое, завершив путешествие, длившееся пять с половиной месяцев.

Конечно, Колумб знал об Алькасовасском соглашении. В судовом журнале, как уже было сказано, его открытия были привязаны к широте о. Иерро, вне сферы португальского влияния, простиравшегося далее на юг. Но Колумб, по-видимому, знал и то, что Жуан II строил свою политику на примирении с Фердинандом и Изабеллой, на возможности выгоды от династической связи с испанским двором. Прибытие Колумба в Португалию вопреки его желанию стало испытанием для Жуана. Он заявил Колумбу своего рода протест, за которым не последовало никаких действий. Фердинанд и Изабелла могли теперь считать, что стоят на верном пути, что захваты в Новом Свете не вызовут серьезного отпора со стороны Лиссабона.

Благоприятная для Испании обстановка очень скоро позволила закрепить захваты в Новом Свете папскими буллами. Сделать это было тем легче, что в 1492 г. папой стал испанец Р. Борджа, принявший имя Александра VI. От Рима Португалия была далеко, а Арагон, владевший частью итальянской территории, был намного ближе. Издание булл, наделявших Испанию колониями, можно было истолковать как благочестивый жест в пользу верных церкви католических королей. К тому же, если бы это было выгодно, для Александра VI не составило бы труда изменить свою позицию. Он пришел к власти с помощью подкупа, а в борьбе с политическими противниками не брезговал ядом и кинжалом. По словам Н. Макиавелли, «во всем свете не было человека, который бы так клятвенно уверял, так убедительно

обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний».

Две буллы, принятые 3 и 4 мая 1493 г., установили новые сферы влияния Испании и Португалии в Атлантическом океане. Вопреки Алькасовасскому соглашению границей стала линия, проходящая в 100 лигах, т. е. приблизительно в 400 милях к западу от островов Зеленого Мыса.

Через год было подписано новое испано-португальское соглашение в Тордесильясе, по которому Жуану II удалось отодвинуть границу на запад. Она прошла не в 100, а в 370 лигах от островов Зеленого Мыса, и, таким образом, в сферу влияния Лиссабона попала часть будущей Бразилии.^[35]

* * *

Возвращения Колумба в Испании ждали, еще когда он был в португальских водах. Оказалось, что «Пинта», которую он потерял из вида в бушующем океане, уже добралась до европейских берегов, и ее экипаж распространил молву о чудесах Нового Света. Шторм вынес «Пинту» к Галисии, недалеко от Виго. Отсюда Пинсон отправил письмо католическим королям, испрашивая разрешения лично посетить Фердинанда и Изабеллу и рассказать о результатах путешествия. Ему сообщили, что ко двору его не зовут, что король и королева ждут возвращения адмирала. Когда стало известно, что адмирал, наконец, прибыл в Палос, туда

---

³⁵ Vander Linden H. Alexander VI and the Demarcation of the Maritime and Colonial Domains of Spain and Portugal, 1493–1494. —The American Historical Review. Lancaster (Pa) a.o., 1916. Vol. XXII. № 1. P. 11–20.

было направлено повеление прибыть в Барселону ко двору для торжественного приема.

Торжества сопровождались благодарственными молебствиями. Колумб, судя по всему, не стал жаловаться на своих капитанов и членов экипажа по поводу их поведения во время экспедиции. Объемистый судовой журнал, упоминавший в нескольких строках о непослушании команды, был подарен королеве, которая, скорее всего, тут же о нем забыла. Мысли Колумба, по-видимому, были далеко: в Новом Свете. А покуда предстояли праздничные приемы в Севилье, Кордове и Барселоне, участие в уличных процессиях с клетками, где сидели попугаи, привезенные адмиралом из далеких стран. В процессиях рядом с адмиралом шли новые подданные Фердинанда и Изабеллы: шестеро индейцев.

На одном из приемов, как утверждали впоследствии любители исторических анекдотов, Колумбу пришлось от кого-то услышать, что его открытия было сделать просто — надо было плыть все время на запад. В ответ адмирал, якобы, предложил присутствующим попытаться поставить куриное яйцо на плоскость острым или тупым концом. Когда выяснилось, что никому это не удастся, адмирал надбил один из концов, на который яйцо теперь могло быть поставлено. Результат, казавшийся простым, был достигнут благодаря смелому решению, догадливости.^[36] Так надо было понимать шутку адмирала.

Отношение Фердинанда и Изабеллы к открытию Нового Света зависело, прежде всего, от богатств, которые оттуда можно было Извлечь. О том, сколько

---

³⁶ [Lamartine A.de] Oeuvres completes de Lamartine. Paris, 1863. T. 35. P. 264.

Колумб привез золота из первого путешествия, ходили противоречивые слухи. Адмирал не приводил цифр ни в судовом журнале, ни в письмах, предпочитая говорить в целом о богатствах заморских стран. Он понимал, что там немало золотоносных районов, что дальнейшие поиски способны дать существенные результаты, но не известно, сколько лет на это уйдет. Отстаивая свой престиж вице-короля, свои материальные интересы, оговоренные королевскими грамотами, Колумб стремился продолжить исследования в Новом Свете. Уже в письмах Сантанхелю и Санчесу виден его план создания колониальной империи, откуда должно поступать не одно золото. Заокеанским владениям надлежит поставлять продукты плантационного хозяйства, прежде всего сахар и пряности, ценные лесные породы. Они должны дать рабов, на которых есть спрос в метрополии. Со временем местное население, работающее на плантациях и рудниках, приобщится к цивилизации. Будут множиться европейские поселения с ремесленниками и коммерсантами, зажиточными крестьянами и помещиками. Всеми будут править чиновники и священнослужители под верховенством испанской короны, под охраной ее армии и флота. Таков был идеал колонии, в которой цивилизация шла рука об руку с привилегиями европейцев и зависимостью коренного населения, с властью церкви и монархической бюрократии.

Позднее в письме Фердинанду и Изабелле (1498 г.) Колумб попытался сформулировать задачи колонизации с точки зрения интересов монархии. Великие правители прошлого, писал он, совершали выдающиеся открытия. Царь Соломон слал своих людей в Офир, Александр Македонский — на острова Индийского океана, Нерон —

к истокам Нила. Таковы были деяния, «которые надлежит вершить государям». Португальские короли следуют славным примерам; их подданные укрепляются в Гвинее, где они гибнут в великом множестве. В Северной Африке Лиссабон ведет постоянные войны, входит в большие расходы, «лишь бы все было по-княжески, чтобы служить Господу и увеличивать свои владения».

<http://file.b111.org> - Скачать бесплатно программы, игры, фильмы, книги, музыку

Все же золото казалось Колумбу наиболее весомым аргументом, способным привлечь внимание католических королей к Новому Свету. В другом письме Фердинанду и Изабелле (1503 г.) адмирал писал о золоте, как о мериле богатства, о средстве, позволяющем приобрести индульгенции, за которые церковь прощает грешные души. Торговцы везут ценные товары «на край света, чтобы их выменять, обратить в золото. Оно превосходно. Оно превращается в сокровище. Тот, кто им владеет, может делать все, что заблагорассудится, может отправить души в рай».

Вторая экспедиция была подготовлена через полгода после завершения первой. Сохранилась инструкция Фердинанда и Изабеллы для второй экспедиции. Колумбу предписывалось обращаться с индейцами, как с дружественным народом, который надлежало христианизировать. Участникам экспедиции запрещалось торговать и вообще брать с собой какие-либо товары. Торговля, рассматривавшаяся как королевская монополия, велась адмиралом или уполномоченными им лицами в интересах Фердинанда и Изабеллы. По мере освоения Нового Света адмиралу

предстояло заложить там систему управления: испанскую администрацию, судебные органы и таможду.

Католические короли потратили 20 млн мараведи на фрахт 17 кораблей, на жалование морякам, солдатам и маэстрес, на продовольствие для тех, кто собирался остаться в Новом Свете в качестве поселенцев. Экспедиция брала с собой посевной материал, партию лошадей. Испанский историк XX в. А. Бальестерос-и-Беретта утверждает, что на вторую и последующие экспедиции Колумба деньги давали итальянцы, его соотечественники. Но, по словам уже упоминавшегося историка Гарриса, который работал в испанских архивах, расходы были покрыты золотом и драгоценностями, конфискованными инквизицией у евреев. Кроме того, 5 млн ссудил герцог Медина-Сели, который в свое время дал приют Колумбу.^[37]

Людей, получавших королевское жалование, набралось около тысячи; кроме них на корабли попало до 500 человек, нигде не числившихся, желавших поселиться в Новом Свете, постоянно или временно. Колумб не мог не знать, что корабли приняли на борт нелегальных эмигрантов, но, судя по всему, смотрел на это сквозь пальцы, полагая, что рост переселенцев будет в интересах колонизации. Как и большинство прочих участников экспедиции, все они были довольно разношерстным людом, ранее скитавшимся по Испании, жившим случайными заработками. В Новый Свет плыли солдаты, оказавшиеся не у дел после захвата Гранады, крестьяне, бежавшие от нужды и произвола сеньоров,

---

³⁷ Ballesteros y Beretta A. Cristobal Colon y el descubrimiento de America. Historia de America y de los pueblos americanos. Barcelona—Buenos Aires, 1945. Vol. IV. P. 504; HARRISSE H. Op. cit. Paris, 1884. T. II. P. 56.

дворянские дети без прав на наследство, просто разбойники с большой дороги. Легальные участники экспедиции получили часть жалования авансом из расчета 30 мараведи в день, т. е. столько, сколько получали андалусские поденщики. Многие пропили аванс еще до начала сентября, когда корабли вышли из Кадиса.

В экспедиции была своя элита. Ее составляли лица, назначенные Королевским двором (казначей и капитаны кораблей), больше десяти священнослужителей, в том числе два францисканских монаха. Один из них, Б. Бойль, по-видимому, был приставлен к Колумбу соглядатаем. Молва о заокеанском золоте привлекла в экспедицию Х. Понсе де Леона, будущего первооткрывателя Флориды; один из членов его семьи носил титул маркиза Кадиса. Заметную роль в завоевании Вест-Индии сыграл еще один участник экспедиции — А. де Охеда, племянник севильского архидиакона Х.Р. де Фонсеки. С самим архидиаконом, который руководил хозяйственной подготовкой экспедиции, Колумб не поладил. Говорили, что один из фаворитов Фонсеки, любивший вмешиваться не в свои дела, как-то получил от адмирала несколько пинков. Вскоре Фонсека стал епископом, и под его руководство попали все хозяйственные связи с Новым Светом. Он не раз досаждал Колумбу, хотя дело было не только в личном недоброжелательстве. Перед епископом двор ставил задачу увеличить поступления в королевскую казну, в частности, за счет нарушения обязательств Фердинанда и Изабеллы по грамотам, предоставленным в свое время Колумбу.

Эскадра покинула Кадис 25 сентября 1493 г., довольно поздно, с точки зрения моряков, когда в океане с приближением похолодания можно было ждать

ненастья. Но Колумб не стал входить в зону вероятных штормов и проложил новый маршрут, южнее старого. Новый путь дал возможность открыть Малые Антильские острова. Об их существовании адмирал слышал во время первого путешествия от жителей Гаити, показывавших на юго-восток, когда речь заходила о карибах — воинственных пришельцах с дальних островов.

Три недели ушли на то, чтобы переплыть океан, еще три, — чтобы добраться до Гаити с юго-востока, следуя вдоль Малых Антиль. Первый остров, который Колумб увидел, переправившись через Атлантику, получил название Доминики, Воскресения, поскольку в этот день недели он появился на горизонте. Никаких стоянок около гористого, покрытого цветущей растительностью острова не было, а потому эскадре пришлось отправиться к другим, более доступным берегам. Надо думать, отсутствие стоянок стало причиной, надолго преградившей европейцам доступ на Доминику. По этой же причине там в XX в. смогли уцелеть последние карибы, немногим более тысячи, в резервации в 2 тыс. га, живущие сельским хозяйством и продажей плетеных изделий.

От Доминики эскадра проследовала к Гваделупе (по-испански Гуадалупе), получившей от Колумба свое название по знаменитому испанскому монастырю. Д.А. Чанка, один из врачей эскадры, в своем описании путешествия сообщал, что главной достопримечательностью острова была большая гора, и корабли подошли к Гваделупе с той стороны, где эта гора высится. Достаточно беглого взгляда на карту Малых Антиль, чтобы убедиться, что Колумб прошел проливом Святых вокруг южной части Гваделупы. Чутье моряка вело адмирала самым удобным проходом, свободным от

рифов, мимо многочисленных островов, из океана в Карибское море. А гора, привлекающая внимание спутников Колумба, была спящим, но грозным вулканом Суфриер (Серным), как его назовут будущие французские колонисты.

В чащобы Бас-Тер — той части Гваделупы, что лежит близ вулкана, — Колумб направил несколько групп моряков на поиски карибов. Одна из разведывательных партий заблудилась и выбралась из тропического леса только через четыре дня. Люди, уже не чаявшие вернуться на корабли, рассказывали, что блуждали среди деревьев необычной высоты, за которыми не было видно ни неба, ни звезд, что потеря ориентации в таком лесу была неизбежна. Другие партии испанцев смогли отыскать жителей, вернее жительниц Гваделупы, поскольку воинов карибов среди них не обнаружили. Оказалось, что воины в своих пирогах отправились в очередные походы. На Гваделупе, как и на ряде других островов, оставались, главным образом, индианки, захваченные во время набегов, и их дети. Возвращаясь, сообщали спутники Колумба, карибы устраивали пиры, поедали старых и новых пленников от мала до велика, о чем свидетельствовали утверждения женщин, а также найденные в хижинах черепа и кости.^[38]

Испанцам пришлось по вкусу разыгрывать роль освободителей Гваделупы от каннибалов, а потому на корабли были доставлены под охраной несколько десятков индианок, которым предстояло превратиться из карибских пленниц в служанок и наложниц новых завоевателей. Захват женщин продолжался и на других

---

³⁸ Anghiera P.M.d'. *Opus epistolarum*. — *Raccolta di documenti e studi...* Pt. III. Vol. II. P. 44–45.

островах, в том числе на Пуэрто-Рико. Адмирал, заставивший во время первого путешествия Пинсона ссадить захваченных индейцев, теперь не возражал против присутствия женщин на кораблях. Он вез испанцев, которые собирались остаться на Гаити в качестве колонистов, и понимал, что колонизация будет основана на труде индейцев. Наивно было бы ждать, что колонисты оставят в покое местных женщин.

На Пуэрто-Рико эскадра пробыла только два дня, хотя этот остров больше других понравился испанцам. Горы здесь были ниже, чем на Гаити, а для земледелия условия были самыми благоприятными ввиду обилия вод в плодородных долинах, особенно в восточной части острова, ближе к океану. На этом острове, наименьшем среди Больших Антильских, плотность населения была намного выше, чем на Гаити. Изрезанные участки побережья создавали возможность строительства портов. Впоследствии испанцы основами на севере столицу острова, Сан-Хуан, защищенную крепостью Эль Морро с подземными казематами, бастионами, редутами и рваши. К широкому заливу у Сан-Хуана не раз приближались вражеские Корабли. Но с моря никто, в том числе знаменитый Ф. Дрейк, не смог взять крепость, чтобы ограбить город, захватить испанские галеоны с колониальными товарами, а то и с золотом. Лишь с суши англичанам однажды удалось ненадолго овладеть Эль Морро.

22 ноября 1493 г. Колумб вышел к знакомой северной части Гаити и взял курс на запад, к Навидад. Когда до испанского форта оставались считанные мили, моряки, дважды спускавшие шлюпки, нашли в устье одной из рек четыре трупа, которые невозможно было опознать. Один из них был труп бородатого мужчины и,

следовательно, — неиндейца. На подходе к Навидаду адмирал, уже понимая, что на добрые вести вряд ли можно рассчитывать, обратил внимание на безлюдье, на то, что раньше в местных прибрежных водах он наблюдал оживление, повсюду сновавшие каноэ и пироги. Теперь встретили лишь одну пирогу с посланцами от кацика, помогавшего в свое время разгружать «Св. Марию» и сооружать форт. Посланцы ничего не стали объяснять. По-видимому, они лишь желали узнать, прибыл ли с кораблями адмирал, у которого с кациком были дружественные отношения. Наконец подошли к тому участку побережья, где за прибрежными зарослями был построен форт. На условленный сигнал — пушечный выстрел — ответа не последовало.

Десант, отправленный в Навидад, на месте форта обнаружил пепелище. Вскоре выяснилось, что индейцы все еще жили в соседнем селении, хотя кое-кто из них при приближении испанцев предпочел подхватить на руки своих детей и бежать, куда глаза глядят. Многие остались в своих хижинах, в том числе кацик. Судя по его объяснениям, колонисты после отъезда Колумба мерли от болезней; между ними шли раздоры и дело доходило до убийств. Главной причиной их гибели стало нападение на форт пришлого племени, враждовавшего с кациком. Сам он, по его словам, сражался с нападавшими и был ранен. Впрочем, врачи, обследовавшие кацика, никаких ран у него не увидели.

Индейцы отвели моряков к месту захоронения 11 или 12 погибших соотечественников. По пути индейцы жаловались, что колонисты отбирали у них молодых женщин, что каждый европеец обзавелся

тремя-четырьмя служанками и наложницами.^[39] Чанка по состоянию трупов нашел, что колонистов убили не более двух месяцев назад. Убийства, к которым местные жители не были, как они уверяли, причастны, не помешали им завладеть имуществом колонистов. В покинутых хижинах моряки нашли немало вещей европейского происхождения, в том числе таких, с которыми их бывшие владельцы вряд ли пожелали бы расстаться добровольно.

Колумб не знал, что делать. Окружавшие его люди, в том числе францисканец Бойль, отказывались верить кацику, требовали примерной расправы с индейским селением. Не трогать индейцев значило выставить себя в роли потатчика «кровожадным дикарям». А устроить расправу над ними, не установив их вину, значило показать себя жестоким завоевателем, о чем слух прошел бы тут же по острову. Пока Колумб колебался, кацик и его люди исчезли, что, возможно, устраивало адмирала, так как избавляло его от необходимости принимать тяжелое решение.

<http://mirjurnalov.com> - Скачать журналы бесплатно

Похоронив погибших, эскадра покинула Навидад. Будь это поселение цело, адмирал, скорее всего, расширил бы его или, во всяком случае, сохранил бы как один из центров колонизации. Теперь приходилось все начинать сначала, и адмирал решил строить поселение в другом пункте, но на том же северном берегу Гаити. Трудно сказать, что побудило адмирала уйти из Навидада. Может быть, нежелание селиться на

---

³⁹ Verde S.dal. Lettere. Valladolid, 20 marzo e 10 maggio 1494. — Raccolta di documenti e studi... Pt. III. Vol. II. P. 81.

пожарище, в месте, обретшем дурную славу. Может быть, он сомневался в удовлетворительном санитарном состоянии местности после разговоров индейцев о том, что часть поселенцев Навидада вымерла от болезней.

Свой выбор Колумб остановил на другом участке берега, где стали строить новое поселение, Изабеллу, примерно на полпути между западной и восточной оконечностями острова. Как основатель городов Колумб оказался неудачлив. Тому свидетелями руины Изабеллы, заросшие травой, в районе современного Пуэрто-Плата. Когда-то здесь стояли церковь, складские помещения, жилища и укрепления. Изабелла оказалась удалена от золотоносных районов. Кроме того, там, на севере острова, в XV в. испанцы часто страдали от тропических болезней.

Дело было не только в тропических болезнях. Колумб, сообщавший в отчетах королю и королеве о санитарном состоянии колонии, нигде не давал описания болезней, как не давал его и доктор Чанка. Для этого, надо думать, были свои причины. Судя по всему, адмирал соблюдал то, что считал правилами приличия, не позволявшими рассказывать королю и королеве о сифилисе. А именно сифилис был особенно распространен среди испанцев. Дж. М. Коэн, переводивший на английский и комментировавший тексты о путешествиях Колумба, писал в 1969 г.: «Более или менее доказано, что сифилис, которого Европа не знала до конца XV в., был завезен испанцами из Америки. У индейцев заболевание протекало в смягченной форме, у испанцев — в более тяжелой. Этим

объясняются частые ссылки Колумба на болезнь и истощение его людей». ^[40]

Коэн, видимо, был прав, когда писал о смягченной форме сифилиса у индейцев. Речь шла о давнем инфицировании, утратившем свою остроту, как можно предположить, под воздействием естественного иммунитета. У испанцев, не обладавших никакими иммунными свойствами, заражение сифилисом влекло тяжелые последствия. Но утверждение Коэна о том, что «более или менее доказано» американское происхождение сифилиса, не соответствует фактам. «Итальянская» болезнь во Франции и «французская» — в Италии упоминалась хронистами до путешествий Колумба. Правда, есть свидетельства, что в конце XV в. болезнь быстро распространилась в Восточном Средиземноморье. Не исключено, что эта вспышка была следствием испанской колонизации. Европа «обменялась» болезнями с Новым Светом: туда были завезены ранее неведомые заболевания, в том числе корь и оспа, а оттуда пришел новый штамм сифилиса.

В памятной записке, предназначенной для отчета Фердинанду и Изабелле, Колумб в январе 1494 г. перечислял трудности, с которыми столкнулся на Гаити. Помимо болезней речь шла о строительстве, которое требовало особых усилий, так как сооружались каменные, а не деревянные здания. Каждое из них должно было стать своего рода крепостью, чтобы не разделить судьбу строений в Навидаде. Из-за тропических ливней нельзя было вести работы в дождливый сезон. У индейцев не было тяглогового скота, а

---

⁴⁰ Cohen J.M. Introduction. — The Four Voyages of Christopher Columbus. Harmondsworth (Mddx) a.o., 1969. P. 18.

животные, доставленные из Испании, быстро слабели и погибали. Это мешало развитию сельского хозяйства, в частности плантаций сахарного тростника, привезенного адмиралом. В конце концов сахарный тростник хорошо прижился. В следующем веке он стал главным богатством плантаторов Вест-Индии и принес гибель несметному числу рабов, местных и привозных.

Как всегда, Колумб утверждал, что золота на Гаити много, а потому развитие колонии было выгодно. В действительности местные золотые россыпи были не так уж богаты. Разведывательные партии, время от времени отправлявшиеся в глубь острова, доставляли главным образом то золото, которое уже было добыто индейцами. Его удавалось выменять, получить в виде не всегда добровольных даров от кациков. В ближайшее время приходилось ожидать, что золота у индейцев почти не останется, после чего придется открывать прииски, требующие нелегких работ, которые колонисты, разумеется, возложат на местных жителей.

Следовало искать новые источники поступления золота, исследовать еще не открытые области Нового Света. В феврале 1494 г. адмирал решил отправить в Европу те партии драгоценного металла, которые удалось собрать. В Испанию возвращались 12 кораблей. Возможно, их число было бы меньше, если бы адмирал не пожелал вернуть на родину всех больных, избавиться от них, как от обузы для колонии. Сам Колумб, оставив в Изабелле два корабля, на трех других в апреле 1494 г. ушел в экспедицию на юг обследовать бассейн Карибского моря.

О маршруте, избранном адмиралом, более всего известно из двух источников: сочинений испанского

хрониста А. Бернальдеса и итальянца П. д'Ангьеры, служившего при испанском дворе. Есть еще один источник, вернее копия источника, который используют одни историки и отвергают другие. Рассказ знакомого Колумба, венецианца А. Тревизана, был посвящен путешествию пяти испанских каравелл без указания, кто были капитаны, к берегам современной Венесуэлы. Если сведения Тревизана верны, то это случилось где-то в середине 90-х годов, возможно в 1494 г. На побережье Южной Америки были установлены дружественные отношения с индейцами, у которых удалось получить много жемчуга. Позднее, после третьего путешествия Колумба, испанцы действительно обнаружили к западу от устья Ориноко участки прибрежных вод, богатые жемчугом, который там добывают и в XX в. Но если находка была сделана в 1494 г. и о ней, как утверждает Тревизан, не были поставлены в известность католические короли, то получается, что адмирал скрыл часть своих доходов. Фердинанд и Изабелла, обо всем узнав через спутников Колумба, должны были лишиться его своего доверия.

Но рассказ Тревизана вызывает сомнения по нескольким причинам. Он, как отмечалось, не датирует события и не называет их участников. Кроме того, отдельные части рассказа схожи с повествованиями о третьем путешествии Колумба, о странствиях А. Веспуччи и Охеды. Есть в рассказе явные несуразности — о «белых» женщинах Южной Америки и т. д.

Достоверно известно, что Колумб, отправившись в путешествие из Изабеллы, посетил берега Кубы. На юге этого острова европейцы еще не бывали, так же как на Ямайке, открытой адмиралом в середине мая 1494 г. Подобно другим Большим Антильским островам,

Жаймайка, остров фонтанов на языках аравак, понравился Колумбу и его спутникам. Берега здесь были ровные, подходы к ним не загораживались рифами. Свое название Ямайка получила по одному из гористых центральных районов, где поверхность, сложенная из известняков, испещрена реками и ручьями, размывшими ее, Уходящими под землю и вновь возвращающимися, бьющими ключами, разливающимися озерами. Растительность здесь была такая же буйная, как на Кубе и Гаити. Животный мир был менее разнообразен, но подчас представлен такими видами (например, мелкими обезьянами), каких не было на других островах. Как и на Кубе, здесь встречалась «нелающая собака», по-видимому, енот.

От Ямайки каравеллы вновь повернули к южным берегам Кубы, Которые в течение месяца были обследованы, как утверждал адми-Рал, на протяжении 335 лиг, т. е. более 1000 морских миль. Путь шел не по прямой, а потому можно было записать такую внушительную цифру. Был открыт замыкающий залив Батабано о. Пинос с его прекрасными сосновыми лесами. В будущем он стал логовом пиратов и контрабандистов, оставивших после себя легенды о сокровищах, на которые в XX в. оказались падки любители всевозможных раскопок.^[41] До западной оконечности Кубы каравеллам оставалось пройти около 100 миль. Они находились у восточной границы современной кубинской провинции Пинар-дель-Рио, производителя лучшего в мире табака для сигар.

---

⁴¹ Krug W.G. El Karibe. Auf Kolumbus' Spuren im mittleren Amerika. Hamburg, 1958. S. 341.

Там, на выходе из залива Батабано, адмирал, скрепя сердце, решил повернуть назад. Проход вдоль заболоченных, покрытых мангровыми зарослями южных берегов Кубы и примыкающих мелких островов оказался труден. Неустанно велись промеры глубин, чтобы не посадить корабли на мель. Корпуса каравелл, не раз задевавшие дно, текли, и матросы измучились, откачивая воду. Корабли нуждались в ремонте, но на Гаити и в Испании от Колумба, недавно вышедшего из Изабеллы, ждали открытия новых золотых приисков, а не возвращения с разбитыми каравеллами.

Адмирал полагал, что для прекращения обследования кубинских берегов было мало ссылки на неудовлетворительное состояние кораблей. А потому командам было объявлено, что достигнута цель экспедиции: удалось выяснить, что Куба является частью материка. Островов такой большой протяженности не бывает, и следовало считать, что каравеллы шли вдоль какой-то части азиатского берега, принадлежавшего, скорее всего, Китаю. Чтобы не было сомнений, адмирал заручился в письменной форме поддержкой своих спутников. Нотариус, участник экспедиции, составил акт, по которому все матросы и маэстрес, т. е. командные чины, соглашались с решением Колумба. Единственного матроса, заявившего о несогласии, адмирал припугнул, сказав, что оставит его на Гаити и никогда не возьмет в Испанию. Все прочие моряки подтвердили, что прошли 335 лиг, а на будущее, если бы они отказались от своих слов, им надлежало отрезать язык и взять с каждого штраф по 10 тыс. мараведи. У младших матросов таких денег не было, и им на случай уличения во лжи полагалось, помимо отсечения языка, получить по 100 плетей.

Письменный акт о поддержке адмирала, по-видимому, сыграл свою роль. У Колумба по возвращении в Изабеллу после нового захода на Ямайку и обследования Южного Гаити не было хлопот, связанных с отказом идти на запад вдоль берегов Кубы. Зато хватило хлопот другого рода, порожденных невзгодами переселенцев в Изабелле, отсутствием стимулов к колонизации, которая не давала ожидаемых результатов. До захвата сокровищ Мексики и Перу было еще далеко; конкистадорам предстояло провести немало лет в войнах с индейцами Больших и Малых Антильских островов.

В сентябре 1494 г., возвращаясь в Изабеллу, адмирал тяжело заболел. В Изабелле выяснилось, что во время его путешествия колония бедствовала, главным образом из-за отсутствия продовольствия. Положение несколько улучшилось с прибытием из Испании трех каравелл, груженных съестными припасами. Каравеллы успели уже уйти обратно, взяв с собой францисканца Бойля и одного из командных чинов, П. Маргарита. Их отъезд был вызван конфликтом с адмиралом и его братом Диего, а в конечном счете — трудностями жизни на Гаити. Вернувшись в Испанию, Бойль и Маргарита обвинили адмирала в злостных злоупотреблениях колонии, в преувеличении ее богатств, а заодно в жестоком обращении с испанскими колонистами (нескольких слушников адмирал повесил). Если бы Бойль и Маргарита были до конца честны, они рассказали бы, прежде всего, о жестокостях в отношении индейцев. Но, по-видимому, это не входило в их планы, тем более что Маргарита до отплытия адмирала на Кубу участвовал вместе с ним в походе в глубинные области Гаити и в расправах с индейцами.

<http://jurnal.tr200.net> - Скачать журналы бесплатно

Адмирал болел пять месяцев. Еще находясь в постели, он стал снаряжать одну экспедицию за другой для полного подчинения гаитянских индейцев. Адмирал догадывался, что могли про него рассказать в Испании Бойль и Маргарита, а потому считал главной задачей отправить в метрополию побольше золота или, на худой конец, других товаров, имевших спрос в Европе. Судя по адмиральской инструкции, доставленной Маргарита в Испанию, руководителям экспедиций предлагалось поддерживать добрые отношения с индейцами. Чего стоило это предложение, можно судить по той же инструкции, разрешавшей конфискацию продовольствия. Одновременно Колумб вводил на Гаити средневековые испанские законы, предлагая за воровство отрезать индейцам уши и носы.

За короткий срок, в 1494–1496 гг., остров был покорен сотней — другой испанских солдат и колонистов. При завоевании заметную роль сыграло использование испанцами двух десятков лошадей и такого же числа крупных собак, завезенных с Канарских островов. Гаитянцев, не видавших ни лошадей, ни собак, эти животные приводили в ужас не меньше, чем огнестрельное оружие. Сопротивление, организованное в некоторых областях острова, было слабым; часть вождей переметнулась на сторону европейцев и помогла уничтожить тех, кого испанцы рассматривали как своих противников. Смирившиеся деревни были обложены повинностями. Все их жители, начиная с четырнадцати лет, были обязаны сдавать испанцам золото, а там, где его не было, — хлопчатобумажную пряжу.

Выполнившим повинность вешали на шею медную бирку, действительную на три месяца, после которых требовалось вновь работать на испанцев.

Эта работа — добыча золота, переноска грузов и т. д. — отвлекала индейцев от обычных занятий, не давала времени вести хозяйство, вынуждала надолго покидать свои хижины, бросать на произвол судьбы детей и стариков. Размеры дани были непомерно велики даже после того, как Колумб их вдвое уменьшил по просьбе союзных вождей. Недоимщики спасались бегством в горы, где погибали от голода и болезней. Многие предпочли погибнуть, отравившись горьким маниоком, но не жить в деревнях, где, по словам Лас Касаса и Фернандо Колумба, полагалось предоставлять продовольствие и женщин испанцам, носить их на закорках.^[42]

На Гаити, а позднее на других Больших Антильских островах и на Багамах, араваки вымирали. За 1494–1496 гг. их численность упала с 300 до 200 тыс; в 1508 г., через два года после смерти Колумба, гаитянцев насчитывалось 60 тыс., т. е. в 5 раз меньше, чем до открытия Америки. К середине XVI в. на Гаити сохранялись единичные поселения араваков, которые в дальнейшем по большей части смешались с негритянским населением. В наши дни можно судить о прошлом араваков и других коренных народов Вест-Индии более всего по старинным записям их европейских завоевателей, в том числе Колумба, а также по этнографическим материалам, собранным там, где уцелевшие группы аборигенов живут до сих пор (Южная

---

⁴² Colombo F. Op. cit., p. 27; Las Casas B.de. Brevisima relacion de la destruccion de las Indias. La Habana, 1977. P. 29 etc.

и Центральная Америка, Южная Флорида, отдельные острова Антильского архипелага).

Описание цивилизации индейцев свидетельствовало о наблюдательности Колумба. Не зная местных языков, лишь начиная улавливать смысл ряда слов, он сумел многое разглядеть и дал в целом достоверные сведения о быте открытых им народов, хотя не всегда равноценные.

Речь шла о разных культурах, которые уступали Старому Свету даже тогда, когда они имели зачатки письменности. Они были бедны — на что указывал Колумб — домашними животными (в частности, отсутствовали лошади, крупный и мелкий рогатый скот). Индейцы не знали колеса, в строительной технике не применяли своды. Колумб и его спутники стали первыми европейцами, которые увидели каменный век Нового Света. Оказалось, что он воплощен, с одной стороны, в каменных изделиях (особенно орудиях труда), с другой — в дереве, включая деревянную скульптуру, украшавшую каноэ, предметы культа и т. д. Камень не исключал металлы: в Новом Свете использовалось самородное золото, зарождалась металлургия, поскольку золото подчас сплавлялось с медью.

В Южной Америке по берегам Карибского моря лежали области, где преимущественными занятиями одних индейцев были рыболовство и собирательство, других — подсечное земледелие, как и на Больших Антильских островах. Более развитые системы земледелия с применением террасирования и орошения появились в Южной и Центральной Америке у инков, ацтеков, майя и некоторых других народов. Об их культуре Колумб имел лишь отрывочные сведения, подчас довольно смутные, поскольку его пребывание на

континенте Америки ограничилось районом дельты Ориноко и береговой полосой от Гондураса до южной части Панамского перешейка.

В 1498 г., предприняв третье путешествие в Новый Свет, Колумб побывал в дельте Ориноко, где встречал варрау, жителей свайных построек, рыболовов и собирателей, перенявших у соседей, араваков и других, навыки земледелия. Варрау селились на незатопляемых в сезон дождей высоких берегах, изготавливали каноэ из древесной коры, многоместные пироги-долбленки, глиняную посуду, плели корзины и циновки. Здесь, в дельте Ориноко, женщины носили бусы из семян попеременно с жемчугом, а мужчины — ожерелья из полированного желтого металла. От него испанцы не могли оторвать глаз, пока не узнали, что это — сплав, где меди могло быть намного больше, чем золота.

Колумб познакомился во время четвертого (и последнего) путешествия в 1502–1503 гг. с жителями западной части Карибского моря — хикаке, мискито и др. О мискито, сражавшихся с конкистадорами в давно прошедшие времена, весь мир услышал в XX в. как о противниках сандинистского режима в Никарагуа. Они, подобно хикаке, стояли в культурном отношении ближе к населению бассейна Амазонки, чем к соседним майя, хотя испытали их влияние. Другие соседи мискито, таламанка, жители Панамского перешейка, входили в обширный культурный регион, включавший чибча и родственные народы современной Колумбии. Применяя орошение, они выращивали на своих полях маис, клубнеплоды и т. д. Сооружались легкие хижины, которые в отличие от жилищ хикаке и мискито имели стены, обмазанные глиной. Изготавливались

хлопчатобумажные ткани, художественные поделки из золота.

У таламанка была развита торговля, с которой Колумб познакомился при не совсем обычных обстоятельствах. На одном из участков побережья, чтобы расположить испанцев как торговых клиентов, таламанка послала к адмиралу на борт двух девочек-подростков, считая, по-видимому, что те окажут морякам определенные услуги. Но Колумб почему-то решил, что у девочек был при себе «колдовской порошок», а потому их одарили безделушками и тут же спровадили восвояси. В свою очередь таламанка так же сочли, что испанцы собираются их околдовать. На следующий день на суше брат адмирала попытался записать сведения о ближайших областях, но индейцы разбежались при виде пера и бумаги, которые выглядели колдовскими приспособлениями.

Более всего Колумбу были знакомы араваки — подавляющая часть населения Антиль, выходцы из Южной Америки, где их предки жили в бассейнах Ориноко и Амазонки. Оттуда они принесли земледелие с культурами маниока и хлопка, тогда как зачатки металлургии, возможно, были заимствованы в Центральной Америке. Араваки, как и их предшественники на Антилах, отсталые сибонеи, рыбачили, охотились на морских черепахах. Их ловили, запуская на веревке в океан прилипалу — рыбу с присосками.

Жители Вест-Индии мастерски изготавливали каменные орудия. У них «нет никакого железа, — писал доктор Чанка, — но много инструментов, топоров и тесел, сделанных красиво и изысканно...». До наших дней

антильские негры находят шлифованные камни араваков. Говорят, зная араваков в торжественные дни носила эти камни как ожерелья. С ними исполнялись ритуальные танцы, что было испытанием для стареющих вождей и шаманов. Легче было отказаться от власти, чем заплетающимися ногами, подвесив на себя груз в 20–30 кг, плясать под придирчивыми взглядами соплеменников.

Малые Антильские острова, одна из областей расселения араваков, были ими утрачены в результате карибских завоеваний. Карибы — земледельцы, рыболовы и охотники — принадлежали к тому же культурному кругу выходцев из Южной Америки, что и араваки. На завоеванных островах они уничтожили мужчин араваков, сохранив жизнь женщинам и детям, которые продолжали говорить на родном языке. Женщины стали прислужницами и наложницами завоевателей, а мальчикам аравакам карибы отрезали половые члены, после чего их откармливали. С ними сожительствовали, пока они не выросли, а затем, как рассказывали спутникам Колумба женщины-араваки, их поедали.

Материалы о каннибализме карибов и других народов Южной Америки не раз дискутировались исследователями XX в..^[43] Доказательства каннибализма, как уже было сказано, заключались в рассказах араваков, а также в том, что на Антилах, в хижинах и вокруг них, можно было найти людские черепа и кости. Но у ряда индейских народов культ предков предполагал хранение черепов и костей; согласно обряду, их можно

---

⁴³ Josephy jun. A.M. Das Zentrum des Universums. Eine Einleitung. — America 1492. Die Indianervölker vor der Entdeckung. Frankfurt am Main, 1992. S. 9.

было и закапывать, и выкапывать. Сам Колумб в этом прекрасно разобрался. Когда в 1492 г. на Кубе его матросы нашли в хижинах человеческие головы в корзинах, адмирал записал в своем журнале, что, как он думает, «это были головы каких-то знатных людей из рода, ибо в каждой хижине было много народу, и они должны были быть родственниками, потомками одного лица». Колумб и его спутники слышали обвинения в каннибализме от араваков — заклятых врагов карибов. В свою очередь карибы на Пуэрто-Рико пугали испанцев рассказами о каннибализме араваков. Не исключено, что каннибализм, распространенный у карибов Южной Америки, со временем мог из бытового превратиться в религиозно-мистический, наподобие христианского обряда причащения телом и кровью Христа. А культ предков не мешал умерщвлять (душить) стариков, когда они становились обузой.

Для Колумба вопрос о каннибализме карибов имел практическое значение. Предполагалось, судя по переписке адмирала с католическими королями, что жертвы карибов — араваки, люди смирные, находились под покровительством короны и рассматривались как христиане недалекого будущего. Карибов за их кровожадность следовало завоевать и продать в рабство. Оно должно было стать своего рода искуплением их вины.

По-видимому, католические короли оценивали на первых порах так же, как адмирал, прибытие индейцев-карибов в Испанию. На инструкцию, врученную Колумбом капитану, который в 1494 г. перевозил карибов, была наложена резолюция Фердинанда и Изабеллы: «Сообщите ему (Колумбу. — В.С.), что случилось с каннибалами (которых раздали как рабов. — В.С.), что

все это хорошо, что так ему и следует поступать».^[44] Но вопрос о вывозе невольников из Нового Света оказался не так прост, как представлялось на первый взгляд. В апреле 1495 г. католические короли отменили разрешение на продажу следующей партии рабов. При этом было указано, что необходимы консультации с учеными и теологами относительно добровольности перехода индейцев в рабское состояние.

Фердинанд и Изабелла выказали заботу о доброй воле индейцев в то время, когда рабство сохранялось в Испании и вообще в Западной Европе, когда не прекращался приток невольников с рынков Малой Азии и особенно Африки. Непоследовательность бросалась в глаза: зачем было запрещать ввоз индейцев, одновременно разрешая ввоз белых и черных рабов? Ответ на этот вопрос вряд ли мог быть однозначным. Во-первых, в 1495 г., когда появился запрет, высокая заболеваемость на Гаити и вспышка сифилиса в Европе, по-видимому, побудили католических королей принять меры карантинного характера. Карантин, впервые примененный в Италии в XIV в. против чумы, идущей с Востока, был единственным доступным властям средством для борьбы против распространения инфекций. Во-вторых, решение о запрете вывозить индейцев было временным шагом. Через несколько лет (в 1503 г.) была вновь разрешена торговля карибами, хотя она не приняла значительных размеров.

<http://kino.tr200.ru> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать

---

⁴⁴ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 357.

Дело было не во врожденных пороках вест-индских рабов- с их свежим (для европейцев) штаммом сифилиса, а в том, что их физическое состояние в силу объективных причин на рынках Европы было хуже, чем рабов из Средиземноморья и даже из Тропической Африки. Белые и черные рабы, попадая на Пиренейский полуостров, редко проходили через те страдания, которые выпадали на долю всех, кого везли через Атлантику с востока на запад и особенно — с запада на восток. Общеизвестна участь африканцев, когда работоторговцы набивали ими трюмы невольничьих кораблей на пути в Америку. Но еще хуже приходилось карибам, отправленным из Вест-Индии в Европу. Путь в Европу, как это видно на примере путешествий Колумба, не был «зеркальным» отображением пути из Европы. Ветры, попутные в первом случае, превращались во втором случае во встречные. Отсюда вытекала необходимость плыть из Вест-Индии в Европу по более продолжительным маршрутам, идти далеко на север и лишь потом на восток. Эти маршруты, как уже говорилось, пролегали в сравнительно холодных широтах, губительных для непривычных индейцев. Смертность среди них была особенно велика; во всяком случае она была выше, чем среди африканцев, направлявшихся в Америку.

Без работоторговли колонизация Вест-Индии на первых порах была убыточной. Из колонии в Испанию возвращались больные и изможденные люди. Привезенное ими золото не окупало расходы на их жалование и содержание, на корабли, погибавшие в бурях, быстро изнашивавшиеся в жарких широтах.

Колумб чувствовал, что доверие к нему католических королей подвергается испытанию, что лучше всего вернуться в Испанию и отчитаться в своей

деятельности как вице-короля. Но в июне 1495 г. три корабля из четырех, которыми он располагал, погибли в бурю на рейде Изабеллы. Колумб, по-видимому, полагал, что ему не пристало возвращаться с единственной уцелевшей каравеллой «Ниньей», а потому было решено строить в Изабелле еще одну каравеллу, «Индию». Строительство закончилось в начале 1496 г., и адмирал тогда же покинул Изабеллу. На двух каравеллах в Старый Свет возвращались 220 человек — солдаты и колонисты. Вместе с индейцами, взятыми в Испанию как будущие переводчики, набралось 250 человек. Для двух небольших кораблей пассажиров было слишком много. Чтобы всех накормить, следовало взять больше припасов и сократить время на переход в Европу.

На Гваделупе в одну из брошенных индейцами деревень испанский десант пригнал десяток женщин, которых заставили готовить муку из маниока и печь хлеб, распределенный затем по кораблям.

Снова, как и при возвращении из первого путешествия, Колумб и его люди оказались на краю гибели. На этот раз дело было не в бурях; тяжесть перехода была в его длительности, составившей 52 дня. К северу от Гваделупы пришлось идти галсами против встречных ветров. Если бы адмирал держался ближе к берегам Северной Америки, продвижение было бы намного легче. Но к востоку от Бермудских островов, где шли каравеллы, навигационная обстановка оказалась не такой, на какую надеялся адмирал. К Азорским островам (куда не стали приставать) приблизились лишь через месяц пути, а к португальскому берегу — через 50 дней. Продовольствие кончилось, начался свирепый голод. Судя по скурым сведениям, приводимым Фернандо Колумбом, полубезумные моряки предлагали адмиралу

съесть индейцев, будущих переводчиков, или по крайней мере выбросить их за борт как лишние рты. Адмирал смог удержать моряков в течение нескольких дней, пока не увидел землю.^[45]

* * *

Колумб вернулся в Испанию в начале июня 1496 г. Ожидая вызова ко двору, он остановился недалеко от Севильи у знакомого монаха, будущего хрониста Бернальдеса. Фердинанд и Изабелла не торопились встретиться с Колумбом. Это свидетельствовало, что его противники, такие как Бойль, преуспели, доказывая, что Эспаньола плохо управлялась, что она втягивала Испанию в излишние расходы. К чувству разочарования, которое испытывал двор по отношению к адмиралу, примешивались политические соображения, побуждавшие католических королей ограничивать заморские завоевания. Начались войны с Францией за господство в Италии, что требовало немалых денег. Одновременно католические короли укрепляли свое положение в Европе династическими союзами: помимо брака старшей дочери с португальским королем удалось женить инфанта Хуана (он умер через два года) на австрийской принцессе, а брата этой принцессы — на одной из младших дочерей Фердинанда и Изабеллы.

В конце концов Колумба вызвали в Вальядолид, где находились католические короли. Дорога туда была не близкой, и адмирал воспользовался этим, чтобы поднять свою популярность так же, как по возвращении из первого путешествия. Через встречные города он

---

⁴⁵ Colombo F. Op. cit. P. 61–64; Humboldt Avon. Examen critique de l'histoire de la geographie du nouveau continent. Paris, 1837. T. 3. P. 280.

проезжал в сопровождении процессии, куда входили его спутники, несшие клетки с красавцами-попугаями, и индейцы, обвешанные золотыми украшениями. Бернальдес, видевший всю эту кавалькаду перед выездом из Севильи, писал, что индейские украшения, в частности короны, включали чудовищ с человеческими чертами. Это были, по его словам, изображения сатаны. Во всяком случае, заключал монах, «я полагаю, что таким он им являлся, а они, будучи язычниками, видели в нем повелителя».^[46]

В Вальядолиде Колумбу, казалось, удалось вернуть расположение монархов. Хотя золота он привез не столько, сколько ожидали, все же украшения индейцев, к которым он добавил немало самородков, произвели необходимое впечатление. На предложение адмирала направить новые корабли на Эспаньолу было дано согласие, которое, как и при организации первой экспедиции, было далеко не сразу подкреплено практическими шагами. Кроме того, католические короли не собирались выполнять свои старые обязательства перед Колумбом и рассматривать его как единственного руководителя в колониях Нового Света. Без его ведома и вопреки его полномочиям на контроль над Вест-Индией туда были направлены другие экспедиции, о чем Колумб смог узнать позднее. От участия в доходах этих экспедиций он, разумеется, отстранялся.

Подготовка собственной, третьей экспедиции Колумба началась в апреле 1497 г. и затянулась более чем на год. Адмиралу дали не восемь кораблей, как он просил, а шесть. Экспедицию задерживали трудности при

---

⁴⁶ Bernaldez A. Op. cit. P. 283.

наборе экипажей. После того как из Нового Света вернулись больные и изможденные спутники Колумба, было мало энтузиастов, решавшихся добровольно идти по их следам. Приходилось вновь, как в Палосе в 1492 г., частично набирать преступников.

Но дело было, главным образом, не в этом. Снаряжение экспедиции поручили Фонсеке, который не спешил, ссылаясь на нехватку средств, на то, что деньги придется занимать, возможно, из приданного старшей дочери католических королей, выданной за португальского Мануэла. Фонсека охотно отложил бы экспедицию, если бы не беспокойство, которое вызывала при дворе португальская конкуренция. Было известно, что в середине 1497 г. в Индию вышла флотилия Васко да Гамы. Колумб понимал, что Фердинанд и Изабелла оглядывались на Лиссабон, и не упускал случая напомнить, что португальский двор имеет сведения о каких-то обширных землях к югу от Вест-Индии. Впрочем, и без того Изабелла вновь стала считать, что Колумбу следует поручить экспедицию, когда он верно предсказал дату прибытия из Фландрии австрийской невесты ее сына. Невеста запаздывала к жениху, и никто кроме адмирала, знатока морского дела, не смог сказать, когда вернуться посланные за ней корабли.

Колумб вышел с шестью кораблями из устья Гвадалквивира в открытый океан в конце мая 1498 г. Прежде всего корабли направились к португальской Мадейре, где взяли на борт припасы, затем — к Канарским островам. Удача сопутствовала адмиралу, так как удалось уйти от французских корсаров, охотившихся за испанцами со времени начала итальянских войн. У Канар адмирал разделил свои корабли: три из них с грузами для вест-индских колонистов взяли курс на

Антилы, три других под его командованием продолжили путь на юг до островов Зеленого Мыса.

После дозаправки водой и пополнения запасов продовольствия начался переход через Атлантику. С 4 по 13 июля корабли шли, подгоняемые пассатом, на юго-запад, т. е. прямо к бразильским берегам. Но при приближении к экватору экспедиция вступила в полосу штилей и резкого повышения температуры, продвижение почти прекратилось. Испанская флотилия не была достаточно подготовлена к таким условиям, в частности из-за ограниченного опыта плаваний в южных широтах. К тому же с конца 1496 г. Колумб вновь, как в 1492 г., потратил слишком много сил, добиваясь фактически в одиночку разрешения на экспедицию, собирая средства на ее финансирование. Не было возможности выбрать наиболее пригодные корабли, наилучшим образом подготовить грузы. За одиннадцать месяцев до Колумба эту часть Атлантики пересек Васко да Гама, двигаясь с пониженной скоростью. Португальцам, строившим свои корабли по особому заказу, оборудовавшим их под наблюдением моряков с большим опытом экваториальных плаваний, этот маршрут был по плечу. Что касается испанской экспедиции, то, судя по отрывкам из адмиральского судового журнала, приводимым Лас Касасом, она оказалась на грани срыва.

В трюмах от жары стали портиться запасы мяса, перегревались мешки с зерном, лопались бочки с водой и вином, разрывая обручи. Корпуса кораблей кое-где дали течь из-за разохшейся обшивки. Когда через десяток дней жара спала и вновь задул пассат, Колумб решил больше не рисковать. Курс был изменен, корабли пошли точно на запад, а еще через несколько дней, учитывая сокращение запасов воды, в курс внесли новую поправку,

отклонившись к северо-западу, к знакомым Антильским островам. 31 июля 1498 г. Увидели на севере обширный остров, который Колумб назвал Тринидадом (Троицей). Немного спустя на юге также открылась земля: Побережье современной Венесуэлы (т. е. Малой Венеции, как ее Потом окрестили испанцы), устье Ориноко.

Корабли медленно пошли вдоль берегов Тринидада, затем — вдоль залива Пария, куда несут воды многочисленные протоки, составляющие дельту Ориноко. Флотилия не раз останавливалась, чтобы дать отдых экипажам, заняться починкой кораблей, установить контакты с местными индейцами. Вначале адмирал полагал, что открытые им земли представляют собой острова. Но пресная вода в обширном заливе Пария означала, что сюда впадает могучая река, что такой обильный сток вряд ли образуется на небольшом участке суши. К концу путешествия по заливу, как писал Колумб католическим королям, у него сложилось убеждение, что открыта земля «величайших размеров». А обилие пресной воды и благодатный климат свидетельствовали, скорее всего, о близости рая, куда, впрочем, можно было попасть, продолжал Колумб, только благодаря божественному промыслу.

Адмирал пробыл там немногим более двух недель, интересуясь, прежде всего, навигационными особенностями района, составляя общее описание местности в заливе Пария и к западу от него до о. Маргарита (Жемчужина), где индейцы носили украшения из жемчуга. К письму, отправленному вскоре католическим королям, была приложена карта обследованного района. Она была передана — по-видимому, с согласия католических королей, а возможно, по их инициативе — Охеде, участнику второй

экспедиции Колумба. В следующем, 1499 г. Охеда получил разрешение на экспедицию в Вест-Индию, к острову Маргарита и далее на запад, откуда он вывез, вопреки привилегиям Колумба, немало жемчуга.^[47]

<http://film.tr200.ru> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать

В бортовом журнале адмирала и его письме католическим королям содержался ряд замечаний об индейцах Тринидада и устья Ориноко, об условиях их жизни. Адмирал, как всегда, обратил внимание на внешний облик индейцев (найдя их людьми «хорошего сложения»), на их одежду (из хлопчатобумажных повязок), на их отношение к европейцам. Как сообщал адмирал, почти везде удавалось менять безделушки на золото. Лишь однажды экипаж флагманского корабля был обстрелян из луков: испанцы, чтобы привлечь к себе внимание, стали танцевать, а индейцы нашли их танец воинственным. По словам Колумба, здесь, как и на Больших Антильских островах, у индейцев были вожди — кацики, — а в их подчинении находились знатные люди и простолюдины. Социальную иерархию индейцев адмирал описал в европейских терминах и тем самым одел аборигенов Нового Света в европейские одежды своего времени. Еще в журнале первого путешествия он, помимо кациков, поминал «грандов, которых называют нитаино», т. е. тайно (в значении «привилегированное сословие»). Упоминались также «деревенские сеньоры», идальго и оруженосцы.

Колумб отметил, что влиятельным кацикам подчинялись мелкие вожди, что привилегии знатных лиц

---

⁴⁷ De los Pleitos de Colon. P. 204.

выражались в многоженстве, в материальных благах. В письмах испанским казначеям о первом путешествии упоминалось, что кацики могут иметь до 20 жен (надо думать, работающих на них). В устье Ориноко он встречал многовесельные каноэ с кабинами для знатных особ, а дом одного из старейшин, куда пригласили испанцев, отличался крупными размерами. Правда, обстановка в этом доме выдавала склонность к эгалитаризму его хозяев: в нем было полно сидений для всех присутствующих индейцев. Равенство основной массы населения, несмотря на привилегии знати, сказывалось в правах собственности. «Я не смог понять, — писал адмирал еще в 1493 г., — есть ли у них собственность. Мне кажется, что если что-то принадлежит одному, то все имеют право на часть».

Описание индейского общества включало замечания о религии (или об ее отсутствии) и моральном облике. Еще в журнале первого путешествия Колумб писал, что отправился в восточные страны, чей правитель, великий хан, и его предшественники не раз просили Рим наставить их в христовой вере. Этого сделано не было, а потому многие народы «извели себя, опустили до идолопоклонства, предались губительным сектам...». Такой поворот событий стал возможен в восточных странах, тогда как в Вест-Индии, наоборот, появление европейцев открыло путь к христианизации и преуспеванию индейцев, которые, к сожалению, были дикарями (это слово не раз мелькало в записях адмирала). Араваки, не имевшие никакой веры, не ведавшие ни забот, ни лишений, были вполне готовы принять христианство. А рядом с ними располагались темные силы, людоеды-карибы, от которых надлежало защитить будущих приверженцев католичества.

Словом, согласно Колумбу, народы отличались друг от друга более всего по вере или безверию. Процветали христиане, и к ним со временем могли приблизиться те, кто был готов принять их вероучение. В наименее выгодном положении оказывались закоренелые идолопоклонники.

В середине августа 1498 г. Колумб покинул берега Южной Америки и взял курс на Эспаньолу, куда прибыл через пять дней. В судовом журнале он записал, что торопился туда, в частности, из-за опасений за сохранность продовольственных грузов для колонистов, а также вообще из-за неподготовленности экспедиции к длительному плаванию. По-видимому, открыв устье Ориноко и смежные районы, Колумб рассчитывал, что этого достаточно, чтобы Произвести необходимое впечатление при испанском дворе, а потоку не было смысла продолжать рискованное путешествие. Как и раньше, Эспаньола должна была дать адмиралу золото, пусть не так много, но вместе с колониальными товарами и рабами оно могло оправдать королевские расходы.

Расчеты адмирала не оправдались, надо думать, ввиду того, что доходы от Вест-Индии были, попросту говоря, мизерны. Судя по письмам Колумба и по сведениям хронистов, золото не было отправлено в Испанию ни в 1498, ни в 1499 г. За эти два года католические короли получили с Эспаньолы лишь партию красителей и три сотни изможденных рабов-карибов, вернее мирных араваков, которых выдавали за воинственных карибов. Между тем война с Францией за Неаполитанское королевство требовала от казны новых и новых расходов. Приходилось завидовать соседней Португалии, для которой колонии стали источником

богатств, о чем говорило успешное возвращение в Европу Васко да Гама в том же 1499 г.

На Эспаньоле адмирал нашел полуразвалившуюся администрацию, во главе которой он в свое время поставил своего брата Бартоломео. Эта администрация не могла нормально функционировать, поскольку большинство испанцев составляли больные и изголодавшиеся люди. Когда Колумб писал в 1499–1500 гг., что колонисты его «предали» и начали с ним «войну», то в действительности речь шла о неподчинении тех, кто желал вести хозяйство, в том числе добывать золото, без административного контроля. Прочие на все махнули рукой и думали лишь о том, как бы скорее выбраться в Европу.^[48]

Камнем преткновения между колонистами и администрацией были все то же золото и строительные работы. Колонисты отказывались сооружать казенные дома и т. д. за плату, обещанную в Испании, но никогда не выдававшуюся. Куда легче было создать собственные хозяйства и заставить работать на себя индейцев. Что касается золота, то оно добывалось индейцами под надзором колонистов, а те должны были его сдавать властям, что они делали, как нетрудно понять, с большой неохотой. Бартоломео Колумб, как и сам адмирал, настаивал на регистрации добычи, тем более что по старинным испанским правилам треть доходов от горных разработок причиталась наместнику короля, т. е. тому же адмиралу.

---

⁴⁸ [Colombo Cr] Da una lettera ai re cattolici (Maggio 1499). — Raccolta di documenti e studi... Roma, 1894. Pt. I. Vol. II. P. 54; Idem. Lettera all'aia del principe don Giovanni (Fine del 1500). — Ibid. P. 67.

Во главе колонистов, вступивших в конфликт с Бартоломео Колумбом, оказался Ф. Ролдан, который на острове исполнял обязанности судьи. Группа колонистов под его началом, человек 60–70, отказалась что-либо платить Бартоломео Колумбу и потребовала, чтобы ей предоставили — надо думать, для возвращения в Испанию — единственный корабль, оказавшийся у берегов Эспаньолы-Бартоломео Колумб, желая показать, что не пойдет на уступки, велел завести корабль на сушу, после чего Ролдан и его друзья провозгласили «поход» на Новую Изабеллу (с 1499 г. — Санто-Доминго), как была названа столица колонии, перенесенная на юг острова. Чтобы подтвердить серьезность своих намерений, бунтари объявили, что у них припасена веревка, на которой будет повешен Бартоломео Колумб.

В Новой Изабелле, в то время как Бартоломео Колумб находился в отлучке, был учинен погром. Сторонники Ролдана разграбили склады, захватили там оружие, перебили и частично угнали скот. В дальнейшем они заявили, что им незачем возвращаться в Испанию, что они намерены поселиться на юго-западе острова, в Харагуа, поскольку это — самая плодородная часть Эспаньолы, «где женщины особенно хороши и более сговорчивы».

Адмирал, вернувшись на Эспаньолу, не стал трогать бунтарей. У него не было сил с ними бороться и не было уверенности, что в Испании одобряют такие действия. В мае 1499 г. он сообщил католическим королям, что многие колонисты во главе с Ролданом ему не подчиняются. Этих колонистов было уже за сотню, так как к Ролдану присоединилась часть экипажей с кораблей, прибывших на остров еще до Колумба с продовольственными грузами. Корабли пристали к

Эспаньоле в районе Харагуа, и Ролдан убедил тех, кто хотел остаться на острове, что им нет смысла жить близ Санто-Доминго и платить подати адмиралу.

Майское письмо Колумба — вынужденное признание неблагоприятного положения — ничего не изменило. Еще до его отправки Фердинанд и Изабелла склонялись к мысли послать на Эспаньолу «судьей и губернатором» Ф. Бобадилью — командора ордена Аль-кантара, входившего в королевскую свиту. Была составлена инструкция, по которой командору предписывалось разобраться в обстановке на острове и в случае значительных административных упущений со стороны адмирала — отстранить его от дел и взять власть в собственные руки. Не получая доходов от Эспаньолы, католические короли были готовы отказаться от административного регулирования добычи золота, раздать колонистам земли вместе с прикрепленными к ним индейцами, превратить остров в плантационную колонию наподобие Канар, Мадейры и т. д. Для создания такой колонии не было нужды в Колумбе с его морским опытом, не требовались большие расходы, тем более что, отстраняя адмирала, можно было лишить его обременительных для казны привилегий.

Отъезд Бобадильи на Эспаньолу откладывался более года, возможно, в ожидании того, что положение изменится, что из колонии Начнут поступать доходы, а не только жалобы колонистов и обещания адмирала обеспечить лучшее будущее. Никакого золота Колумб в Испанию не отправлял (позднее он писал, что собирался сразу отправить большую партию), и Бобадилья, наконец, выехал на Эспаньолу, куда прибыл в августе 1500 г.

Незадолго до его приезда на острове разыгралась драма, в которой Колумб сыграл не лучшую роль. Адмирал поддержал Ролдана, когда тот арестовал одного из своих сподвижников, к которому сбежала от Ролдана наложница-индианка. Друг арестованного, А. де Моксико, возмущенный вмешательством адмирала, имел неосторожность заявить в своем окружении, что убьет Колумба. По доносу, переданному властям, Моксико был схвачен и приговорен к смерти. Стражники расправились с ним, сбросив его со стены крепости в Санто-Доминго (Колумб отрицал причастность к гибели Моксико и писал, что собирался отправить его в Испанию).

С точки зрения гуманности, которую отстаивал в своих сочинениях Лас Касас, адмирала следовало сурово осудить. Но о какой гуманности могла быть речь на Эспаньоле? Для Колумба, установившего там волею Испании колониальный режим, подобные действия в правовом отношении были оправданы. Индейцы, в том числе женщина, сбежавшая от Ролдана, рассматривались как язычники, прикрепленные к испанцам, а Моксико, грозивший убить вице-короля, лицо неприкосновенное, заслуживал смертной казни.

За одной смертью последовали другие. Когда Бобадилья сошел в Санто-Доминго на берег, первое, что ему бросилось в глаза, были виселицы с двумя казненными испанцами. В местной тюрьме он обнаружил группу заключенных, часть которых ожидала та же участь.

Бобадилья освободил заключенных, после чего, не дожидаясь объяснений, арестовал Колумба вместе с его двумя братьями и надел на них кандалы. Колонистам было объявлено от имени католических королей, что на

острове на 20 лет отменяются сборы с золотодобычи и вообще все налоги, что земли Эспаньолы будут им розданы (надо полагать вместе с индейцами) за незначительную плату. Золото, хранившееся у Колумба, было изъято Бобадильей без инвентаризации, что позднее позволило адмиралу говорить о расхищении его собственности и королевского имущества. Сам Колумб и его братья в начале сентября 1500 г. были посажены на корабль и отправлены в метрополию.

* * *

На пути из Эспаньолы в Европу капитан корабля предложил адмиралу его расковать, но он отказался. Скорее всего, Колумб считал, что несправедливость, проявленная по отношению к нему, должна быть наглядной для всех, кто его встретит в Европе.

<http://kino.tr200.net> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать

Ни документов, ни воспоминаний очевидцев об этой встрече не сохранилось, как не сохранилось документов с обвинениями, выдвинутыми Бобадильей. Из исторических сочинений известно, что Колумб высадился в Кадисе между 20 и 25 октября 1500 г., что из Кадиса он направился (или был направлен) в один из монастырей Севильи. Он оставался в кандалах по меньшей мере до конца декабря, когда пришел приказ о его освобождении. Тогда же, по-видимому, адмиралу выдали 2 тыс. дукатов. Деньги были необходимы, так как адмирал вернулся из Америки без золота, изъятого Бобадильей. Не будь королевских дукатов, Колумбу не на что было бы добраться до двора. Аудиенция была дана адмиралу в королевском дворце в Гранаде. Там, пишет

историк XVI в. Г.Ф. де Овиедо, адмирал «целовал руки королю и королеве и со слезами приносил самые глубокие извинения. Его выслушали, с большим милосердием утешили, произнесли слова, которые его несколько обрадовали.^[49]

Вряд ли адмирал, человек трезвого ума, стал искать во встрече с Фердинандом и Изабеллой возможность для длительных оправданий и обличения Бобадильи. Он это сделал заранее, еще на пути с Эспаньолы в Испанию, как видно из сохранившегося письма Колумба к влиятельной особе — кормилице инфанта Хуана. В Гранаде было уместнее, избегая многословия, всем видом показать, что вознаграждением за верную службу стали оковы. Скорее всего, так и было, а потому можно принять утверждение Овиедо, что католические короли смилостивились, объявили адмиралу о возвращении ему чинов и званий (не касаясь его имущества, оставшегося в Новом Свете).

Как всегда, открытия в Америке занимали Фердинанда и Изабеллу намного меньше, чем другие дела, такие, как войны в Европе, дипломатические переговоры о бракосочетании младшей, еще не пристроенной дочери, Екатерины Арагонской. Готовясь к грядущим столкновениям, Испания была готова заполучить в союзники Англию. Екатерину выдали в 1501 г. за наследника Тюдоров, принца Артура, а когда тот через несколько месяцев умер, она вышла за его брата, Генриха VIII, английского Ивана Грозного. С Францией удалось договориться о разделе Неаполитанского королевства. Но, вмешавшись в итальянские дела, Испании пришлось во второй половине

---

⁴⁹ Oviedo y Valdes G.F.de. Historia general y natural de las Indias. T. I. Asuncion del Paraguay, [194-]. P. 141.

1500 г. поддерживать Венецию против турок. Разумеется, в казне не хватало денег на Дальние странствия в Новом Свете.

Адмирал все это время оставался в Гранаде. Познакомившись с ним, секретарь венецианской миссии в Испании писал в августе 1501 г.: «Ныне Колумбу не везет, он не в чести у королей и впал в безденежье».^[50] Выбраться из этого положения вряд ли было можно, выступая как вечный проситель и претендент на управление Эспаньолой, как лицо, требующее исполнения обещаний, восстановления в правах и т. п. Скорее всего, католические короли должны были вспомнить о нем как о талантливом капитане, способном к новым открытиям. И, конечно, благочестивая Изабелла могла оценить его постоянные ссылки на божественный промысел.

В сентябре 1501 г. Колумб отправил католическим королям подборку текстов под названием «Книга предсказаний». Судя по сохранившейся копии, в которой часть страниц утеряна, сборник включал, прежде всего, изречения из Библии, предсказывавшие открытие новых стран, напоминавшие о близости судного дня и о греховности всего земного. Тут же были богоугодные стихи Колумба, его рассуждения о собственной роли как исполнителя божественных предначертаний. «Когда я отправился в Индию, мне не пошли впрок ни здравый смысл, ни математика, ни карта мира. Полностью сбылись слова Исаяи...». Ведь пророк говорил, что Господь «соберет изгнанников Израиля, и рассеянных

иудеев созовет от четырех концов земли».^[51] Небо вняло молитвам адмирала, который желал обогатить Испанию, чтобы та была в состоянии отвоевать Гроб Господень. Теперь нужна была еще одна экспедиция в Святую землю через открытые за океаном страны. Там или где-то рядом были Офир и копи царя Соломона. Колумбу предстояло завершить начатое дело к вящей славе Испании и всего христианства.

Адмирал не ошибся в своих предположениях. В конце сентября 1501 г. Фердинанд и Изабелла распорядились о выплате причитавшихся ему доходов от Вест-Индии (без права гарантированного участия в торговле), а заодно — о возврате имущества, конфискованного Бобадильей. Вскоре были приняты решения об отправке в Америку экспедиций Н. де Овандо, нового губернатора Эспаньолы, и Колумба. Расходы на них были несоизмеримы. Овандо, увезший в Новый Свет в феврале 1502 г. более 2 тыс. солдат и колонистов, имел три десятка кораблей. Колумбу, отправившемуся в путь в мае того же года, дали всего четыре каравеллы и полторы сотни членов экипажа. Инструкция, врученная адмиралу, предписывала «открыть острова и материк», лежащие «в наших владениях». Как всегда, католические короли считали своими земли, о которых заведомо ни им, ни Колумбу ничего не было известно. Адмиралу следовало дать описание открытых стран, приобрести драгоценности и пряности. Он мог посетить Эспаньолу, но лишь при крайней необходимости.

---

⁵¹ Исая. 11, 11–12.

Переход через Атлантический океан прошел благополучно, и адмирал встал на рейде Санто-Доминго 23 июня 1502 г., через полтора месяца после отплытия из Кадиса. Колумб прихварывал, его зрение слабело; говорили, что судовой журнал за него вел тринадцатилетний сын Фернандо. Но адмирал не терял контроля над флотилией. На рейде в Санто-Доминго он, по-видимому, оказался единственным моряком, способным оценить навигационную обстановку. Его встревожило обилие дельфинов, изменившийся характер приливов, облачности и волн, набегавших с юго-востока. Адмирал посчитал, что признаков близкого урагана достаточно, чтобы предупредить о них местные власти. На берег был отправлен один из капитанов, с тем чтобы сообщить Овандо о наблюдениях адмирала, а заодно попросить разрешения для флотилии укрыться от бури в Санто-Доминго.

Письмо Колумба в присутствии его представителя губернатор Овандо зачитал приближенным, в том числе, надо думать, капитанам, закончившим приготовления к отплытию в Испанию. Послышались насмешки в адрес «предсказателя», возможно, от тех, кто слышал о «Книге предсказаний». В стоянке адмиралу было отказано, после чего он велел своим кораблям немедленно сняться с якорей и уйти как можно дальше на запад. Необходимо было выбраться из полосы близящегося урагана или по крайней мере оказаться на кромке этой полосы. Буря неизбежно должна была разбросать корабли, а потому было назначено место новой встречи: залив Окоа, к западу от Санто-Доминго.

Нежелание прислушаться к советам адмирала обернулось катастрофой для испанского флота, который покинул Санто-Доминго вскоре после Колумба. Ураган

свирепствовал несколько дней, и из эскадры, насчитывавшей три десятка кораблей, 25 погибли. Среди пятисот моряков и пассажиров, жертв катастрофы, были командор Бобадилья и судья Ролдан. На дне Карибского моря оказались золотые слитки, оцененные в 120 тыс. дукатов, т. е. весившие более 4 ц. Несколько полуразбитых кораблей, потерявших управление, с трудом вернулись в Санто-Доминго, и лишь один корабль достиг Испании. Как раз на нем находилось личное имущество Колумба, в том числе золото, которое позднее позволило адмиралу безбедно окончить свои дни в Европе.^[52]

Корабли Колумба были потрепаны бурей, у одного из них унесло за борт шлюпку, но люди были целы. Адмирал дал экипажам время на починку снастей и на отдых, а затем, пользуясь пассатом и восточным течением, покинул Гаити. Вскоре он был в виду Северной Ямайки, откуда направился к островам близ южного берега Кубы.

27 июля 1502 г. флотилия взяла курс на юго-запад и за три дня достигла современного Гондураса. Вновь, как четыре года назад, Колумб вышел к берегам американского материка, на этот раз — в его центральной части.

Берег, уходивший на запад, был прикрыт с моря о-вами Баия. Он представлял собой неширокую низменность с вечнозеленым тропическим лесом, а далее простирались гряды гор в тысячу и более метров высоты. Колумб стоял у входа в Гондурасский залив, вдававшийся

---

⁵² Lollis C.de. Scritti di Cristoforo Colombo. — Raccolta di documenti e studi... Pt. I. Vol. II. P. CXV11.

на 150 миль в материк; в глубине залива начинались пути в края, населенные майя. Адмирал этого не знал, как не знал и того, что он находился примерно в 200 милях от Копана — одного из центров многовековой цивилизации майя с ее каменными пирамидами, храмами, стадионами, украшенными цветной керамикой и скульптурой. Далее на север и северо-запад, на п-ове Юкатан, располагались основные поселения майя. Их возглавляли воины-аристократы и жрецы, которые владели искусством иероглифического письма, составляли календарь, основанный на астрономических и математических подсчетах, приносили человеческие жертвы.

У о. Бонакка (Гуанаха на современных картах), крайнего со стороны моря в группе о-вов Баия, решалась судьба последнего из четырех путешествий Колумба в Новом Свете. Адмирал мог пойти в любом направлении, например на север, хотя бы до широты Кубы, если бы он желал доказать свое утверждение, сделанное в 1494 г., что Куба — часть Азии. Он мог пойти на запад, в глубь Гондурасского залива, если бы искал проход в Индию. Но обследование северо-западной части Карибского моря, по-видимому, представлялось Колумбу наименее перспективным. Он никогда не слышал от индейцев, что следовало искать золото к западу от Кубы, тогда как на юго-западные берега Карибского моря ему указывали в свое время жители устья Ориноко.

Войдя в Гондурасский залив, адмирал обнаружил бы, что берег поворачивает на север, к Юкатану, где в дальнейшем испанцы натолкнулись на решительное сопротивление майя. Через несколько лет после путешествия Колумба, в 1511 г., туда попала группа потерпевших кораблекрушение испанцев, и те из них, кто

оказался в руках майя, были принесены в жертву богам. Судя по старинным описаниям, подобные жертвы в ходе религиозных процессий осыпались цветами, вокруг них совершались ритуальные танцы. Куски их расчлененных тел поедались, как благословенная пища. Человеческие жертвоприношения должны были умиловать богов, так же как членовредительство, принесение в жертву собственной плоти и крови. У майя оно напоминало обряды, принятые в древности семитами Ближнего Востока.^[53]

Адмирал выбрал курс на восток, а затем — на юго-восток. Таким образом, он ограничивал сферу своих исследований берегами Карибского моря к юго-западу от Гаити. Следуя этим курсом, Колумб мог узнать, не связаны ли в единый массив только что открытые территории с теми, где он побывал в 1498 г. Одним словом, выбор пути, сделанный Колумбом, объяснял цель его путешествия. Поиску далеких земель на западе он предпочитал открытие более доступных (и предположительно богатых золотом) земель в относительной близости от Гаити. Новые земли могли бы не рассматриваться как часть единой вест-индской колонии Испании. Они могли бы стать особым владением, а Колумб — их губернатором в силу своих старых хартий. Таким образом, адмирал был способен в новых условиях восстановить свое положение вице-короля и т. д., утраченное на Гаити.

С середины августа 1502 г. флотилия медленно шла вдоль побережья, борясь с бурями, которые здесь нередко бушуют с июня по сентябрь. В непогоду на

---

⁵³ Рус А. Народ майя. М., 1986. С. 53; Babelon J. Mayas d'hier et d'au-jourd'hui. Paris, 1967. P. 123–140.

800-мильном пути до залива Дарьей, где начинается Южная Америка, не раз рвались снасти и паруса, корабельный червь разъедал днища. Погода улучшилась, когда прошли Кабо-Грасьяс-а-Дьос — мыс Благословения Господня, крайнюю точку современного Гондураса. На стоянках вели обмен с прибрежными селениями (с помощью переводчика, которого захватили у о. Бонакка), спускались на берег для охоты. В заболоченных низинах, подходивших к морю, росли вечнозеленые кустарники, древовидные папоротники, орхидеи. Здесь водились тапиры и броненосцы, пестрые колибри и золотисто-зеленая кетцаль — птица, служившая эмблемой индийских племен, а ныне украшающая герб Гватемалы.

<http://film.tr200.net> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать

Путешествие у западных берегов Карибского моря длилось с перерывами девять месяцев. У индейцев удалось приобрести немало золота, особенно в области Верагуа (современная Панама). Индейцы рассказывали, что в глубинных районах лежал Сигуаре — край, особо богатый золотом, где были лошади (надо думать, ламы), а население жило в хороших домах, носило дорогие одежды, торговало на ярмарках. Сигуаре, расположенный на острове, занимал по отношению к Верагуа такое же географическое положение, как в Европе Пиза по отношению к Венеции, т. е. от Верагуа к Сигуаре тянулся какой-то перешеек. Так выглядели в передаче испанских Моряков географические представления прибрежных индейцев о Центральной Америке, об их собственной стране и об областях Расселения майя, ацтеков, инков.

Пройдя большую часть пути по направлению к Южной Америке, флотилия в январе 1503 г. в заливе Москитос была вынуждена из-за непогоды прекратить дальнейшее продвижение и искать стоянку. Эта стоянка, вопреки желанию испанцев, оказалась необычно долгой. Дело в том, что корабли укрылись, войдя в устье реки Белец (Вифлеем), когда уровень воды в ней был высок из-за проливных дождей. После того как паводок спал, отмели близ устья реки оказались непроходимыми для кораблей. Колумбу и его людям, запертым в нижнем течении Белена, пришлось три месяца ждать нового паводка, открывшего выход в море.

Своих припасов у испанцев, застрявших на реке, не хватало, и экспедиция жила главным образом за счет соседей-индейцев. Вначале отношения с ними были мирными, но вскоре поставки продовольствия стали индейцам в тягость. К тому же испанские моряки вели себя здесь, как в покоренной стране, захватывали все, что желали, насильничали. Колумбу, казалось, удалось взять верх, когда при удачном набеге испанцы захватили местного кацика и его семью. Но кацик ночью сумел бежать с испанского корабля, а те из его семьи, кому это не удалось, повесились в трюме на балках. Все это случилось в первой половине апреля 1503 г., когда мели у устья Белен стали постепенно проходимыми. 16 апреля три корабля уже были в открытом море, а четвертый решено было покинуть. Одна из испанских лодок, подвозившая на корабли пресную воду, подверглась яростному нападению, ее команда из десяти человек погибла.^[54]

---

⁵⁴ [Anghiera] Peter Martyr. De Orbe Novo. — Raccolta di documenti e studi... Pt. I. Vol. II. P. 206–211.

Каравеллы, источенные корабельным червем, текли все сильнее, моряки то и дело брались за насосы. Одну из каравелл, только что вырвавшуюся из Белена, пришлось бросить как наиболее поврежденную. Колумб мог очистить днища в Белене или еще раньше, вытащив корабли на берег. Он этого не сделал, по-видимому, опасаясь нападения индейцев. Теперь следовало, пока корабли держались на плаву, как можно скорее возвращаться на Эспаньолу, находившуюся в 600 милях от Панамского перешейка. Но идти туда по прямой ввиду встречных ветров было очень трудно, и адмирал предпочитал держать курс на восток, вдоль берега, чтобы в дальнейшем повернуть на север, выйти на широту Гаити.

Экспедиция продвигалась на восток в течение двух недель, до 1 мая 1503 г., когда за заливом Сан-Блас обозначился поворот берега к юго-востоку. Вопреки желанию Колумба, команды кораблей настояли на прекращении прибрежного плавания, которое удлиняло маршрут и мешало скорейшему возвращению. Адмирал, измученный подагрой и малярией, не стал долго спорить с командами, поддержанными капитанами и кормчими. Корабли двинулись на север от Панамского перешейка, к Кубе, где моряки рассчитывали найти ветры, позволяющие скорее добраться до Эспаньолы.

Навигационная обстановка у островов близ южного берега Кубы, куда экспедиция вышла через 12 дней, была еще хуже, чем у Панамского перешейка. Более месяца корабли пытались продвинуться на восток вопреки непогоде, неблагоприятным ветрам и течениям. Судя по письму Колумба, отправленному в июле 1503 г. католическим королям с Ямайки, плыть в этих условиях до Эспаньолы было невозможно. Приходилось ждать

перемены ветра, а тем временем вода сочилась в трюмы, как сквозь сито. В конце концов аварийное состояние кораблей вынудило прекратить попытки продвинуться на восток. Было решено покинуть безлюдные острова, прикрывающие южную часть Кубы, где не было хороших стоянок, и идти возможно скорее к Ямайке. Там берега были сравнительно густо заселены, и до Эспаньолы было немногим более сотни миль, если считать от крайней восточной точки острова.

В конце июня корабли достигли Ямайки и вошли в бухту Санта-Глория, ныне Сент-Анс-Бей. В трюмах вода поднималась до палуб, каравеллы стали плотами с глубоко затопленной подводной частью. Вытащенные на берег, они годились под жилье, но их днища были в таком состоянии, что о починке не было речи. Ближайшее индейское племя в обмен на безделушки согласилось временно кормить экспедицию, и теперь главной задачей Колумба было связаться с Эспаньолой, сообщить, что более сотни испанцев находятся неподалеку, на Ямайке, в положении потерпевших кораблекрушение.

Судя по дате на письме Колумба католическим королям — 7 июля 1503 г., — адмирал попытался установить связь с Эспаньолой недели через две после прибытия в Санта-Глорию. Но первая попытка кончилась неудачей. Гонца Колумба, Д. Мендеса, на Восточной Ямайке перехватили враждебно настроенные индейцы, и он лишь с трудом смог от них вырваться. Следующая попытка оказалась успешной. К восточной оконечности Ямайки под охраной доставили две пироги, куда сели 20 индейских гребцов, дюжина испанских Моряков и два руководителя экспедиции, Мендес и Б. Фиешо. За три дня обе пироги смогли пройти около 80 миль на восток до

острова Навасса, лежащего в Наветренном проливе, между Ямайкой и Гаити. В пути волны смыли продовольствие, кончилась вода, и один из индейских гребцов умер от жажды и зноя. На Навассе, где в расщелинах скал нашли воду, несколько индейцев опились до смерти. От Навассы до Гаити оставшиеся 30 миль прошли всего за одни сутки. На гаитянском берегу местные индейцы накормили путешественников, дали им отдохнуть и через несколько дней помогли на пирогах добраться до ближайшего испанского поста.

Казалось бы, прибытие Мендеса и Фиеша на Эспаньолу должно было положить конец злоключениям Колумба и его спутников. Но все оказалось не так просто. Губернатор Овандо, когда к нему явился Мендес, не стал никого отправлять на Ямайку, ссылаясь на то, что ему самому не хватало кораблей для снабжения Эспаньолы. Не исключено, что Овандо видел в Колумбе претендента на свое место, а потому оттягивал его возвращение из далекой экспедиции. Мендес, оказавшись не у дел, более полугода сопровождал в походах губернатора, который за это время, по словам посланца Колумба, «сжег и повесил восемьдесят четыре кацика» (Лас Касас округлил это число до 80, а другой историк XVI в., Ф.Л. де Гомара, сократил его до 40).^[55] Только в начале 1504 г., когда на Эспаньолу пришли из Европы три корабля, Мендесу разрешили зафрахтовать один из них. В ожидании этого корабля адмирал и его спутники провели на Ямайке целый год.

---

⁵⁵ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 442; Las Casas B.de. Historia de las Indias. Mexico, 1951. T. II. P. 29; Gomara F.L.de. Historia general de las Indias. Madrid 1922. T. I. P. 75.

Долгое время Колумб не знал, добрались ли до Эспаньолы Мендес и Фиеша. Не дожидаясь вестей от них, в январе 1504 г. почти половина участников экспедиции отказалась повиноваться адмиралу и попыталась без его ведома уехать на Эспаньолу. У восточной оконечности Ямайки бунтари насильно посадили в пироги индейских гребцов, но далеко отплыть не смогли ввиду встречного ветра и вынуждены были вернуться.

Разлад между участниками экспедиции назревал давно, его причиной было, прежде всего, найденное на Панамском перешейке золото. Спутники Колумба были недовольны королевской инструкцией, которая им возбраняла самостоятельно заниматься торговлей, требовала сдавать адмиралу драгоценности, вымененные у индейцев. Такие же инструкции были у других экспедиций, но кое-кто из их руководителей, в отличие от Колумба, смотрел сквозь пальцы на нарушения. Кроме того, адмирал, действуя в духе времени (и, скорее всего, по договоренности с католическими королями), запрещал морякам составлять географические карты новых земель, а те, что были составлены, отобрал. Тем самым Колумб к неудовольствию моряков ограничивал их возможности когда-нибудь заняться поисками золота в Новом Свете.

На психологической обстановке экспедиции сказалось ухудшившееся здоровье адмирала. Его работоспособность упала, в частности из-за приступов лихорадки, он был зачастую вынужден перекладывать руководство всеми делами на капитанов и маэстрес. Так, в апреле 1503 г., когда экспедиция с трудом выбиралась из устья Зелена, Колумб, судя по его июльскому письму католическим королям, мог лишь молиться о спасении экспедиции и подыскивать соответствующие места из Библии. Это письмо напоминало другие письма: сыну

Диего после прибытия в Испанию. Их общий жалобный тон, постоянные сетования на здоровье и тяжкие обстоятельства выглядели контрастом с письмами, дневниками и отчетами предыдущих лет, наполненными сведениями об открытиях, оптимистическими проектами колонизации.

Если адмирал все видел в мрачных тонах, то что можно было сказать о большинстве матросов, простых крестьянах, выходцах из городской черни, подчас бывших заключенных? Среди них трудно было поддерживать дисциплину после кораблекрушения на диких берегах Ямайки. Авторитет адмирала теперь сохранялся больше всего за счет преданности его окружения — брата, сына, нескольких моряков, участвовавших в предыдущих экспедициях, — за счет его знания людских характеров.^[56]

В начале 1504 г. экспедиция голодала. Ее участники не стали заниматься посадками продовольственных культур, опрометчиво полагая, что отъезд на Эспаньолу — не за горами, что продукты все время можно будет выменивать у индейцев на безделушки. Когда выяснилось, что это не так, что спрос на безделушки стал равен нулю, было уже не до посадок. Экспедицию выручил адмирал, прибегнув к старинному средству, способному смутить простодушных индейцев. По календарям он знал, что 29 февраля 1504 г. будет лунное затмение, о чем объявил индейским кацикам как о знамении небес, недовольных плохим снабжением испанцев. Когда затмение началось, пораженным индейцам сообщили, что Колумб молится об их спасении,

---

⁵⁶ Las Casas B.de. Op. cit. P. 77–82.

которое будет даровано, если они возобновят поставки продовольствия. Казики на все соглашались, и впредь продовольственных проблем у испанцев не было.^[57]

В марте 1504 г. наконец пришли вести о Мендесе и Фиеши. С Эспаньолы прибыла небольшая каравелла, посланная губернатором, чтобы выяснить, живы ли еще Колумб и его спутники. Капитан каравеллы отказался взять кого-либо на борт, но оставил адмиралу немного продовольствия. После ухода каравеллы отношения между сторонниками и противниками адмирала еще более обострились. Дело дошло до вооруженных столкновений, в ход пошли шпаги. Бунтари желали захватить вытащенные на берег корабли, где Колумб, по-видимому, хранил драгоценности, но ничего не добились. Несколько человек были ранены и убиты, адмирал распорядился взять двух зачинщиков столкновений под стражу.

Корабль, зафрахтованный Мендесом, прибыл в конце июня 1505 г. Это была разбитая, сильно протекавшая каравелла с треснувшим гротом и полуистлевшими парусами. На борт поднялись все, правые и виноватые, 100 с лишним человек. 33 моряка погибли в стычках с индейцами, вследствие болезней и несчастных случаев, происшедших на Ямайке и еще раньше.

<http://kino.tr200.biz> - Фильмы, мультфильмы, видеоролики скачать

До Санто-Доминго перегруженная каравелла добиралась полтора месяца, окончательно измучив участников экспедиции. Многие из них отказались плыть

---

⁵⁷ Oviedo y Valdes G.F.de. Op. cit. P. 157.

дальше в Европу. Возможно, для такого плавания у них не было больше сил, а, скорее всего, моряки рассчитывали, несмотря ни на что, отыскать в Новом Свете золото и вернуться в Испанию богачами. Колумб пробыл на Эспаньоле около месяца, после чего зафрахтовал другой корабль и отправился на нем через океан с двумя десятками своих моряков. В пути больной адмирал не покидал койки, но зато нашлась работа участникам его экспедиции. Корабль дважды попадал в бури, ломавшие мачты. Не известно, чем бы все кончилось без умелых спутников адмирала. Под руководством Бартоломео Колумба была поставлена запасная мачта, и через восемь недель после отплытия, 17 ноября 1504 г., корабль с одним латинским парусом вошел в порт Санлукар-де-Баррамеда, в устье Гвадалквивира.

Четвертое путешествие Колумба в Новый Свет было закончено, о новых говорить не приходилось. Адмирал вынес все невзгоды, но здоровье было разрушено, жить оставалось недолго. Золото, привезенное из-за океана, позволяло провести остаток дней безбедно, в кругу родных и близких людей. Кроме того, полагал адмирал, надо было попытаться восстановить все свои права как вице-короля, вернуть доходы от Вест-Индии. Получить их от короля Фердинанда, вечно нуждавшегося в деньгах на войны, оказалось неразрешимой задачей, а Изабелла, расположенная к Колумбу, умерла от водянки через неделю после того, как адмирал прибыл в Испанию.

В мае 1505 г. Колумб смог отправиться в Сеговию, где временно находился двор, и получить аудиенцию у Фердинанда. Она ничего не дала: король предлагал рассмотреть в арбитражном суде претензии адмирала, на что тот не соглашался. Тем не менее Колумб не терял

надежды отстаивать свои интересы, а заодно — добиться выплаты двухлетней задолженности по жалованию морякам, вернувшимся с ним из Вест-Индии. В течение года Колумб дважды переезжал вслед за двором, сначала в Саламанку, затем в Вальядолид.

Адмирал чувствовал, что слабеет. За несколько дней до смерти он успел продиктовать окончательный текст завещания, не забыв никого — ни родных, ни друзей. Он умер, как писал Фернандо Колумб, в день Вознесения, 20 мая 1506 г. в Вальядолиде. Но день Вознесения в тот год приходился на 21 мая, а какие-либо другие сведения о дате смерти отсутствуют. Смерть, казалось, была вызвана подагрическими приступами, которые поминал Лас Касас. В XX в. было высказано и иное мнение. Доктор А. Кастильони, преподаватель истории медицины в Падуе, ознакомившись с текстами Лас Касаса и Фернандо Колумба, как врач предположительно диагностировал острое поражение нервных центров, не исключая в качестве причины отравление организма.^[58]

Так же как нельзя точно установить причину и дату смерти, нельзя установить и местонахождение могилы великого адмирала. Ее переносили из Испании в Вест-Индию — на Гаити, потом на Кубу — и вновь в Испанию. Судя по некоторым сведениям, перезахоронения кончились тем, что прах был утерян. Два кафедральных собора — в испанской Севилье и в гаитянском Санто-Доминго — претендовали на то, что именно они хранили останки адмирала. В 1992 г. гаитянцы перенесли предполагаемый прах Колумба на маяк вблизи своей столицы.

---

⁵⁸ Colombo F. Op. cit. P. 14.

* * *

Оценки путешествий Колумба были разными. Были попытки поставить под сомнение роль адмирала и его подвигов, приоритет его открытий и осмысление им собственных экспедиций. Ведь верно, что за 500 лет до Колумба к берегам Северной Америки как-то подплыл один из предводителей норманнов, о чем повествуют исландские саги. Так же верно, что в 1492 г. Колумб открыл Багамские и Большие Антильские острова, а собственно континента достиг лишь через шесть лет, во время третьей экспедиции. Годом раньше Дж. Кабот, соотечественник Колумба на английской службе, доплыл, по-видимому, до Лабрадора или до п-ова Новая Шотландия (восточная часть Канады). После смерти адмирала немецкий картограф М. Вальдземюллер первым назвал новые земли Америкой (1507). Он исходил из того, что флорентиец Америго Веспуччи, известный в Европе описаниями своих путешествий за океан, рассматривал эти земли как ранее неизвестную часть света. Слово «Америка» Прижилось везде, в том числе в Испании; М. Сервантес употреблял его в первой части «Дон Кихота» (1603).

Все это так, и тем не менее реальная ценность открытий Колумба была несравненно выше того, что открыли другие. Экспедиции Колумба имели практическое значение, так как вместе с ними началась европейская колонизация. А путешествия норманнов и Кабота стали историческими эпизодами, за которыми не последовало освоения новых земель. К тому же путешествие Кабота было совершено, когда Европа уже знала, благодаря Колумбу, что за океаном лежат

населенные территории, когда страх перед неизвестностью был рассеян.

В результате путешествий Колумба на глазах европейцев мир раздвинул свои пределы, стал шире и разнообразнее. А. Гумбольдт, желая объяснить новизну того, что обрело человечество, писал, что равным этому могло быть лишь открытие невидимой с Земли обратной стороны Луны.^[59] Последствия открытия Нового Света были различными по значимости; их можно поделить на ближайшие и отдаленные, влиявшие непосредственно на страны Пиренейского полуострова и Америку, косвенно — на весь мир. Эти последствия сказались в экономике, политике, социальных отношениях.

Очевидно значение экспедиций Колумба для естественных наук, прежде всего для географии. На карте мира появился Новый Свет; пусть даже это были его восточные границы: Вест-Индия, часть берегов Южной и Центральной Америки. Появились перспективы дальнейших открытий на севере, юге и западе от новых испанских владений. Рухнули допотопные представления о том, что за океаном — конец света, что большую часть Земли составляет суша и т. д. Обогатились и другие естественные науки за счет открытий, касавшихся животного и растительного мира (новые виды, роды, семьи). На технические науки открытия Колумба влияли косвенно, более всего через развитие мировой экономики, чему способствовали те же открытия. В частности, получило мощный толчок судостроение. В результате расширилось производство, требовавшее

---

⁵⁹ Humboldt A.von. Op. cit. Paris, 1836. Т. 1. P. IX.

прикладных и теоретических знаний, новой техники, новых навигационных инструментов и проч.

Если верно, что после 1492 г. мир стал шире и разнообразнее, то также верно, что этот мир оказался разделенным на господствующие и подчиненные нации. К тому же для Нового Света колонизация была ударом, который смогли выдержать далеко не все местные народы. Вторжение европейцев сокрушило некогда могущественные государства, изменило демографическую карту Америки в пользу белых хозяев. Широкие контакты Европы с Америкой привели к тому, что жители ряда территорий вымерли от ранее неизвестных болезней, полурабского труда или были физически истреблены. Вскоре после смерти Колумба начался ввоз африканских рабов. В результате население Вест-Индии, как и отдельных районов континентальной Америки, стало преимущественно чернокожим.

Испания создавала колонии во многом по собственному подобию. Во главе их стояли вице-короли со своей свитой. Аудиенсии — центральные судебные органы, превращавшиеся в административные, — были в руках высокопоставленных чиновников. Ниже стояли коррехидоры («исправники»), городские муниципалитеты и т. д. Крупные поместья с прикрепленными к ним индейцами или черными рабами принадлежали полунезависимым властительным сеньорам и монастырям.

После смерти Х. Колумба его сын Диего стал одним из грандов Испании, получив назначение на пост губернатора Эспаньолы. Но Фердинанд не собирался передавать семье Колумба ряд прав покойного адмирала. По-видимому, без особой надежды на успех, Д. Колумб

подал документы в прокуратуру. Началось следствие, был вызван ряд свидетелей, в том числе стариков — спутников адмирала, с тем чтобы установить, насколько были оправданы притязания его наследника.

Следствие тянулось с перерывами много лет. Оно раскрыло детали путешествий Колумба, но дону Диего мало что дало. Свидетели-моряки говорили разное, чаще всего то, что надо было говорить властям и хозяевам — судовладельцам Пинсонам. Они показали, что адмирал не был первым, кто 12 октября 1492 г. увидел землю, что маршрут эскадры менялся по настоянию старшего Пинсона, что адмирал был излишне строг и т. д. Дон Диего задавал вопросы, больше невпопад. Правда, при повторном опросе свидетелей он сделал заявление, которое помогло осветить суть дела. Я утверждаю, сказал он, что адмирал учил всех своих спутников морскому делу, и все открытия, сделанные без него, совершили те, кто в свое время был под его командой.

Обстановка следствия оставалась той же, но все-таки что-то изменилось. Моряки, которым полагалось отвечать на заявления дона Диего, были кратки, и главное — они говорили не то, что было сказано раньше. Казалось, моряков подменили. А, может быть, стало трудно отвечать дону Диего? Он был, как рассказывают, вылитый отец: тот же рост, те же широкие скулы. Вот протокольная запись ответов на заявление дона Диего:

«Алонсо Санчес де Карвахаль. Знает, что это так.

Родриго де Эскобар. Слышал, как это говорили Лепе (открывший часть побережья Бразилии. — В.С.), Висенте Яньес (Пинсон. — В.С.) и Охеда...

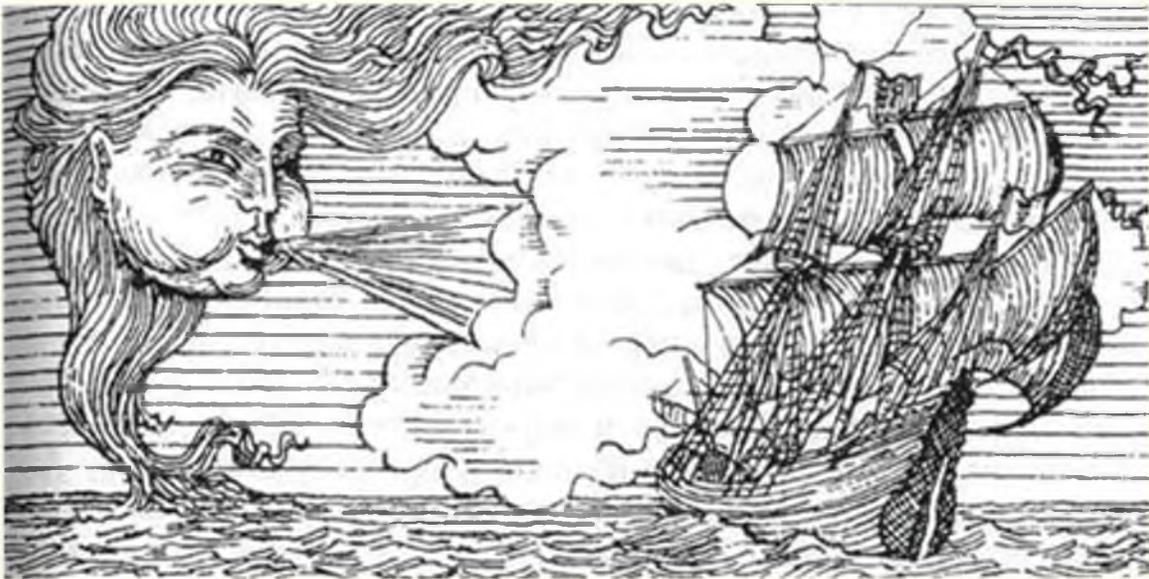
Франциско де Моралес. Видел морскую карту, которую адмирал составил в районе Парии, и полагает, что все шли по ней». ^[60]

Моряки помнили адмирала, и без конца оговаривать его значило обкрадывать самих себя. Подвиги Колумба были их подвигами. 20 лет назад этот седой адмирал в бурой рясе отдал команду: курс на запад, в открытый океан. Он ушел на трех кораблях туда, где никто не бывал. Он провел их сквозь бури, открыл то, что не видывал Старый Свет. На них, спутниках адмирала, лежал отблеск его славы. А он был зачинателем, предводителем, ответчиком за все, что совершил.

Васко да Гама

---

⁶⁰ Navarrete M.F.de. Op. cit. Buenos Aires, 1945. T. III. P. 570.

Васко да Гама родился в Синише, приморском поселке в сотне километров от Лиссабона. Поселок

входил в область Алентежу, расположенную к югу от р. Тежу (Тахо), которая пересекает Центральную Португалию. Атлантическое побережье на западе Алентежу слабо расчленено и не дает особых возможностей для создания портов. Синиш был лишь рыбацким городком, принадлежавшим рыцарскому ордену Сантьягу, одному из наиболее влиятельных в Португалии.

За Сিনিшем на 12–15 км простиралась песчаная местность, кое-где покрытая кустарником, а далее шли невысокие бесплодные холмы. Алентежу, иссушенный солнцем край (ныне — житница Португалии благодаря орошению), был во времена Васко да Гамы беден и слабо использовался в сельском хозяйстве, так же как до этого, когда здесь хозяевами были арабы (мавры). Но арабов давно изгнали из Алентежу и крайнего Юга — области Алгарви. Память о кровопролитной реконкисте сохранялась лишь в хрониках (летописях), песнях и сказаниях, в убеждении, что вечные враги страны — мавры. С этим убеждением должен был вырасти юный Васко да Гама, появившийся на свет около 1469 г.

<http://lib.tr200.net> - Электронная библиотека

В начале XVIII в. португальский специалист по генеалогии А. де Карвалью писал, что Васко да Гаме было 28 лет, когда он впервые отправился в Индию, и, таким образом, рождение мореплавателя следовало отнести приблизительно к 1469 г. Это утверждение было поставлено под сомнение документом, опубликованным в 1829 г. испанским архивистом Наваррете. Согласно испанскому документу (письму королевы Изабеллы), в ноябре 1478 г. Васко да Гаме был разрешен проезд в Танжер через Испанию. Такое письмо могло касаться

лишь совершеннолетнего лица и, следовательно, Васко да Гама в 1478 г. было не менее 18 лет. Остается доказать, что имелся в виду знаменитый путешественник, а не его дед или кто-либо еще из родственников, поскольку известно, что было несколько человек, носивших имя и фамилию Васко да Гама.

В наши дни в Синише, центре переработки нефти, среди переплетения шоссе и труб затерялись остатки старых крепостных стен. Когда-то здесь стоял замок ордена Сантьягу (св. Якова Меченосца), а алкаидмором (комендантом) замка и всего городка был Эштеван (Стефан) да Гама, отец мореплавателя. Его род вел происхождение от простого воина на королевской службе, Алвару Аннеш да Гамы, который отличился в боях с маврами в конце реконкисты. Эштеван, помимо того, что командовал крепостью в Синише, занимал должность хранителя королевского имущества, т. е. был лицом, входившим в королевское окружение, хотя не принадлежал к высшей знати.

Эштеван был знаком с морским делом. Это следует из того, что в свое время, в правление Жуана II (1481–1495), было решено поставить под его начало экспедицию, которой предстояло участвовать в обследовании берегов Африки и искать путь в Индию. Эштеван не дожил до завершения приготовлений к экспедиции, но его причастность к далеким путешествиям, по-видимому, повлияла на решение двора со временем привлечь к одной из экспедиций других членов семьи да Гама.^[61]

---

⁶¹ Barros J.de. Decadas da India. Decada I. Lisboa, 1945. P. 130.

Васко был вторым или третьим сыном Эштевана и его жены Изабел Содрэ, дочери провинциального чиновника. В семье родились четверо сыновей и дочь.

Жить в Сিনিше и не знать моря было невозможно. Надо думать, в детстве и отрочестве Васко да Гама не раз выходил в океан, пусть ненадолго. Скорее всего ему приходилось плавать на парусниках местных рыбаков, чьи хижины тянулись вдоль побережья Алентежу. С океаном, как и Сিনিшем, Васко да Гама был связан всю жизнь. Оказавшись в милости у двора, он просил, чтобы ему дали родной поселок в управление. Получить этот пост не удалось, но мореплавателю выплачивали пенсии за счет государственных сборов в Сিনিше и Лиссабоне. Он должен был там бывать, хотя поселился около 1507 г. в Эворе, довольно далеко от океана.

Есть сведения, наводящие на мысль, что Васко да Гама, так же как его старший брат Паулу, был незаконнорожденным ребенком. Оба они в 1480 г., когда Васко достиг предположительно 11 лет, были пострижены. В католической стране стать священником, дающим обет безбрачия, значило жить без собственной семьи. Такой удел нередко ждал детей, рожденных вне брака, лишенных наследства. Правда, обряд пострижения можно было совершать трижды, и лишь последний постриг обязывал принять сан. Таким образом, окончательное решение о судьбе Васко и Паулу в 1480 г. не было принято. Как известно, оба брата со временем стали моряками. Они могли даже выиграть от намерения отца отдать их в священники. Будущим священникам следовало дать приличное образование, которое, как предполагают, Васко да Гама мог получить в Эворе, административном центре Алентежу.

После пострига в 1480 г. нет свидетельств о Васко да Гаме до 1492 г., когда, по словам хронистов, он оказался среди лиссабонских придворных. Его появление при дворе в возрасте около 23 лет можно было бы объяснить влиянием отца, Эштевана, если бы тот изменил решение постричь сына. Есть и другое объяснение. Хронист Г. де Резенде, сообщая о карьере Васко да Гамы, упоминал его морской и военный опыт. В те годы португалец мог обрести подобный опыт скорее всего у африканских берегов, в Северном Марокко, в плаваниях в экваториальные страны.

Как сообщал Резенде, Васко да Гама получил в 1492 г. от Жуана II ответственное поручение: отправиться в южные порты Португалии и наложить арест на стоявшие там французские корабли в отместку за то, что французские пираты захватили у африканских берегов одну из португальских каравелл, груженную золотом. По словам Резенде, Васко да Гама справился с поручением, действуя быстро и решительно. Инцидент с французскими кораблями (он закончился тем, что Париж признал правоту португальцев) должен был способствовать карьере молодого придворного.

Исполнение поручения Жуана дало хронистам повод характеризовать Васко да Гаму в те годы и позднее. Он выказал себя «хорошим рыцарем» и «верным вассалом», писал историк XVI в. Д. де Гойш. Соглашаясь в общем с этой оценкой, Ж. де Барруш, другой историк XVI в., добавлял к ней описание внешности мореплавателя и его личных свойств, не всегда лестных. «Васко да Гама был человеком среднего роста, несколько плотного сложения, рыцарского обличья. Он смело шел на любой подвиг, отдавал суровые приказы, во многом пристрастные и наводившие страх. Он был вынослив в трудах, строго

наказывал виновных во имя правосудия». Другие современники писали о Васко да Гаме, что это был невысокий брюнет с крючковатым носом, большими черными глазами, скорее семитского, чем южноевропейского облика. Уходя в плавание в Индию в 1497 г., он отпустил бороду, с которой более не расставался. К концу жизни мореплаватель сильно располнел.

Г. Корреа, секретарь вице-короля Индии в начале XVI в., сообщал ряд подробностей о характере Васко да Гамы. Мореплаватель, писал Корреа, любил роскошь, одевался, когда мог, в дорогие одежды, окружал себя множеством слуг. Но любовь к роскоши не мешала ему разделять трудности пути со своей командой. В конце 1497 г., когда его моряки столкнулись с бурями у мыса Доброй Надежды, «он придал им силу духа, хотя совсем не спал и не отдыхал. Он всегда трудился вместе с ними, подчиняясь, как все, боцманскому свистку».^[62]

Не все шло гладко в жизни молодого дворянина. Его старшему брату Паулу, а также самому Васко досаждали, как рассказывают, враждебные отношения с судьей Сетубала — города, лежащего на полпути между Лиссабоном и Синишем. Причина вражды неизвестна, но поскольку в нее были вовлечены два брата, можно предположить, что здесь были задеты семейные интересы. Вражда привела к столкновению с судьей, дело дошло до кровопролития. Столкновения между дворянами в Португалии не были редкостью, хотя, может быть, происходили не так часто, как уверяют рассказы о д'Артаньянах далеких времен. Сетубальский судья, по

---

⁶² Correa G. Lendas da India. Lisboa, 1858. Т. I. Parte I–II. P. 17.

свидетельству архивных публикаций, был ранен, а Паулу пришлось скрываться от властей.

За ранение судьи должны были отвечать оба брата да Гама и их друг, тоже придворный, Н. Куэлью. Васко, по словам Корреа, уплатил штраф в 2 тыс. крузадо (по-видимому, за себя и за брата), Куэлью — 1 тыс. Корреа писал, что столкновение с судьей не повлияло на карьеру Васко да Гамы, поскольку будущий мореплаватель оказался первым, кто сообщил королю о злосчастном инциденте; он сумел надлежащим образом настроить короля, который все простил. Наверное, это так и было, и Васко да Гама остался в милости у двора. Согласно архивным публикациям, Васко да Гама получил прощение за столкновение с судьей в 1492 г., т. е. приблизительно тогда же, когда выполнил поручение короля на юге Португалии, наложив арест на французские корабли. А в 1495 г., судя по тем же публикациям, о Васко да Гаме проявил заботу орден Сантьягу. По решению ордена будущий мореплаватель получил «в знак больших заслуг» два земельных участка на правах вассального держания. У нового вассала ордена Сантьягу были свои вассалы. Известно, что в первом путешествии в Индию один из кораблей возглавлял криаду (челядин) Васко да Гамы.

Географические, социальные и политические условия способствовали экспансии Португалии. Васко да Гама родился в тот век, когда его страна, расположенная на крайнем западе Европы, омываемая Атлантическим океаном, должна была сыграть выдающуюся роль в установлении связей с Востоком. Эти связи, разумеется, предполагалось строить не на равенстве партнеров. Речь шла о реализации преимуществ, которые дали Европе ее

технические достижения, ее военное и морское могущество.

Как часть западного мира Португалия обладала необходимым хозяйственным и людским потенциалом для экспансионистской политики. Распространение морских промыслов, особенно рыболовства, обслуживание торговых путей между Средиземноморьем и Северной Европой, собственные торговые связи — все это обеспечивало Португалии кадры профессиональных моряков, способствовало развитию судостроения. Португальские корабли отличались хорошими мореходными качествами, высокой надежностью. Традиция утверждала, что леса, которые дали Португалии корабельную сосну, были заложены на песчаных дюнах округа Лейрия, на полпути между Порту и Лиссабоном, вскоре после реконкисты. Сделал это король Диниш (1279–1325), прозванный Земледельцем за покровительство сельскому хозяйству, а также ремеслам и торговле.

Население Португалии в основном было лично свободным. На севере личная зависимость крестьян исчезла в XIV–XV вв., а на юге, в том числе в Алентежу, ее не было со времен реконкисты. Южные территории — Алентежу и Алгарви, — по мере того как их отвоевывали у арабов, заселялись свободными переселенцами. В чем-то они напоминали русских казаков, заинтересованных в защите пограничных областей от вражеских набегов. Но наряду с личной свободой крестьян Португалия, как и вся Западная Европа того времени, знала различные виды сословных ограничений, рабство тех, кто был куплен на восточных рынках, привезен как невольник из Африки. В заморских экспедициях ведущую роль предстояло сыграть

дворянству и королевскому двору. В свое время реконкиста позволила привилегированным группам сплотить вокруг себя Португалию, а заодно распространить свою власть на отвоеванные территории. Теперь заморская экспансия выступала как продолжение реконкисты, обеспечивая дворянам и двору наибольшие выгоды.

В 1415 г. португальцы открыли военные действия против Марокко, захватив Сеуту. В дальнейшем, в правление Афонсу V (1438–1481), они укрепили там свои позиции, овладев Эль-Ксар-эс-Сегиром, между Сеутой и Танжером. Чтобы ознаменовать это событие, Афонсу принял новый титул: король Португалии и Алгарви по эту и по ту сторону моря в Африке. Преемники Афонсу решили, что титул слишком короток, а потому Жуан II, сын Афонсу, добавил к нему «сеньор Гвинеи». О том, как удалось удлинить титул Мануэлу I (1495–1521), португальцы узнали после первого путешествия Васко да Гамы.

Помимо Марокко заморская экспансия была нацелена на острова Атлантического океана и Западную Африку. Атлантические острова португальцы посещали еще до того, как овладели рядом пунктов в Африке. Об их открытиях, между прочим, говорят современные географические карты. Азорские острова в переводе с португальского — Ястребиные, а острова Мадейра — Лесистые. Португальские моряки из семьи Корте Реал, обосновавшейся на Азорах, подходили к Ньюфаундленду и Лабрадору. Произошло это в 1472 г., т. е. до плавания в этих водах Дж. Кабота, итальянца на английской службе. Полагают, что Лабрадор получил свое название от спутника Кабота, жителя Азор Жуана Форнандиша, который был простым земледельцем (лаврадор).

«Канада» происходит, по одним предположениям, от индейского слова «деревня», а по другим — от португальского «тропа», «ущелье». Именно так выглядит водный путь по верхнему течению реки Св. Лаврентия.

<http://text.tr200.biz> - Электронная библиотека

В конечном счете Северная Атлантика была оценена португальскими моряками как менее перспективный регион, чем Магриб и Западная Африка. Конечно, Магриб так же был малогостеприимен, как далекие северные территории Америки. Но Северная Африка была лучше разведана, находилась ближе к Португалии. Богатые рыбой воды были не только у Ньюфаундленда, но и у атлантического побережья Марокко. Из Северной и Западной Африки в Европу поступало золото, а погоня за ним была первейшим стимулом колонизации и географических открытий.

Войны против мавров шли одновременно с продвижением на юг вдоль западноафриканского побережья. Никто не знал, как далеко тянется побережье, есть ли на юге проход в Индийский океан. Условно такой проход обозначали на картах, так как его упоминал в V в. до н. э. Геродот.^[63] Исследование западноафриканского побережья открывало, таким образом, перспективу морских связей со странами Востока. Оттуда в Европу шли пряности, драгоценные камни, золото, шелк. Восточная торговля через Византию и Левант находилась преимущественно в руках генуэзцев и венецианцев, но с XIV в. она утрачивала былое значение из-за турецких завоеваний. Открытие нового морского пути могло расширить восточную торговлю, и,

---

⁶³ Геродот. 4, 42–43.

конечно, обогатить посредников, использующих этот путь.

Экспансия Португалии в Африке была связана с именем принца Генриха Мореплавателя (1394–1460), дяди Афонсу V. Принц Генрих снарядил ряд экспедиций к западноафриканским берегам. Туда из-за риска дальних плаваний не собирались ходить по доброй воле ни рыбаки, ни охотники за морским зверем. В 1434 г. был пройден мыс Бохадор, пугавший многих своими мелями. В следующем десятилетии в Лиссабон впервые прибыла партия черных рабов. Объектом экспансии стал бассейн р. Сенегал, где португальцы появились в 1445 г., а через 15 лет П. да Синтра доплыл до гористого п-ова Сьерра-Леоне.

О целях Генриха Мореплавателя писал его современник хронист Г.Э. де Азурара, по словам которого, принцу, согласно его гороскопу, предстояло найти «сокрытые предметы»; кроме того, сам он как добрый христианин желал отвоевать гроб господень, а также желал знать, какие страны лежат за мысом Бохадар и не оттуда ли Марокко получает золото.^[64] Упоминание о золоте избавляло хрониста от упрека в недомолвках относительно материальных целей колонизации. Отчеты капитанов, состоявших на службе у Генриха, показывают, что как раз материальные цели были для принца превыше всего. В этих отчетах было намного меньше сведений о дальних морях и о путях к гробу господню, чем о захвате рабов и о торговле португальскими товарами. Что касается марокканского золота, то оно интересовало Генриха Мореплавателя еще

---

⁶⁴ [Azurara G.E.de] Zurara. Cronica de Guina. — Documentos sobre a expans'ao portuguesa. Lisboa, 1945. Vol. I. P. 117–121.

в молодости. Он участвовал в завоевании Сеуты, и вряд ли его обделили, когда на улицах города, усеянных трупами, победители сваливали в кучи награбленное добро, и каждый получал свою долю драгоценностей. Принц, конечно, знал, что его капитаны добывали таким же путем богатства, от которых, по его распоряжению, казна получала одну четверть.

Вначале капитаны Генриха Мореплавателя, по-видимому, больше грабили, чем торговали, потом — больше торговали, чем грабили. Но принц не разбогател на этих экспедициях. Западноафриканская экспансия дала Португалии сравнительно небольшие результаты, в частности по той причине, что золота на побережье было не так много. К тому же большая часть золота с невольничьими караванами направлялась из внутренних районов Африки не к атлантическому побережью, а в Сахару и далее — в Магриб и Египет. Таким образом, снабжались арабские рынки, где европейцы — каталонцы, генуэзцы, венецианцы — не играли главной роли. Для португальцев, если они желали обогатиться, по-прежнему оставался один путь: продвижение вдоль западноафриканских берегов, поиск выхода в Индийский океан.

Когда принц Генрих умер, западноафриканская экспансия замедлилась. Принц наделал много долгов, тратясь на экспедиции. Впредь, судя по всему, лиссабонский двор был намерен вкладывать средства лишь в те экспедиции, которые сулили реальные доходы. К тому же Афонсу V начал войну с Кастилией, претендуя на ее трон. На суше и на море он понес чувствительный урон, но внутреннее положение Кастилии не было устойчивым, и война закончилась мирным соглашением в Алькасовасе (1479), которое не дало кастильцам особых

выгод. За ними были признаны Канарские острова, где они и без того давно утвердились. В обмен португальцы получали права на территории, которые лежали за Канарами к западу, востоку и югу. Португальская сфера влияния простиралась на юг от широты Иерро, крайнего, наиболее удаленного от Африки острова Канарской группы. Таким образом, при широкой трактовке соглашения в Алькасовасе будущие вест-индские приобретения Испании оказывались незаконны, а Португалия могла продолжать захваты в Западной Африке и на путях в Индию. Афонсу был исполнен решимости отбить охоту соперничать с ним у всех, кто плавал у западноафриканских берегов. В 1480 г. он распорядился заживо топить моряков с иностранных кораблей, захваченных в португальских водах.

При преемниках Афонсу экспедиции на юг вновь обрели горячих сторонников. Д. Кан первым достиг устья Конго (1484) и поставил там падран — гербовый столб. В следующем году он пошел еще дальше, не боясь, что Полярная звезда давно пропала за горизонтом и что в небе блистали неведомые созвездия. Мореплаватель дошел до мыса Кросс (его очередной падран нашли там через 400 лет). Таким образом, он проник в края, где жили готтентоты. В том же 1485 г. было решено создать на экваторе, на о. Сан-Томе, переселенческую колонию, как на Мадейре. Вначале туда отправили преступников, приговоренных к смерти, затем — когда стали изгонять евреев из Португалии — на остров прибыли еврейские дети, отобранные у их родителей.

Вторая экспедиция Кана установила, что побережье Нижней Гвинеи слабо заселено, а потому там трудно найти продовольствие для проходящих кораблей. К тому же продвижению вдоль побережья будут мешать

встречные течения и пассаты, которые в южном полушарии дуют в северо-западном направлении. Опыт Кана учел Б. Диаш, ближайший предшественник Васко да Гамы, придворный, подружившийся с людьми науки, в том числе с немецким картографом М. Бехаймом. Экспедиция Диаша (1887–1888) имела две каравеллы и запасной корабль с припасами. К югу от экватора Диаш достиг, лавируя, тропика Козерога, а затем перегрузил на каравеллы припасы с запасного корабля. Этот корабль он оставил в одной из бухт (Ангра Пекена, как ее называли в XVI в., ныне бухта Людериц), примерно в 500 милях от мыса Доброй Надежды. Диаш не стал вступать в длительную борьбу со встречным ветром, а предпочел от Ангра Пекены отправиться на юго-запад, в открытый океан. Его отнесло, по-видимому, более чем на 1000 миль в глубь Атлантики, и западный ветер подхватил каравеллы лишь на 40° ю.ш., южнее островов Тристан-да-Кунья.

Пользуясь переменной ветра, Диаш вначале взял курс на юго-восток, затем, не найдя земли, повернул на север. Он обогнул мыс Доброй Надежды, не видя его, и вышел в бухту Моссел, лежащую на 200 миль к востоку. Здесь моряки, отправившись за водой, подверглись нападению готтентотов, которые швыряли в них камни. Кончилось тем, что одного готтентота убили из арбалета, и экспедиция продолжила свой путь, следуя от бухты к бухте. Вскоре берег выровнялся, повернул на северо-восток; оказалось, что вдоль него, навстречу каравеллам, идет сильное теплое течение. Пройдя мыс Падроне, Диаш достиг устья Грейт-Фиш. Отсюда пришлось повернуть назад: припасы были на исходе, и команда настояла на прекращении рискованного плавания. Обследовав мыс Игольный и мыс Доброй

Надежды, Диаш вернулся к западноафриканским берегам, а затем в Португалию.^[65]

Это было во всех отношениях замечательное плавание, которое, однако, не было публично отмечено королем Жуаном II, предпочитавшим, чтобы об успехах португальцев в южных морях до поры до времени меньше знали соперники — кастильцы, генуэзцы и венецианцы. Путешествие не упоминалось некоторыми хронистами, в том числе Резенде, а Барруш его не датировал. Истинные даты путешествия известны лишь по маргинальной записи на одной из книг, принадлежавшей семье Колумба, а также по хронике Д. Пачеко, найденной в XIX в.

Диаш доказал, что можно обогнуть Африку и выйти в Индийский океан. Он дал в руки своим преемникам ключи к решению проблемы дальних путешествий на Восток, нашел кружной маршрут в Южной Атлантике, позволявший обойти зону неблагоприятных ветров. Он открыл течение Игольного мыса, продолжение Мозамбикского течения, которое мешало идти на север вдоль берегов Восточной Африки и Мадагаскара. Мозамбикского течения, по рассказам Марко Поло, боялись арабские моряки. Считалось, что оно могло унести их от Мадагаскара в неведомые южные воды, откуда никто не возвращался. «А далее на юг, к югу от этого острова да от острова Зангибора (Занзибара), к другим островам суда не Могут плыть; сильно тут морское течение на юг, и не вернуться назад судну, поэтому-то и не ходят туда». Кое-кто из арабских моряков, наверное, задумывался, слушая повесть о

---

⁶⁵ Da Costa G. Descobrimientos e conquistas. Lisboa, 1927. Т. I. P. 138–143; Pacheco DP. Esmeraldo de situ orbi. London, 1937. P. 153–154.

третьем путешествии Синдбада, унесенного мощным потоком в страну злобных мохнатых карликов.

С книгой Марко Поло Диаш, конечно, был знаком. В рукописях на разных языках она ходила по рукам до того, как появились ее печатные издания, в том числе латинское 1485 г. Могла ли «Книга Марко Поло» быть использована для путешествий Диаша и Васко да Гамы? Она, безусловно, принималась к сведению, но не более того. Бывалым морякам было трудно поверить всему, что писал Марко Поло. Им, людям трезвого ума, знавшим, что в описаниях путешествий встречается вымысел, предстояло все проверить самим. Если бы они полагались на Марко Поло, то почему бы было не довериться другим сочинениям о Востоке, с успехом распространявшимся в Европе? Равным образом, например, они могли бы поверить сочинению XIV в., автор которого именовал себя Дж. Мандевилем. Там шла речь о встречах с китайским императором, с мифическим пресвитером Иоанном — покровителем христиан Востока; рассказывалось об Индии и других странах, о птице феникс и людях без головы.

Португальцы понимали, что генуэзцы и венецианцы, господствовавшие в торговле с Востоком, знали о нем больше, чем кто-либо в Западной Европе. Но также было ясно, что они не станут разглашать все сведения своих агентов, помогать конкурентам в ущерб собственным интересам. Памятуя об этом, Лиссабон отправил в 1487 г. через Средиземное море в страны Востока королевского приближенного П. де Ковельяна. Ему было поручено разведать торговые пути, по которым доставлялись пряности, выяснить возможность прохода кораблей из Атлантики в Индийский океан, заручиться, если удастся,

поддержкой пресвитера Иоанна, в существовании которого в Лиссабоне, видимо, не сомневались.

В свое время пресвитером Иоанном интересовался Генрих Мореплаватель. Он полагал, что продвижение португальцев в глубь арабских владений для освобождения гроба господня могло быть поддержано этим христианским владыкой. О пресвитере, которого, правда, предстояло еще найти, в Европе впервые услышали в 1145 г., когда ко двору папы Евгения III приезжал один сирийский епископ, просивший о помощи левантским христианам. По словам епископа, пресвитер Иоанн был несторианцем, потомком волхвов, ходивших поклониться Христу. Его целью было освободить святые места от сарацинов. Для этого он разгромил персов и стал ждать, когда река Тигр покроется льдом, чтобы перейти ее и добраться до Иерусалима. Не дождавшись, пресвитер вернулся в глубь Азии. Около 1165 г. в Европе стало известно его письмо императору Византии. Там сообщалось, что пресвитеру подчинены семьдесят королей, что в его владениях обитали драконы, а гигантские пауки выкапывали золото. Перед дворцом Иоанна стояло заколдованное зеркало; глядя в него, можно было обозреть все концы царства и распознать крамолу.^[66]

<http://pda.tr200.biz> - Электронная библиотека для мобильных телефонов и планшетов

Отправившись на Восток под видом купца, Ковельян побывал в Дравии, Индии, Восточной Африке. В Лиссабон он отослал письмо в 1490 или 1491 г., когда встретил в

---

⁶⁶ Avezac M.P.de. Recueil de voyages et de memoires. — Societe de geographie de Paris. 1839. Vol. 4. P. 547–564.

Каире другого посланца португальского короля. Васко да Гама должен был ознакомиться с письмом, которое давало общее представление об обстановке в странах Востока. Ковельян подтвердил сведения о преобладании арабского влияния в Индийском океане и частично развеял иллюзии о пресвитере Иоанне. Как сообщил Ковельян, за пресвитера, по-видимому, принимали эфиопского негуса, приверженца коптской церкви.

Экспедиции Диаша и Васко да Гамы были отделены друг от друга периодом в восемь с половиной лет. В эти годы у берегов Африки побывали другие экспедиции, о которых упоминает, не называя их руководителей, лишь одна португальская хроника Гойша. Согласно Гойшу, в правление Жуана II португальские корабли, «следуя вдоль гвинейского побережья, дошли почти до границ и пределов Софалы и Мозамбика. С тамошними жителями были установлены сношения по морю, и торговля велась по берегу Мелинды (Малинди), Момбасы и о. Св. Лаврентия (Мадагаскара)».

Если Гойш писал о торговле у Малинди, то это значило, что португальцы, обогнув Африку, миновали Занзибар и достигли территории современной Кении. Их корабли прошли большую часть прибрежных вод Южной и Восточной Африки от мыса Доброй Надежды до мыса Гвардафуй, т. е. до восточной оконечности Сомали. На широте Малинди арабские парусники, направляясь в Индию, покидали африканское побережье и брали курс к Аравийскому морю. Португальцы, по сути дела, находились в преддверии Индии. Оставался последний бросок, который лучше всего было сделать с помощью арабских лоцманов. Следовало использовать их опыт, знание муссонов, расположения мелей и т. д., т. е. те

знания, которые были необходимы, чтобы не усугубить риск, отправляясь в Индию.

О европейских плаваниях у восточноафриканских берегов писал Ахмад ибн Маджид, арабский лоцман, который, судя по некоторым Данным, провел позднее корабли Васко да Гамы из Малинди в Индию. В лоции ибн Маджида, опубликованной в 1957 г. в России Т.А. Шумовским, сказано, что в 900 г. Хиджры (1494–1495 гг. христианского календаря) близ Софалы прошли корабли франков, захвативших Андалус (так арабы называли весь Иберийский полуостров). Часть их кораблей здесь перевернулась, не справившись с Муссоном. Франки, которые были, надо думать, португальцами, направлялись, по словам ибн Маджида, в Индию.

Не исключено, что трудности, встреченные португальскими экспедициями, способствовали тому, что Жуан II на какое-то время сместил акценты в своей внешней политике, стал меньше уделять внимания колониальной экспансии, больше заботиться о делах Иберийского полуострова, где он, как и его отец Афонсу, претендовал на кастильский (теперь испанский) трон. Жуан женил единственного сына, тоже Афонсу, на дочери католических королей Изабелле, что давало надежду португальской династии со временем овладеть испанским тронном. Но инфант Афонсу разбился насмерть, свалившись с лошади, а принцесса Изабелла отправилась в монастырь. Она вышла оттуда, чтобы сочетаться вторым браком с новым португальским королем Мануэлом, кузеном Жуана. К этому времени принцесса извела себя постами и покаяниями, превратившись, по словам Пьетро Мартир д'Ангиера, итальянца, служившего при испанском дворе, в «сухую жердь». Она умерла в родах, а ее отпрыск пережил мать всего на полгода.

Таким образом, для португальской ориентации на династический союз с Испанией Изабелла оказалась не более полезна, чем пресвитер Иоанн для колониальной политики.

Стремление к династическому союзу с Испанией, скорее всего, сделало португальцев уступчивее при дальнейшем разделе сфер влияния в Атлантическом океане. К тому же у католических королей с 1492 г. появился союзник на папском престоле — Александр VI, по происхождению испанец (Родриго Борджа). Папскими буллами Вест-Индия была закреплена за Испанией, и, как уже говорилось, испано-португальский договор 1494 г. в Тордесильясе это подтвердил. Договор провел демаркационную линию от полюса к полюсу на 370 миль западнее о-вов Зеленого Мыса. За Португалией оказалась часть западного полушария, западноафриканское побережье и бассейн Индийского океана.

Корреа утверждал, что перед снаряжением экспедиции Васко да Гамы в Индийский океан Мануэл I обратился за советом к Аврааму бен Самуилу Закуту. Вместе с другими евреями Закуту в 1492 г. покинул Испанию, где преподавал в Саламанкском университете математику, астрономию и астрологию — дисциплины, которые, по представлениям XV в., мало отличались друг от друга. В Португалии, откуда евреи «также были вскоре изгнаны, Закуту одно время преподавал в университете Коимбры, был придворным астрологом. В 1496 г. был опубликован в латинском переводе с древнееврейского «Вечный альманах» Закуту. Альманах содержал таблицы, которые позволяли определять географическую широту по склонению солнца в северном и южном полушариях и, таким образом, появилась возможность ориентироваться без знакомых звезд к югу

от экватора. Есть основания считать, что альманах был использован Васко да Гамой.

Как писал Корреа, астрологические знания позволили Закуту предсказать Мануэлу, что тот завоюет Индию, так как «велика его звезда». А кого отправить в Индию, король должен был догадаться, исходя из другого предсказания: завоевание предстояло осуществить от имени Мануэла двум братьям (надо думать, Васко и Паулу да Гама).^[67]

Можно, конечно, усомниться, что именно Закуту предложил королю кандидатуры братьев да Гама. Но сообщение хрониста о том, что Мануэл прибегал к астрологии само по себе не вызывает удивления. Не он один среди европейских монархов интересовался предсказаниями, тем более что церковь, формально осуждая астрологов, фактически смотрела на них сквозь пальцы. О предсказаниях при португальском дворе уже говорилось, когда шла речь о Генрихе Мореплавателе. Племянница Генриха Элеонора, выходя замуж за германского императора Фридриха III, обращалась к ворожбе. После ее бракосочетания прислужницы, как донесли Фридриху, пытались заговорить брачное ложе. Император особенно боялся ее кормилицы, известной своей способностью наводить чары на проявления мужественности. Потому кровать велено было поменять, а молодой жене было сделано внушение.

Решение об отправке экспедиции в Индийский океан, еще до окончательного подбора ее руководителя, было принято, по-видимому, при жизни Жуана II, т. е. до октября 1495 г. Согласно сообщению одного из

---

⁶⁷ Correa G. Op. cit. P. 10.

хронистов, строительный материал для двух судов Васко да Гамы, «Св. Гавриила» и «Св. Рафаила», был взят в последний год правления Жуана в королевских лесах, входивших в округа Лейрия и Алкасер. Помимо этих судов, специально построенных для экспедиции, в нее вошли «Берриу» и запасной корабль. Название последнего неизвестно; не исключено, что по традиции он мог носить имя своего бывшего лиссабонского владельца, А. Корреа. По словам хрониста Ф.Л. де Каштаньеды, командовать экспедицией вначале предложили Паулу как старшему в семье да Гама. Тот отказался, сославшись на слабое здоровье, но согласился быть капитаном одного из кораблей под общим командованием младшего брата.

С отплытием не торопились, что, по-видимому, позволило основательно подготовить экспедицию. Официально назначение Васко Да Гамы капитан-мором, командующим флотилии, состоялось в ян-Варе 1497 г. Через полгода капитан-мор был принят Мануэлем в Замке Монтемор-о-нову, близ Эворы, где среди лесистых холмов Король спасался от лиссабонской жары. Там Васко да Гама принес Присягу и получил шелковое знамя с крестом от имени самого Крупного в Португалии рыцарского ордена Иисуса Христа. Вечером 7 июля в Лиссабоне капитан-мор вместе со своими офицерами — маэстриш и контрамаэстриш — слушал службу в часовне Богородицы Вифлеемской, воздвигнутой Генрихом Мореплавателем для моряков. Ночь прошла в молитвах, а на рассвете 8 июля моряки с зажженными свечами в руках отправились к причалам. В процессии участвовали монахи, читавшие молитвы, которые подхватывала собравшаяся толпа. На берегу была отслужена месса, моряки исповедались. Согласно булле

1452 г. папы Николая V всем, уходящим в далекие страны, отпускались грехи. Корабли с крестами на парусах во главе с флагманом «Св. Гавриилом» двинулись к устью Тахо в открытый океан.^[68]

* * *

Прошло два года, и в июле 1499 г., извещая католических королей о возвращении Васко да Гамы, Мануэл писал: «Главной целью этого предприятия всегда было... служить Богу, Господу нашему». Экспедиция, продолжал Мануэл, побывала в тех краях, где добывают золото; она доставила в Европу пряности, драгоценности, хотя и в небольшом количестве, так как не взяла с собой нужных товаров для обмена. «Основные виды торговли, которой с выгодой пользуются все тамошние мавры», будут отныне находиться в руках португальцев и, тем самым, будут обращены во благо христианам. Это поможет войне с маврами, «к чему так стремятся Ваши Высочества и чему мы так преданы». Поясняя, что он разумел под служением Богу, Мануэл утверждал, что в тех странах, где побывал Васко да Гама, жило немало христиан, которых надлежало укрепить в истинной вере.

Христианизация, торговля и война — все эти формы колониальной политики были помянуты Мануэлом. Правда, его письмо, как и другие источники, не позволяет узнать, почему Васко да Гама не взял с собой нужных товаров. Можно предположить, что капитан-мор был плохо осведомлен и не ведал, чем придется торговать в Индии. Но ведь португальцы давно искали выход в Индийский океан, у них были возможности и

---

⁶⁸ Castanheda F.L.de. Historia do Descobrimento e Conquista da India pelos Portugueses. Livros I–II. Coimbra, 1924. P. 9.

время выяснить тамошнюю торговую конъюнктуру. Убедительнее другое предположение: экспедиция в дальние страны ориентировалась на разведку, вооруженные столкновения и военную добычу. А торговле по этой причине отводилось достаточно скромное место.

Флотилия готовилась с учетом опыта, полученного экспедицией Диаша, и, как рассказывали, участники этой экспедиции привлекались к подготовке оборудования новых кораблей. Опыт Диаша показал, что каравеллы, имевшие небольшой тоннаж, — не лучший вид кораблей для плавания в течение долгих месяцев. Во флотилии Васко да Гамы лишь каравелла «Берриу» имела, согласно Каштаньеде, 50 тоннадаш, или около 90 метрических тонн водоизмещения. Прочие корабли — их именовали нау (по-испански нао) — были крупнее. По разным данным, их водоизмещение составляло от 90 до 120 тоннадаш, т. е. 160–220 метрических тонн.

Все корабли, кроме «Берриу», несли прямые паруса на гроте и фоке, косой латинский — на бизани; на высоко поднятом бушприте крепился прямой кливер. Один «Берриу» имел полностью косые латинские паруса, делавшие его маневреннее. Строители нау жертвовали быстротой реакции на перемену ветра, высокой скоростью, строгостью обводов. Зато они выигрывали в другом. Нау были вместительнее, повышалась остойчивость, необходимая в штормовых условиях (вспомним замечание ибн Маджида о кораблях, перевернутых муссоном). Корабли Васко да Гамы могли взять на борт больше пушек и ядер, больше продовольствия, могли лучше разместить команду. «Св. Гавриил» и «Св. Рафаил» имели по две башни, на носу и корме. Там полагалось укрываться и продолжать бой в

случае, если бы противник взял судно на abordаж и появился на палубе. Эти башни, широкая корма, низкий нос и погиб средней части палубы придавали нау вид плывущих уток с их своеобразной грацией.

<http://lib.tr200.biz> - Бесплатная электронная библиотека

Корабли имели по 20 и более тяжелых артиллерийских орудий — бронзовых бомбард, ввозившихся в Португалию обычно из Антверпена. Такие орудия, около трех центнеров каждое, крепились в два ряда на носовой и кормовой башнях. До 1500 г. артиллерийских люков в бортах для них не делали. По краям палубы располагались орудия полегче; некоторые из них, в отличие от бомбард, заряжались с казенной части. Ядра были каменные и металлические. Хронисты писали о фальконетах, о которых известно, что эти мелкокалиберные орудия заряжались свинцом. Дальнобойность была довольно велика; судя по данным тех времен, бомбарды, например, били на 400–700 м. Хронисты не упоминали какого-либо ручного огнестрельного оружия. Согласно их текстам, использовались луки и стрелы, арбалеты, холодное оружие, зажигательные снаряды (горшки с порохом). Часть офицеров имела кирасы, солдаты и матросы надевали нагрудники и кожаные камзолы.

Спутники Васко да Гамы пользовались различными навигационными инструментами; во всяком случае это было отмечено в первой половине путешествия, когда корабли шли по Атлантическому океану. Один из хронистов писал, что в бухте Сент-Хелина, близ Мыса Доброй Надежды, капитан-мор участвовал в

астрономических наблюдениях.^[69] В декабре 1497 г. за этим мысом флотилия вошла в полосу бурь, что побудило часть моряков выступить за возвращение в Португалию. Васко да Гама, как сообщал Корреа, сломил сопротивление недовольных и объявил на «Св. Гаврииле», что пути назад нет, что он по этой причине бросает в воду навигационные инструменты своих кормчих. Об этом театральном жесте рассказывал лишь Корреа, и даже если все было именно так, то в океан была брошена только часть приборов, а другие хранились у капитанов «Берриу» и «Св. Рафаила», у самого Васко да Гамы. Впрочем, в XV в. капитаны и кормчие, определяя положение кораблей, не часто прибегали к инструментам, если не считать компаса. Скорее всего, подобно многим морякам тех времен, Васко да Гама и его товарищи опирались на собственные подсчеты пройденного пути по силе и направлению ветров и течений, по картам, одну из которых поминал А. Велью, автор единственного дошедшего до нас текста — лоции, написанной участником первого путешествия Васко да Гамы.

На обратном пути, утверждал Велью, участники экспедиции одно время не знали, где находились. Это случилось вблизи экватора, когда большинство моряков болели цингой, и, наверное, им было не до астрономических наблюдений. На кораблях оставалось по семь-восемь здоровых людей, способных подниматься на мачты и держать намеченный курс. Африканский берег был уже виден, но не нашлось никого, кто бы мог указать по карте, где именно находились корабли. Часть моряков считала, что экспедиция добралась до

---

⁶⁹ Barros J.de. Op. cit. P. 135–136.

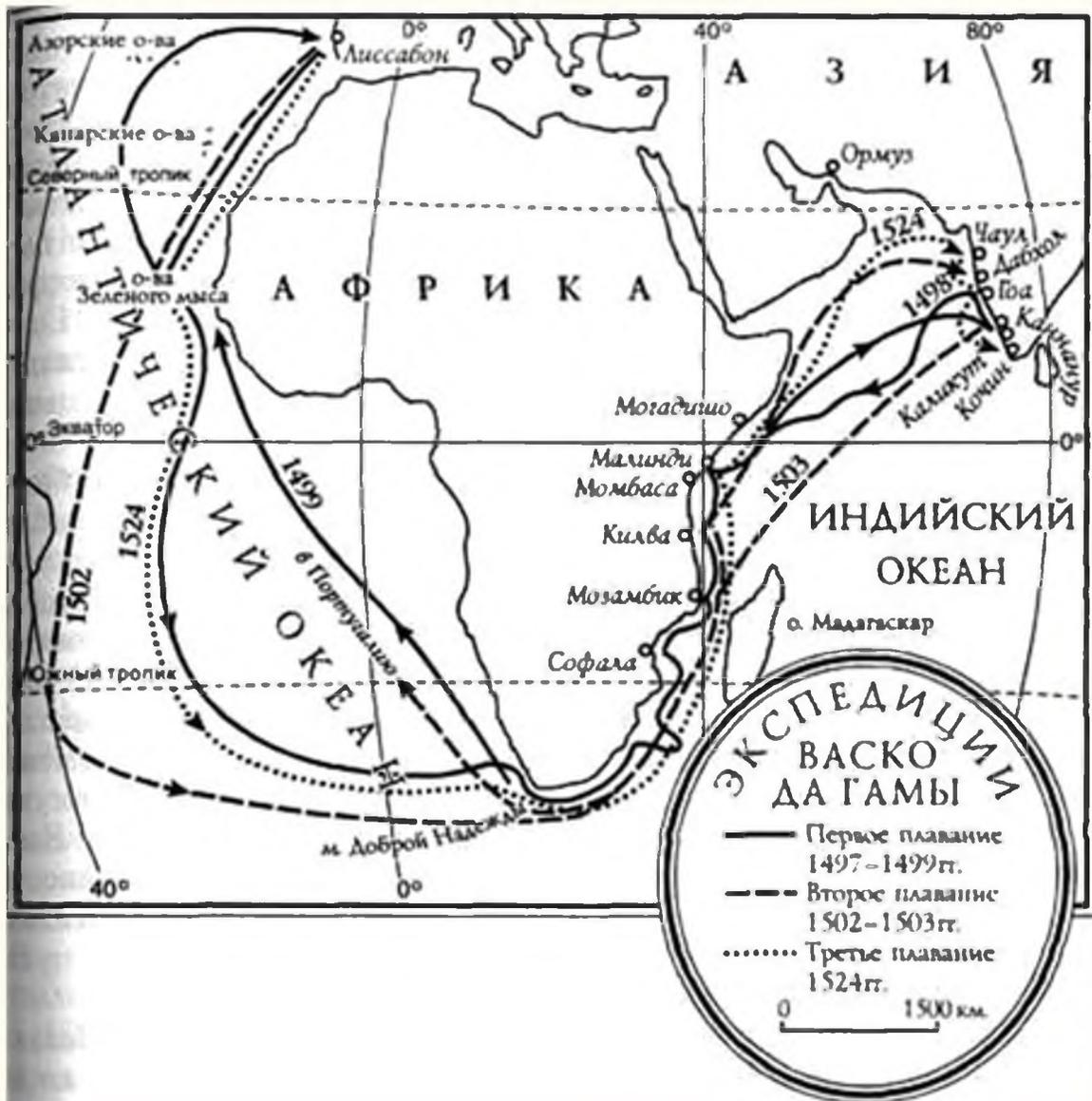
Мозамбика, хотя в действительности она была у Могадишо.

На «Св. Гаврииле» капитаном был сам Васко да Гама, на «Св. Рафаиле» — его брат Паулу, на «Берриу» — Н. Куэлью (тот самый, что был причастен к столкновению с сетубальским судьей в 1492 г.), на запасном корабле — Г. Нунес, челядин капитан-моря. Капитанам помогала группа опытных кормчих. В экспедиции участвовали два священника, несколько писарей и переводчиков с арабского и киконго — языка банту в устье Конго. На обратном пути среди матросов находилось до двух десятков пленников, в том числе индийцев. На кораблях были уголовные преступники, 10–12 человек, которым за участие в экспедиции обещали если не свободу, то жизнь. Семеро из них были высажены Васко да Гамой на берегах Южной и Восточной Африки. Им было велено жить среди африканцев, освоить местные языки, чтобы со временем, когда их подберут португальские корабли, стать переводчиками и осведомителями. Вряд ли каждый из этих Робинзонов нашел себе среди африканцев покорного Пятницу. Дальнейшая судьба большинства преступников неизвестна; об одном из них были сведения, по которым он перебрался из Африки через океан и благополучно жил в Индии.

По разным оценкам, общая численность участников экспедиции составила 140–170 человек. Расхождения в оценках, возможно, были вызваны тем, что в одних случаях считали лишь свободных людей, в других — всех, кто плыл на кораблях.

Матросы ежемесячно получали по 5 крузадо (около 18 г золотом). Кроме того, перед отплытием Васко да

Гама выплатил им по 2 крузадо в месяц за время обучения новым профессиям — плотничьим, столярным и кузнечным работам, конопачению и изготовлению канатов. Каждый матрос мог взять в дорогу рундук с различным добром, которым разрешалось торговать на стоянках. Матрос состоял на казенном довольствии. Его ежедневный рацион включал, прежде всего, кашу, которую варили из муки и чечевицы, Полтора фунта сухарей, фунт говядины или полфунта свинины, кружку вина, немного растительного масла и уксуса. Мясо в постные дни заменяли сыром и вяленой рыбой. Время от времени выдавали сливы, чеснок и т. д.

Карта плаваний Васко да Гамы

Морская дисциплина была сурова, особенно для рядовых матросов. За сон на посту сажали на хлеб и воду. За тот же проступок у вражеских берегов провинившегося били кнутом и трижды окунали в море. Если это был офицер, то наказание уменьшали: хватало голодного пайка и обливания ушатом холодной воды. Матрос был обязан сносить ругань начальства, но не побои. В случае рукоприкладства он мог убежать на нос корабля к якорной цепи. Если офицер, вооруженный каким-либо увесистым предметом, преследовал его, матросу полагалось проскользнуть по другую сторону цепи, а затем звать свидетелей и в последнюю очередь защищаться.

Флотилия, покинув 8 июля 1497 г. Лиссабон, через неделю была на широте Канарских островов, у рифов Рио-де-Оро. Там корабли потеряли друг друга в тумане, но было заранее условлено, что они встретятся у о-вов Зеленого Мыса. В конце июля Васко да Гама и его спутники снова увидели друг друга у о. Сантьягу. В то время о-ва Зеленого Мыса еще сохраняли немало зелени, которую они позднее утратили, превратившись в выжженные солнцем участки земной поверхности с лунным пейзажем. За несколько десятилетий до Васко да Гамы первые португальские колонисты доставили туда черных рабов; появились плантации и скотоводческие фермы. Васко да Гама смог взять на борт воду, свежие продукты, топливо, а заодно произвел небольшие ремонтные работы. 3 августа флотилия снялась с якоря.

Предстояло пройти ответственный участок пути из Центральной Атлантики к южной оконечности Африки.

О том, как был пройден этот участок, известно немного. Велью сообщал, что от Сантьягу взяли курс на восток, потом — на юг и юго-запад. По-видимому, Васко да Гама воспользовался информацией Диаша о встречных ветрах Южной Атлантики, но он не стал идти тем же маршрутом, что его предшественник. Если Диаш следовал вблизи африканских берегов до Ангра Пекены, то Васко да Гама, покинув о-ва Зеленого Мыса, пошел по более широкой амплитуде, не видя берега, покуда не достиг Африки приблизительно в районе 32 параллели, к северу от бухты Сент-Хелина, т. е. в 100–150 милях от мыса Доброй Надежды. Диаш, уйдя из Ангра Пекены в открытый океан, совершил смелый маневр. Еще смелее действовал Васко да Гама, проведя три месяца вдали от берегов. К югу от о-вов Зеленого Мыса он тоже был встречен сильными течениями, идущими из Антарктики на север. Чтобы их обойти, он отклонился к еще не открытым бразильским берегам, а затем, подхваченный другими, западными течениями и ветрами, доплыл до Южной Африки. За три месяца капитан-мор прошел вне видимости берегов свыше 5 тыс. миль, примерно в полтора раза больше, чем Колумб, пересекая Атлантику за 5 лет до этого. О трудностях маршрута, не говоря уже о его длительности, никто ничего не писал; только Гойш в своей хронике обронил несколько слов, сообщив, что флотилия в августе-октябре прошла через «многочисленные бури».^[70]

---

⁷⁰ Gois D.de. Cronica do felicissimo rei D. Manuel. Coimbra, 1949. Parte I. P. 73.

Но разве дело было только в бурях? Разве выход к Южной Африке после трехмесячного плавания в открытом океане не был сам по себе свидетельством преодоления опаснейших препятствий? Конечно, капитан-мор должен был пристать к африканским берегам несколько севернее мыса Доброй Надежды. Если бы он шел южнее, был риск не увидеть землю, пройти мимо нее, пропасть в безбрежных водах. Васко да Гама выказал мужество, умение использовать сведения предшественников, в том числе сведения о координатах. Без каких-либо видимых ориентиров, только с помощью карт, навигационных пособий и инструментов он проложил курс к южной оконечности Африки, чтобы обогнуть ее, следуя в Индию.

Надо думать, во время этого перехода сыграл свою роль запасной корабль с его съестными припасами и водой. В дальнейшем, когда припасы кончились, Васко да Гама счел исчерпанной задачу запасного корабля, который был уничтожен. Он помог экспедиции, но, по-видимому, эта помощь обошлась дорого, и ее можно было рассматривать как излишнюю роскошь. После первой экспедиции Васко да Гамы запасных кораблей в подобных плаваниях больше не было.

Юго-западная оконечность Африки, куда прибыл Васко да Гама, представляла собой прибрежную песчаную равнину с вечнозелеными кустарниками и мягким климатом, напоминавшим средиземноморский. Правда, в отличие от Средиземноморья времена года здесь были «перевернуты»: на европейское лето приходилась местная зима, а на весну — осень. Через три дня после того, как португальцы увидели землю, они достигли бухты Сент-Хелина, где можно было укрыться от западных и южных ветров. Равнину, опоясавшую

бухту, пересекала полноводная река; вблизи берега начинались зеленые холмы, а за ними виднелись лесистые горы. Один из кормчих «Св. Гавриила», служивший в прошлом у Диаша, здесь бывал и видел готтентотов, которых встречали Кан и другие Моряки к югу от р. Кунене, в современной Намибии.

Васко да Гама использовал стоянку в Сент-Хелине для уборки на кораблях, починки парусов, пополнения запасов воды и топлива. Капитан-мор установил контакты с готтентотами, хотя тут не обошлось без кровопролития. Моряки силой доставили на борт «Св. Гавриила» одного готтентота, собиравшего дикий мед. Пленника накормили, одели и с миром отпустили. После этого в течение двух дней несколько десятков местных жителей подходили к берегу, выменивали свои товары — лисьи хвосты и красивые раковины на мелкие португальские монеты. Все кончилось ссорой; один из моряков, оставшийся на берегу в одиночестве, подвергся нападению. Васко да Гама с другими моряками бросился в лодку, подплыл к берегу и прикрыл попавшего в беду товарища. При этом готтентоты забросали португальцев дротиками, ранив капитан-моря и еще трех—четырех моряков.

Начав торговлю с готтентотами, португальцы, конечно, интересовались не только раковинами и лисьими хвостами. В бухте Сент-Хелина Васко да Гама показывал африканцам образцы золота, жемчуга, гвоздики, всего того, что желал приобрести. Готтентоты знаками дали понять, что ничего подобного не видели. Отрицательные ответы имели самые благие последствия, по крайней мере для них, если не для их потомков. Будь эти товары знакомы готтентотам, португальцы вряд ли оставили бы их в покое. Отрицательные ответы

означали, что охотникам за золотом и т. д. здесь нечего делать. В дальнейшем, отдав много сил завоеваниям в бассейне Индийского океана, португальцы не стали участвовать в колонизации южной оконечности Африки, и там, у мыса Доброй Надежды, через полтора столетия после открытия пути в Индию смогли утвердиться голландцы.

<http://lib.tr200.org> - Бесплатная электронная библиотека

В бухте Сент-Хелина Васко да Гама простоял неделю, после чего взял курс на юг. Переход был не менее тяжел, чем в Южной Атлантике, ввиду встречных ветров у мыса Доброй Надежды, а когда мыс был пройден, — ввиду частых бурь и сильного течения, сносившего корабль к западу. На ночь, опасаясь рифов, отходили от берега; с рассветом к нему возвращались. В конце концов, двигаясь на восток, в 200 милях от мыса Доброй Надежды нашли бухту (теперь Моссел), где встали еще на две недели, чтобы разгрузить запасной корабль, который затем был уничтожен.

На стоянке вновь установили контакты с готтентотами. На этот раз, чтобы не быть захваченными врасплох, капитан-мор запретил местным жителям подходить большими группами к морякам, а тем было велено постоянно держать при себе оружие. На европейские безделушки у готтентотов выменяли быка, браслеты из слоновой кости. 2 декабря на берегу собралось две сотни местных жителей, в том числе женщины и дети. Несколько готтентотов принесли музыкальные инструменты, которые европейцы приняли за флейты (это были распространенные в Южной Африке гора — струнно-духовые инструменты). Начались танцы

под музыку, после чего Васко да Гама распорядился доставить с кораблей трубы, и под их звуки он сам и его матросы стали пританцовывать на своих лодках. На следующий день готтентоты возобновили веселье, но Васко да Гама счел, что танцев уже достаточно, тем более что он заметил подозрительное передвижение воинов в прибрежных зарослях. Чтобы их припугнуть, дали несколько холостых выстрелов из бомбард. Африканцы тут же ретировались, побросав инструменты и опахала из лисьих хвостов.

Общение с готтентотами позволило Велью набросать их первое краткое описание. О жителях бухты Сент-Хелина он сообщил, что их кожа темновата («басу» по-португальски и темноватая, и матовая). Судя по всему, речь шла о готтентотах, смешавшихся с бушменами. Они питались мясом тюленей, китов и газелей, занимались бортничеством, выкапывали корни. Одевались в шкуры, вставляли в уши кусочки меди, были вооружены дротиками и палицами, к которым прикрепляли рог как наконечник. Далее на восток, в бухте Моссел, по словам Велью, у готтентотов был крупный и мелкий рогатый скот, на оседланных быках ездили верхом и перевозили грузы.^[71]

Судя по Велью, одни готтентоты выглядели как охотники и собиратели, другие — как скотоводы; ни одна из этих двух групп не пользовалась железом. Археологи XX в. выяснили, что соседи готтентотов, земледельческие племена Натала, были знакомы с железом с X в. Если готтентоты времен Васко да Гамы, т. е. через пять веков, все еще не заимствовали у них этот металл, значит к

---

⁷¹ Velho A. Roteiro da primeira viagem de Vasco de Gama (1497–1499). Lisboa, 1960. P. 10–12.

тому не было стимулов. Очевидно, приход железного века требовал изменений в хозяйстве (и, может быть, в обществе), на которые времени требовалось больше, чем пять столетий. Что касается специализации одних племен на охоте, других — на скотоводстве, то здесь причиной были исторические обстоятельства. К югу от р. Оранжевой готтентоты были пришельцами, прибывшими из северных областей, которые расположены в современной Ботсване. На южной оконечности Африки ранее жили лишь бушмены, охотники и собиратели. Придя сюда, готтентоты ассимилировали бушменов и в чем-то сами ассимилировались: переняли занятия бушменов, охоту и собирательство. В других районах готтентоты стали преимущественно скотоводами.

Перед Васко да Гамой и его спутниками развернулась картина различных, сменявших друг друга в определенной последовательности цивилизаций. По мере продвижения на юг уровень цивилизаций понижался. Сами португальцы, выходцы из европейского мира, стояли на верхних ступенях лестницы. Далее шли прекрасно им известные арабы, за арабами — исламизированные суданцы, за теми — жители бассейна Конго. Переводчик, взятый Васко да Гамо для общения с банту, бывал в устье Конго. Он мог сообщить морякам, что «королевство Конго», лежавшее к югу от исламизированных стран, уступало Северной Африке и Судану по уровню цивилизации, но превосходило скотоводческие племена готтентотов. Португальцы, познакомившись с банту на Нижнем Конго, усмотрели в их строе государственную иерархию и стали титуловать их босоногих правителей, также как в Судане, принцами, графами и т. д. А на юге Африки португальцы нашли готтентотов, которые частично «обушменились»,

приблизившись в своем развитии к наиболее низким цивилизационным ступеням. Географические рамки всех этих цивилизаций не раз смещались, главным образом в южном направлении. Португальцы теснили арабов, те — негрское население Судана. А в Экваториальной Африке среди наиболее развитых банту растворились древние насельники, все те же готтентоты, о чем свидетельствуют островки готтентотоязычных племен в современной Танзании (сандаве и хадзапи).

Экспедиция Васко да Гамы познакомилась с богатым животным миром Южной Африки. Велью заметил, что там обитали такие же пернатые, как в Европе, но, кроме того, в бухте Моссел водились крупные птицы, лишенные перьев и не способные летать (капские пингвины). У готтентотов были собаки, а среди морских животных, помимо китов и тюленей, встречались ластоногие, напоминавшие моржей. К XX в. ластоногих истребили; память о них сохранилась в бухте Моссел, где расположен Сил Айленд — Тюлений остров. Такая же участь постигла капских пингвинов. Европейцам новейшего времени уже не приходилось наблюдать странные встречи обитателя тропиков, слона, с любителем антарктических вод, пингвином.

На берегу бухты Моссел Васко да Гама установил крест и падран. Когда португальцы подняли паруса, чтобы покинуть бухту, дюжина готтентотов принялась разрушать памятные знаки. Они делали это на виду у европейцев, полагаясь на достаточное расстояние от их кораблей, чтобы вовремя скрыться. Падрану в бухту Моссел была уготована та же участь, что и другим памятным знакам Васко да Гамы, из которых до сих пор ни один не обнаружен. Тот, что в Восточной Африке (Малинди) назван его именем, появился явно не при

жизни мореплавателя, хотя наверху падрана в виде креста, по-видимому, старинного происхождения.

Если готтентоты не хотели хранить память о путешествии Васко да Гамы, то среди португальских моряков далеко не все собирались это путешествие продолжать. Как сообщали два хрониста, Корреа и Ж. Озориу, на кораблях в декабре 1497 г. готовился бунт, который капитан-мор сумел подавить в зародыше.^[72] Кроме Корреа и Озориу никто о бунте не писал, и первый комментатор текстов Велью Д. Копке, отказывался верить этому сообщению. Во втором издании записей Велью новый комментатор, А. Эркулану (1810–1877), известный историк и писатель, говорил, что верит Корреа и Озориу, поскольку, скорее всего, прочие хронисты умолчали о подготовке бунта из патриотических побуждений, не желая компрометировать участников знаменитого путешествия.

Судя по словам Корреа и Озориу, бунтарские настроения были порождены тяжелым положением экспедиции после отплытия из бухты Моссел. Возобновились бури, отгонявшие корабли на запад, как и течение Игольного мыса. На «Св. Рафаиле» сломалась мачта; в трюмах было полно воды, что влекло дополнительную работу на насосах. Бочки с питьевой водой смывало с палуб, вода подмачивала припасы.

О подготовке бунта, по словам Корреа, Васко да Гама был извещен Коэлью, капитаном «Берриу», когда их корабли сблизились. Тотчас на «Св. Гаврииле» была собрана команда, которой капитан-мор объявил, что в

---

⁷² Correa G. Op. cit. P. 17, 23–28, 140–141; Osorio J. Da vida e feitos de el-rei D. Manuel. Porto, 1944. [Vol.] I. P. 44.

случае новой бури он готов прекратить экспедицию. Чтобы оправдаться перед королем, он желал иметь на руках документ, свидетельствующий, что команда в лице ее представителей нашла веские причины для возвращения. Команда выделила пятерых, выглядевших как главари заговора, для подписания требуемого документа. Они отправились в капитанскую каюту, а там их, лишенных помощи, верные капитану люди скрутили и заковали в кандалы. Покончив с заговором на своем корабле, капитан-мор сообщил о случившемся на «Берриу» и на «Св. Рафаил», пригрозил тем, кто мог нарушить дисциплину, суровыми карами, после чего никаких признаков бунта больше не было. Через некоторое время арестованных на флагмане расковали, но свобода им была дана условно, так как капитан-мор заявил, что предаст их в руки правосудия по возвращении домой. Фактически Васко да Гама довольствовался тем, что нагнал на них страху, а в дальнейшем в Лиссабоне власти объявили, что король, празднуя благополучное окончание экспедиции, простил морякам все их грехи.

Корабли тем временем вошли в Индийский океан. Пройдя бухту Алгоа и повернув на северо-восток, экспедиция взяла курс к устью Грейт-Фиш, наиболее удаленному месту, достигнутому Диашем. Берег постепенно выравнился, значительных бухт больше не было. Горы и леса кое-где отступали в глубь материка, затем вновь появлялись у берега. В конце декабря — начале января, пользуясь попутным ветром, экспедиция прошла вдоль Натала, близкого по климату Экваториальной Африке. Здесь, на землях банту, деревья были выше, чем на мысе Доброй Надежды, с мощной листвой и яркими цветами. На разных деревьях цветы

распускались в разные времена года, а потому вся местность постоянно выглядела ярко окрашенной, цветущей. В дальнейшем португальцы приняли в расчет климатические условия в различных районах Африки, и границы их владений прошли с учетом наблюдений первых европейских путешественников. После путешествий Кана и Диаша стало известно, что в Западной Африке за р. Кунене лежит пустыня, а в прибрежных водах приходится сталкиваться с южными ветрами и течениями. Вот почему, овладев территориями, вошедшими в Анголу, португальцы проявили мало интереса к будущей Намибии, где утвердились другие европейцы. В то же время в Восточной Африке были обнаружены на широте Намибии цветущие края, а потому граница португальского Мозамбика, на пути в Индию, прошла к югу от тропика Козерога, начиная с превосходной бухты Делагоа.

11 января 1498 г. Васко да Гама остановился несколько к северу от бухты Делагоа и устья Лимпопо, не доходя сотню миль до Южного тропика. Моряков, отправившихся в лодках за пресной водой, встретила толпа африканцев — высокорослых, дружески настроенных чернокожих банту. Судя по всему, это были тонга (тсонга на русских этнических картах). Через 50–60 лет после Васко да Гамы португальцы, обследуя бухту Делагоа, записали имена местных вождей, а в XX в. этнограф Г.А. Жюно услышал эти же имена в устах местных тонга, когда их попросили назвать своих предков.^[73] Не исключено, что вожди, которых перечислили информаторы Жюно, в детстве видели

---

⁷³ Junod H.A. The Life of a South African Tribe. 2nd ed. London, 1927. [Vol.] I. P. 26–27.

первые португальские корабли, Васко да Гама и его переводчика, говорившего на киконго. Как уверял тогда переводчик, он понимал тонга. Что касается капитан-мора, то он подарил встретившему его вождю красные панталоны, жакет и феску. После передачи подарков переводчик и еще один моряк были приглашены в соседнюю деревушку. По дороге вождь показывал обновку всем встречным, которые вежливо хлопали в ладоши. Обойдя деревушку в новых панталонах, вождь отправился по своим делам, а португальцев отвели в одну из хижин. Там их накормили просяной кашей с курицей, «как в Португалии». Отдохнуть в хижине оказалось не просто: всю ночь напролет туда шли жители деревни посмотреть, как выглядят необычные гости.

<http://lib.tor1.ws> - Бесплатная электронная библиотека

Капитан не стал задерживаться у тонга, так как по-прежнему дул попутный ветер, чем надо было пользоваться. Через десять дней пути, 25 января 1498 г., экспедиция приплыла в края не менее гостеприимных банту, насельников Нижнего Замбези и территорий, лежащих далее на север. Здесь, в устье Келимане, португальцам пришлось пробыть около месяца среди предков современных макуа и малави. Васко да Гама счел необходимым вытащить корабли на берег и основательно почистить днища; заодно была починена мачта на «Св. Рафаиле».

В устье Келимане кто-то из африканцев объяснил португальцам, что раньше видел крупные корабли, правда, не здесь, а в других местах. Было ясно, что экспедиция находилась поблизости от районов,

населенных арабами, от тех частей Восточной и Северо-Восточной Африки, которые были известны по описаниям арабских и европейских путешествий. И действительно, арабские поселения лежали недалеко; более того, два из них находились к югу от устья Келимане. Таким образом, еще до прибытия в район Келимане экспедиция прошла мимо этих арабских поселений — Иньямбане (к северу от него в XX в. сохранились руины арабской деревни) и Софала, где потом появился португальский форт. Но, может быть, Васко да Гама знал, что прошел мимо Софалы, центра торговли золотом? Может быть, он это сделал умышленно, не желая рисковать кораблями там, где однажды, судя по лоции ибн Маджида, европейские корабли перевернулись, не справившись с муссоном?

Сведения о том, что золото добывали на юг от Египта, возможно на африканском побережье, восходили к древности. По Библии, Соломон отправил один из своих кораблей через Красное море в некую страну Офир, откуда получил золото. Офир также поставлял обезьян, павлинов, драгоценные камни и красное дерево, из которого изготовляли гусли.^[74] Скорее всего, на гусях из дерева далекой африканской страны играл Соломон, складывая Песню песней.

Но плавание Васко да Гамы прежде всего было подчинено не поискам африканских сокровищ, а открытию пути в Индию. Для Диаша и Васко да Гамы страны Южной и Восточной Африки были капами пути, на котором следовало найти стоянки для кораблей, Разведать удобные подходы к Индии. Португальские

---

⁷⁴ Третья книга царств. 9. 26–28; 10. 11–12, 22.

моряки знали, что в бассейне Индийского океана шла торговля золотом, в том числе на африканском побережье, откуда помимо золота вывозили Слоновую кость и рабов. Но португальцы прошли мимо Софалы, и остается гадать, было ли это случайностью или Васко да Гама намеренно обошел опасный в судоходном отношении участок побережья. В других районах, где побывала экспедиция, торговля золотом была сравнительно ограниченной. Что касается Софалы, то тут золото поступало из смежных внутренних районов, населенных шона. Верховный правитель шона, титуловавшийся, по рассказам арабов, момотапа (отсюда — государство Момотапа), превратил добычу золота в одну из повинностей рядовых общинников. Из Момотапы через арабов и их клиентов золото доставляли в Софалу, а оттуда — на Занзибар или в Момбасу.

Возможно, предки тонга, макуа и малави вообще не знали о золоте Момотапы, поскольку торговля этим товаром лежала вне сферы их интересов. И, конечно, они не подозревали, что наиболее значительные запасы золота находились не в Момотапе, а значительно южнее, в районе Хребта чистых вод — Витватерсранда, как назовут его голландцы. Там золото будет открыто в XIX в. почти одновременно с алмазами в среднем течении Оранжевой. Диаш и Васко да Гама должны были пройти на своих кораблях вдоль побережья, оставив без внимания глубинные районы. А именно эти районы, как потом выяснилось, обладали самыми большими в мире запасами золота и алмазов, богатствами, которые португальцы рассчитывали найти в далекой Индии.

Стоянки близ бухты Делагоа и в устье Келимане позволили португальцам ознакомиться с миром

прибрежных банту. Это не были отсталые готтентоты или еще более отсталые бушмены, хотя португальцы их всех объединят общим названием кафры (от арабского «кафир» — язычник). Тонга, макуа и малави в отличие от скотоводов-готтентотов были земледельцами, такими же, как другие родственные им народы Центральной Африки, включая Нижнее Конго. Жители тропических лесов и саванн, они умели обрабатывать металлы. Велью, в частности, поминал железные наконечники их копий, оловянные палочки, которыми женщины протыкали губы, находя, что это необходимо для привлекательности. Жили они в хижинах с коническими соломенными крышами (а готтентоты покрывали свои жилища шкурами). Хижины банту, как и готтентотов, обычно объединялись в селения с центральной площадью, которые португальцы назовут курралями — загонами для скота. Это португальское слово войдет в южноафриканскую лексику с голландским искажением как крааль, а в американскую — в испанском варианте, корраль. В первом случае оно будет обозначать поселение коренных южноафриканцев, во втором — по-прежнему скотный двор.

Далекое плавание, тянувшееся уже более полугодом, подрывало здоровье португальцев, и в устье Келимане многие моряки болели цингой. Болезнь свидетельствовала о неблагоприятном положении с питанием, о том, что у Васко да Гамы кончались свежие продукты, запасенные в Португалии. Редкое население в устье Келимане не могло прокормить крупную экспедицию. Велью, правда, поминал, что там «изобиловали различные фрукты, которые едят местные жители». Но, по-видимому, эти фрукты мало или совсем не употреблялись португальцами, а возможно, не имели

существенных противощинготных свойств. Лишь в дальнейшем, после ухода Васко да Гамы из устья Келимане, Велью помянет лимоны и апельсины, которые капитан-мор получил в арабских портах Восточной Африки.

В конце февраля 1498 г. Васко да Гама покинул устье Келимане и через неделю подошел к Мозамбику, первому неевропейскому порту на своем пути.

Экспедиция достигла сферы арабского влияния, охватывавшей Северную Африку, Переднюю Азию, ряд прибрежных районов Восточной Африки, Индии, Юго-Восточной Азии. У побережья Восточной Африки арабы владели многими островами кораллового происхождения. Далее на северо-восток лежала Индия, где ряд государств принял ислам — религию торговцев и завоевателей, арабов, тюрков и других. В XIII–XV вв. ислам также распространился на п-ове Малакка и в Малайском архипелаге. Сфера арабского влияния в Индийском океане, конечно, не была тихой заводью и правили в ней не только рыночные законы. Безопасности торговли, как и в Средиземноморье, угрожали столкновения различных правителей, пиратство. И все же сложилось единое торговое пространство с господством арабского языка, со схожими нормами мусульманского права, касавшимися, в частности, судоходства, портовых и таможенных сборов.

По «арабскому морю», каким был в течение веков Индийский океан, путешествовали купцы многих стран. В индийских портах можно было встретить гостей из Юго-Восточной Азии, со всего Ближнего Востока, из Средней Азии, Восточной и Западной Европы. Выходцы с Малайского архипелага стали заселять Мадагаскар не

позднее 1000 г. н. э. Они же устраивали набеги на прибрежные арабские поселения Восточной Африки, где, как и в Индии, бывали купцы из разных стран. Осколки китайского фарфора, которым торговали везде в бассейне Индийского океана, — обычные находки археологов при раскопках в прибрежных центрах Восточной Африки. Что касается самих арабов, то они здесь появились еще в Доисламский период. «Арабские мореходы и торговцы, — пишет английский историк Г. Фриман-Гренвил, — вступали в браки с туземками. Они знали все их деревни, понимали их языки и говорили на них. Конечно, это было начало смешения, приведшего к образованию суахили, всеобщего языка общения в современной Восточной Африке». Суахили, по мнению специалистов, возник в XII–XIII вв. как результат синтеза различных языков банту, подвергшихся арабизации. Новый язык сохранил строй своих африканских предшественников, но в упрощенном виде. 40 % словаря суахили составляет арабская лексика.

Арабские порты были способны обеспечить Васко да Гаму продовольствием и водой, дать отдых экипажам. Особого выбора у капитан-мора не было. Помимо арабских портов Восточной Африки можно было воспользоваться лишь берегами Мадагаскара; но о них было мало что известно, разве только то, что население там было редким и довольно бедным. К тому же преимуществом арабских портов была возможность найти в них опытных кормчих, знающих путь в Индию. Без таких кормчих Васко да Гама не рисковал плыть по совершенно незнакомому Индийскому океану. Если проследить его путь после Сент-Хелины, то окажется, что он все время следовал вдоль африканского берега, почти не отрываясь от него, явно боясь его потерять. Из этого,

в частности, можно заключить, что капитан-мор не доверял сведениям об Индийском океане, ранее собранным в Европе. В глазах его самого и его кормчих ценнее всего были собственный опыт, собственная информация о расстояниях, течениях и ветрах от мыса Доброй Надежды до арабских портов и т. д. Никакие известные Васко да Гаме описания Индии не давали географических координат, и капитан-мор не собирался плыть наобум, куда-то на восток в поисках полулегендарных земель.

Северная часть Мозамбикского течения не стала значительной помехой для португальской экспедиции. Благодаря попутным ветрам, путь от Мозамбика до Момбасы, следующей стоянки Васко да Гамы, занял всего неделю. За это время было пройдено около 600 миль. Если до Мозамбика капитан-мор видел в основном низкие, нередко заболоченные края, то теперь, на выходе из Мозамбикского пролива, он достиг приморских равнин, где саванны чередовались с тропическими лесами, а вдоль берегов встречались мангровые заросли. Подходить к берегу было рискованно, так как он был прикрыт бесчисленными коралловыми островами с узкими проходами, заливами, полуостровами, созданными теплым течением.

В арабских портах предстояло наладить отношения с местными властями, что для Васко да Гамы оказалось не просто. В Мозамбике, первой арабской стоянке, вначале все шло хорошо. По просьбе португальцев арабские власти дали им двух кормчих, но потом отношение к Васко да Гаме изменилось. Дело дошло до столкновений, так как, по утверждению португальских хронистов, арабам стало известно, что Васко да Гама и его спутники — христиане. В Момбасе через три дня

после прибытия на португальцев было совершено нападение. Фактически они почувствовали себя в относительной безопасности лишь в Малинди, где была их последняя стоянка в арабских портах Восточной Африки.

Трудно без оговорок принять утверждение о том, что арабы желали расправиться с Васко да Гамой как христианином. Это утверждение — лишь одна из возможных версий, поскольку хронисты одновременно сообщали ряд фактов, которые не вяжутся с однозначным объяснением поступков местных жителей. Если антихристианские настроения играли определяющую роль, то почему они распространялись только на португальцев? Сами хронисты писали, что португальцы встречали в арабских портах христиан из Индии и Эфиопии. Было известно, что европейские купцы время от времени появлялись на сомалийском побережье и в других районах Восточной Африки, где к ним относились как ко всем прочим иностранцам немусульманам, не лучше и не хуже. Наконец, почему порт Малинди стал исключением и почему лишь там португальцы почувствовали себя в безопасности? В Малинди жили те же мусульмане, правда, это были арабы, смешавшиеся с персами. Так или иначе, будучи мусульманами, жители Малинди не собирались нападать на португальцев.

<http://referat-menedjment.linkoff.org> - Скачать рефераты, курсовые и дипломные работы по менеджменту

Утверждение, что в Мозамбике столкновения были вызваны религиозным фанатизмом, а не иной причиной, преподносилось, как истина, не требующая

доказательств. Велью добавлял, что о «желании убить нас предательски» поведал португальцам один из взятых в Мозамбике на борт кормчих.^[75] Однако, судя по Велью, конфликт начался не с каких-либо выпадов против христианской религии, а с того, что несколько лодок попытались помешать шлюпкам Васко да Гамы взять на борт близ Мозамбика своего кормчего. Кроме того, арабы, объясняясь знаками, потребовали от капитан-мора «вернуться в город», т. е. в Мозамбик, может быть, для оплаты портовых сборов или по другой причине. Капитан-мор ответил на это требование артиллерийским огнем, после чего португальцы отправлялись на берег лишь большими группами и с оружием. Они еще трижды открывали огонь, так как местные жители пытались помешать им брать воду.

В Момбасе новое столкновение с арабами, по-видимому, было продолжением того, что произошло в Мозамбике. Дело в том, что, покидая Мозамбик, Васко да Гама близ этого порта напал на три лодки-долбленки, которые были разграблены, а команда одной из них задержана. В Момбасе часть задержанных сбежала вместе с двумя добровольцами-кормчими, доставленными из Мозамбика; вслед за тем Васко да Гама приказал положить двух оставшихся африканцев под «капельницу» — воронку, из которой текла кипящая жидкость. Под пыткой пленные заявили, что арабы Момбасы готовились захватить португальскую флотилию из мести за столкновения в Мозамбике. Удивительно лишь, как пленные могли знать о намерениях арабов Момбасы, когда сами только что прибыли из Мозамбика. С трудом можно допустить, что слухи о событиях в

---

⁷⁵ Velho A. Op. cit. P. 23.

Мозамбике достигли Момбасы за те три дня, которые здесь провели португальцы. Но в любом случае бегство кормчих и пленных, спасавшихся от европейских моряков, не предвещало ничего доброго Васко да Гама. Беглецам было что рассказать своим соплеменникам в Момбасе. И о том, что Васко да Гама напал на три лодки у Мозамбика; и о том, что через два дня после этого он велел бить кнутом одного из кормчих, когда тот спутал африканский берег с прибрежным коралловым островом.

В первую ночь после бегства пленных на португальские корабли пытались взобраться вооруженные арабы, которых отогнали. Капитан-мор простоял в порту еще три дня, то ли ожидая благоприятного ветра, то ли надеясь, что ему пришлют кормчих, которых он запросил сразу по прибытии в Момбасу. Не дождавшись кормчих, он отправился в Малинди, в полусотне миль к северу от Момбасы. По пути капитан-мор захватил еще одну долбленку с 17 гребцами и богатым арабом-пассажиром. Возможно, захватывая арабских моряков, Васко да Гама пытался найти среди них кормчих, способных повести экспедицию в Индию. Так или иначе, по прибытии в Малинди всех пленных отпустили, что облегчило переговоры с местными арабами, которые согласились дать хорошего кормчего. Переговоры велись на лодках, стоявших рядом с португальскими кораблями. Из предосторожности Васко да Гама отказывался сойти на берег, заявив, что это ему запретил португальский король (в Индии он на время покинет корабль, доверясь местным властям).

Васко да Гама вел себя в Восточной Африке бесцеремонно, и его поведение могло спровоцировать вооруженные столкновения. Тем не менее власти Малинди отнеслись к нему доброжелательно,

по-видимому, рассматривая португальцев как орудие, способное подорвать влияние Килвы — арабского поселения, подчинившего значительную часть побережья. Малинди немного выиграл от сотрудничества с европейцами, и в начале XVI в. он был превращен в рядового вассала Португалии. Напротив, Мозамбик и Момбаса, судя по всему, не собирались оставаться безучастными к конфликтам, связанным с прибытием европейцев в их порты. Они должны были видеть в португальцах своих конкурентов, должны были понимать, что выход европейцев в Индийский океан подрывал арабскую монополию на посредническую торговлю между Востоком и Западом. Взаимному недоверию способствовала религиозная отчужденность, хотя и без нее хватало поводов для конфликтов.

Внимание португальцев к религиозным вопросам было вызвано различными причинами, в особенности — желанием найти в далеких странах опору на единоверцев-христиан. Поиск христиан на Востоке, надо думать, предусматривали инструкции, устные или письменные, которые Васко да Гама получил перед отплытием из Лиссабона. Скорее всего, речь шла о пресвитере Иоанне, разыскивавшемся Ковельяном, о чем уже говорилось. Васко да Гама должен был расспрашивать о пресвитере, так же как Х. Колумб расспрашивал в Новом Свете о потерянном колене Израиля.

Во время пребывания в Мозамбике удалось узнать, что где-то на острове у побережья жили христиане, но, как сообщал Велью, «пресвитер Иоанн находился далеко в глуши, и добраться до него можно было лишь на

верблюдах».^[76] Когда двое местных жителей поклонились изображениям святых на носу португальских кораблей, было решено, что их благочестие — проявление христианской веры. В Момбасе посланцы капитан-мора побывали в доме индийских купцов. Те показали им рисунок с голубем, напомнившим португальцам о Св. Духе. Современные комментаторы, правда, полагают, что равным образом это могло быть воплощение Шивы. Наконец, в Малинди моряки с индийских кораблей однажды, завидев португальцев, воскликнули не то «Кришну, Кришну!», не то «Христос, Христос!». Португальцы склонились к последнему предположению и сочли, что эти индийцы — христиане.

Хотя пребывание Васко да Гамы в Восточной Африке было недолгим, он собрал немало сведений об арабских поселениях. Они располагались на островах, где было легче защищаться, легче поддерживать сносные санитарные условия. Корреа писал о наиболее влиятельном арабском городе, Килве, как о сеньории во главе с единовластным правителем. Сеньория, по его словам, представляла собой владение «одного мавра, у которого не больше земли, чем занимает сам город». Корреа сбрасывал со счетов, что Килве подчинялись другие города, что многие из них контролировали прибрежные континентальные территории, предпочитая, правда, туда не углубляться. Такой город, как Занзибар, располагался на одноименном крупном острове, а потому владел обширными земельными угодьями, примыкавшими к его стенам. Прочие города чаще использовали соседние континентальные территории как

---

⁷⁶ Ibid. P. 22.

аграрное дополнение к своим ремесленным и торговым занятиям.

В арабских поселениях воспроизводился образ жизни Ближнего Востока, но полной аналогии не было, поскольку речь шла об окраине арабского мира, о периферийной культуре, о порядках, к которым примешивались местные африканские веяния. Тяжелые работы выполняли многочисленные черные рабы, для которых ислам существовал в упрощенных формах. На побережье и островах у суахили сохранялись племенные обычаи. Например, в суахилийском поселении Пате власть переходила от представителя одной, старшей возрастной группы, к представителю другой, младшей группы. Даже в XX в. у банту доэ, родственников зарамо, насельников территорий близ Занзибара, была распространена ритуальная антропофагия.

Ближайший потомок участников реконкисты, Васко да Гама смог увидеть в городах Восточной Африки многие черты, знакомые по бывшей арабской части Португалии. Как некогда на его родине, здесь строились мечети, с минаретами и без них, воздвигались дворцы с обширными бассейнами, приемными залами, массой светильников. Жилые кварталы пересекали узкие улицы с выбеленными стенами, достаточно высокими, чтобы не было видно внутренних дворов, и в то же время способными дать необходимую для отдыха тень. Дома строили из коралловых блоков, зачастую в несколько этажей. Рядом с такими домами, массивными, как крепости, располагались семейные кладбища. Вдоль улиц по фасадам тянулись балконы, окна и двери украшала деревянная резьба. Через низкие окна первого этажа тусклый свет проникал в помещения, отведенные рабам. Эти окна были забраны железными прутьями, бежать

было почти невозможно, да и переправиться с островов на материк без посторонней помощи было нелегко. Побег, как и любое проявление недовольства, жестоко карался. Строптивный раб должен был знать, что таких, как он, принято замуровывать в стены или фундаменты хозяйских домовладений.^[77]

Борьба за влияние между арабскими правящими группами не мешала им видеть общность своих интересов, поддерживать самыми суровыми мерами установленный порядок, для чего служили вооруженные свиты. Многие состоятельные арабы пребывали безвыездно в своих резиденциях. Там они вели скрытую от посторонних глаз жизнь в окружении невольников и гаремных красавиц, поручая своим отпрыскам-полукровкам доставку товаров в прибрежные области Черного континента и оттуда, отправляя африканские товары (золото и рабов прежде всего) через купцов и моряков, приплывавших из стран Ближнего Востока и Индии.

В арабских поселениях смешивались расы и языки. Велью поминал, что уже в первом порту, куда прибыл Васко да Гама, — в Мозамбике — у арабов был «красноватый» оттенок кожи, отличавший их от белых соотечественников Северной Африки. Вне зависимости от цвета кожи это были носители ближневосточной цивилизации. Они строили свои города, пользуясь новыми для Тропической Африки техническими приемами, обрабатывая камень, связывая деревянные конструкции. На своих плантациях они вводили новые культуры: цитрусовые, гранат, кенаф и проч. Важную

---

⁷⁷ Stuhlmann F. Beiträge zur Kulturgeschichte von Ostafrika. Berlin, 1909. S. 854–861.

роль в их жизни играло судоходство, что особенно интересовало Васко да Гаму, желавшего разузнать возможности торговли в Индийском океане, оценить военный потенциал арабских кораблей.

Арабы называли свои корабли дау, заимствовав это слово, по-видимому, из языка маратхов — жителей района современного Бомбея. Как у арабов, так и у индийцев дау имели косые паруса, удлиненный нос, высокую корму с надстройкой, открытую среднюю часть палубы. Нижний угол на косых парусах срезался почти отвесно, что придавало им вид трапеций с неравными сторонами. У крупнотоннажных кораблей (150–400 т) корма могла быть тупой. На этих кораблях строили полуюты, но, как и мелкотоннажные, они не имели более двух мачт, причем одну — уменьшенных размеров. Дау небольшого водоизмещения, до 200 т, строились с острой кормой и острым носом. По мореходным качествам дау уступали португальским трехмачтовым нау и каравеллам с их многочисленными парусами, позволявшими лучше использовать ветер. Многие дау проигрывали и в прочности конструкции, не имели киля. Остов и обшивку корабля сшивали растительными волокнами, не применяя железа. Маневренность ограничивалась, поскольку вместо рулей стояли рулевые весла. Арабы и индийцы не пользовались насосами, воду из трюмов вычерпывали кожаными ведрами. Дау уступали европейским кораблям в военном снаряжении, они редко располагали артиллерией.

В известной мере арабы и индийцы компенсировали недостатки своих кораблей навигационными знаниями и опытом. Они употребляли компас, квадрант и карты, их кормчие составляли лоции. Издавна моряки бассейна Индийского океана совершали дальние, в том числе

трансокеанские переходы, пользуясь муссонами. Эти устойчивые ветры, меняющие в зависимости от сезона направление на 120–180°, дуют здесь с юго-запада в апреле—октябре и с северо-востока в октябре—апреле. Дважды в год была возможность с помощью муссонов пересечь океан между Юго-Восточной Азией и Африкой. Вне сферы муссонов также были воздушные течения с определенной периодичностью, нужные морякам. В мае—ноябре в Красном море дул северный ветер; в прочие месяцы он исчезал, но Между Джиддой и Баб-эль-Мандебским проливом в это же время появлялся южный ветер.

<http://referat-ekonomika.linkoff.org> - Скачать рефераты, курсовые и дипломные работы по экономике

У Джидды корабли нередко попадали в полосу штиля, продвижение становилось невозможным, а потому этот порт стал перевалочным пунктом на пути между Индийским океаном и Средиземным морем. Грузы могли застрять на складах, купцы могли понести убытки; приходилось прибегать к сухопутным перевозкам, например, между Джиддой и Египтом по караванным путям. Европейским конкурентам, которых представлял Васко да Гама, следовало учесть, что возможности морской перевозки грузов не будут безграничны. При всей его выгодности маршрут вокруг Африки был растянут и длителен, а потому при долгих рейсах скорость доставки груза морем могла быть сравнима с сухопутной.

Все эти соображения были учтены позднее, а пока что Васко да Гама нуждался в информации, необходимой для завершения экспедиции в Индию. Согласие правителя Малинди дать кормчего решало дело. По

словам Велью, этот кормчий был христианин, хотя Гойш и другие хронисты об этом не упоминают, ограничиваясь утверждением, что он был выходцем из Гуджарата (Северо-Западная Индия) и что его звали Малемо Кана или Канака. «Малемо» — искаженное арабское «маллим» — «учитель», а «канака» — по-тамильски «астролог», «математик». Француз Г. Ферран, специалист по арабским и малагасийским рукописям, опубликовал в 1922 г. статью о маллиме, прозванном Канака. В одной из йеменских хроник он нашел упоминание, что португальские корабли взялся вести Ахмад ибн Маджид. Он был выходцем из Омана (а не Гуджарата), автором лочий и мореходных инструкций.

Русский переводчик и комментатор ибн Маджида, Шумовский, был согласен с мнением Феррана, опиравшегося на йеменскую хронику. Но английский исследователь Дж. Тиббеттс, также переводивший и комментировавший ибн Маджида, занял иную позицию. Он подчеркивал, что португальцы называли своего кормчего выходцем из Гуджарата, а не из Омана. По словам Тиббеттса, йеменская хроника тенденциозна, поскольку обвиняет ибн Маджида в том, что он пьянствовал с португальцами.^[78]

Кто бы ни был кормчий Васко да Гамы, он прекрасно знал свое дело. Как писал Барруш, арабский кормчий показал капитан-мору «карту всего берега Индии с нанесенными по обычаю мавров меридианами и параллелями...». В свою очередь Васко да Гама

---

⁷⁸ Ferrand. G. Le pilote arabe de Vasco da Gama et les instructions nautiques arabes au XVe siècle. — Annales de géographie. Paris, 1922. № 172. P. 289–307; Ибн Маджид А. Книга польз. Об основах и правилах морской науки. М., 1985. [Т] I. С. 144 и ел.; Tibbetts G.R. Arab Navigation in the Indian Ocean before the Coming of the Portuguese. London, 1971. P. 9–11.

продемонстрировал европейские навигационные инструменты. Увидев их, арабский кормчий заметил, что такими же инструментами пользуются его соотечественники, плавающие в Красном море.

Капитан-мор пробыл в Малинди 10 дней. Хорошее питание, в том числе цитрусовые, поставило на ноги больных. 24 апреля 1498 г. экспедиция подняла якоря и взяла курс на северо-восток, к Лаккадивским атоллам, за которыми лежала Индия.

* * *

Знания Васко да Гамы об Индии, цели его путешествия, до отплытия из Португалии, по-видимому, не превосходили то, что давали устаревшее сочинение Марко Поло и сообщения Ковельяна. Эти знания, во многом отрывочные, включали сведения о политической обстановке, торговле, истории, нравах и обычаях. Представления о цивилизации Индии еще не отделились от представлений о цивилизации Востока вообще. Лишь позднее, когда в европейских колониях появилось немало миссионеров, стало возможно широкое изучение местных языков. Через арабские, персидские, а затем индийские источники пришло знакомство с философией, математикой, медициной индийцев. Оказалось, что заметная часть духовных и материальных достижений Востока, постепенно открывавшихся европейцам со времен античности, была индийского происхождения. Это были философские доктрины, разнообразные знания прикладного и абстрактного характера, начиная от металлургии и кончая десятичной системой счисления.

Конечно, об Индии многие европейцы во времена Васко да Гамы знали не только по сочинению Марко Поло

и сообщениям Ковельяна. Из Индии поступали также другие сообщения (особенно в Геную и Венецию), но они были недоступны португальцам, их содержание стало известно намного позже. В XIX в., когда в Англии историко-географическое Хэклутское общество решило опубликовать часть подобных сообщений из далекого прошлого, оно отобрало четыре повествования: хорасанского посла Абд ар-Раззака, итальянцев Н. Конти и Г. ди Санто Стефано, русского купца А. Никитина. Все четыре повествования XV в. носили комплексный характер и во многом дополняли друг друга. Персидский и итальянские тексты были опубликованы на Западе еще до их издания Хэклутским обществом. Старорусский текст был переведен на английский специально для общества секретарем русского посольства в Лондоне графом М.М. Виельгорским-Матюшкиным.

В XV в. Индия была раздроблена как на Севере, где жили народы индоевропейской языковой семьи, так и на Юге, населенном Дравидами. За 200 лет до путешествия Васко да Гамы почти весь полуостров подпал под влияние Делийского султаната, созданного вусульманами-тюрьками. Он был разгромлен Тамерланом, на его месте на Севере образовались мелкие мусульманские султанаты. Северо-западное побережье (где еще не был создан Бомбей) в XV в. поделили три государства, в том числе Гуджарат, а в центральной и Восточной частях полуострова насчитывалась еще дюжина независимых областей. На дравидском Юге утвердилась индуистская империя Виджаянагар, подчинившая небольшие государства юго-западного побережья, такие, как Каликут (ныне Кожикоде), Кочин (ныне Кочи), Каннанур. Там в течение нескольких веков жило немало арабов, занятых торговлей и судоходством.

Индуистские правители разрешали им строить мечети, придерживаться своих обычаев, иметь особые суды. Были здесь также общины христиан-несторианцев, евреев и др.

На юго-западном побережье (Малабарский берег) господствовал кастовый строй, державшийся на рабстве и поборах с крестьян-арендаторов, с ремесленного и торгового люда. Культура и религия были в руках касты брахманов индоевропейского происхождения. Вожди разных рангов опирались прежде всего на касту воинов. Вожди вели между собой бесконечные войны, в которые старались не втягиваться иностранные купцы. Войны могли быть начаты с разрешения вышестоящих правителей, и в этом случае они считались своего рода рыцарскими поединками. Если разрешения не было, войны превращались в частное занятие вождей, которые, одержав победу, были способны уничтожить все мужское население проигравшей стороны.

Южане-малабарцы были малаяли. Так называется многочисленный народ дравидийской языковой семьи, к которой также принадлежат тамилы и телугу. Среди них были люди разного типа, сочетавшие признаки белой и черной рас: телосложение и черты лица европейцев, темный цвет кожи, как у африканцев, волнистые волосы. Культура малаяли восходила ко временам государства Керала, возникшего до нашей эры, а литература на их языке перед путешествием Васко да Гамы насчитывала пять веков существования. В обществе малаяли иностранцам, в том числе Конти, Абд ар-Раззаку и Никитину, бросались в глаза обычаи, несовместимые с их собственными: почитание коров, свобода женских нравов (с учетом кастовых правил), многоженство и многомужество, самосожжение вдов. Понятнее

европейцам был «божий суд», который фактически сохранялся в Европе инквизицией. В Индии, чтобы доказать свою правоту, обвиняемые лизали раскаленное железо. Осужденных за тяжкие преступления сажали на кол, а в Виджаянагаре их клали под копыта слонов.

Флотилия с крестами на парусах, пройдя экватор, оставила далеко за собой африканское побережье с почти безлюдными тропическими лесами и саваннами, редкими вкраплениями арабских поселений на коралловых островах. Не таким был Малабарский берег, когда его завидели португальские моряки. Подобно Африке он явился во всей тропической красе, но выглядел иначе. Индия открывалась перед Васко да Гамой как цветущая прибрежная равнина с множеством озер, образовавшихся от обильных вод, которые принесли муссоны. Ухоженные рисовые чеки простирались от берега океана до непрерывной цепи гор, Западных Гат, лежавших в дымке за несколько десятков километров. Уступы гор, покрытые яркой зеленью, прорезали серпантинные дороги, уходивших в глубь страны. Это был густонаселенный край. Вдоль берега сновали рыбацкие парусники, время от времени появлялись крупные купеческие корабли. Часть прибрежных озер вытягивалась в лагуны, сливалась с ними, образуя для небольших кораблей удобный путь, позволявший идти по тихой глади вод, избегать непогоду в океане. В устьях рек размещались полные жизни портовые города с шумными базарами, с дворцами и храмами невиданной архитектуры. Впрочем, недалеко от ступенчатых пирамид, возвышавшихся над индуистскими храмами, кое-где поднимались знакомые со времен арабских завоеваний на Пиренейском полуострове минареты и купола мечетей.

18 мая 1498 г., когда с португальских кораблей стали видны Западные Гаты, Васко да Гама не пошел прямо на восток, к берегам Индии. Флотилия повернула на юго-юго-восток, вдоль берега, направляясь в Каликут, который капитан-мор предпочел другим индийским портам. Еще недавно Каликут был малоизвестен, и Марко Поло, побывав в Индии за 200 лет до Васко да Гамы, ничего о нем не писал. Но ибн Баттута (1304–1377) назвал его среди крупнейших портов, а Никитин считал важность Каликута само собой разумеющейся. «А Келекот же есть пристанище Индейского моря всего, а пройти его не дай бо никакову костяку (кораблю). А кто его не увидит, тот поздорову не приидет морем. А родится в нем перец, да зеньзебил, да цвет, да мошкат, да каланфур, да корица, да гвоздики, да пряное коренье в нем родится много. Да все в нем дешево, да кул да калавашь писаар хубь сия [рабы и рабыни очень хорошие, черные]». ^[79] Прошло менее двух веков, и слово Каликут как «калико» вошло в западноевропейские языки для наименования плотных хлопчатобумажных тканей, поступавших из Индии. В русском языке каленкором (от арабского «калам» — «тростник») стали называть сильно проклеенную ткань, по-видимому, не без влияния того, что немцы именовали «калико».

Часть названных Никитиным пряностей производилась близ Каликута, часть — в других районах Индии и за ее пределами, в том числе в странах Юго-Восточной Азии. Каликут давал работу многочисленному населению. Роль торговцев, моряков и рыбаков для океанского порта была очевидна. Кроме

---

⁷⁹ [Никитин А] Хождение за три моря Афанасия Никитина. — Книга хождений. М., 1984. С. 188.

того, город притягивал ремесленников, в частности ткачей, строителей, ювелиров. По преданию, первые ткачи были доставлены в Каликут, чтобы производить шелковые изделия, убранство для религиозных праздников; позднее сложилась специализация на изготовлении грубых тканей. Рядом с ювелирами, выставившими на продажу женские и мужские украшения, трудились кожевники, кузнецы и оружейники, мастера художественных промыслов, заполнявшие рынок чеканными сосудами и блюдами, застежками и светильниками. Строители возводили храмы и дворцы, комбинируя разные материалы (латеритовые блоки, дерево и гранит), сооружали просторные жилые дома. Если в Северной Индии дома теснились вокруг колодцев из-за нехватки воды, то на Малабарском берегу, где влаги было в избытке, жилые постройки стояли вразброс, для них подыскивали участки, укрытые деревьями от палящего солнца.

Каликут был столицей небольшого государства во главе с правителем, титуловавшимся самудриа раджа (по-арабски — саморин). Еще недавно вассал Виджаянагары, он добился независимости благодаря храбрости своих воинов, богатствам страны и выгоды ее географического положения на прибрежной равнине, прикрытой Западными Гатами от вторжений из внутренних районов. Саморин покровительствовал арабам, чья морская торговля дополняла сухопутную торговлю местных купцов, которым, как индуистам, брахманы запрещали поддерживать заморские связи. Арабы смешивались с местным населением, брали жен из низших каст, пополняли мусульманскую общину бедняками, желавшими избавиться от засилья индийской знати. В Каликуте сложилось общество из различных

этнических и религиозных слоев, которые уживались друг с другом (правда, кое-где на побережье арабы утвердились силой оружия). Был создан благоприятный климат для торговцев с разными языками, религиями и цветом кожи. Абд-ар-Раззак подчеркивал профессиональные достоинства служилых людей саморина, работавших на таможне, охранявших иностранных купцов и их грузы.^[80]

<http://referat-pravo.linkoff.org> - Скачать рефераты, курсовые и дипломные работы по государству и право

20 мая Васко да Гама бросил якорь в двух лигах (шести с лишним милях) от Каликута. Вскоре подплыли лодки; с них запросили, откуда пришли корабли. На следующий день лодки вернулись, переправили на берег посланца Васко да Гамы. Капитан-мор, будучи настороже, первым отправил на берег в разведку преступника, знавшего арабский язык. Индийцы доставили его к «двум маврам из Туниса», один из которых оказался кастильцем, принявшим ислам. Накормив португальца, кастилец сам отправился с ним к Васко да Гаме, предложил свои услуги в качестве посредника и переводчика.

Неделю пришлось ждать аудиенции у саморина. Она была обставлена с такой торжественностью, что в описании Велью заняла чуть ли не главное место среди событий, связанных с пребыванием в Индии. Велью сам был на аудиенции вместе с группой португальцев. Все они воспользовались редким случаем спуститься на берег, так как Васко да Гама неохотно отпускал моряков

---

⁸⁰ Sreedhara Menon A. Social and Cultural History of Kerala. New Delhi a.o., 1979. P. 128–130, 276; [Abd-er-Razzak] Narrative of the Voyage of Abd-er-Razzak. — India in the Fifteenth Century. Hakluyt Society. N 22. London, 1857. P. 14.

с кораблей, опасаясь, не без оснований, столкновений с местными жителями.

На улицах города собрались толпы посмотреть на европейцев. Индийцы, писал Велью, не всегда черны, и, конечно, те, кто не мусульмане, — сплошь христиане. «Кое-кто носит бороды и отпускает волосы, другие — коротко стриженные или бритые — оставляют один клочок волос на макушке в знак принадлежности к христианству. Они также отращивают усы и прокалывают уши, чтобы вставить в них много золота. Одеваются лишь до пояса». Велью не знал, что кастовый строй накладывал отпечаток на внешний облик индийцев. В Каликуте разрешалось прикрывать все тело одеждой лишь брахманам, мусульманам и христианам, т. е. незначительному меньшинству населения. Саморин облагал особыми сборами тех, кто имел усы, владел зонтиком, носил дорогие одежды и украшения.

На берегу Васко да Гама ждал паланкин с шестью носильщиками и почетный эскорт из 200 воинов с обнаженными мечами. В их сопровождении португальцев отвели в храм впечатлявших размеров, украшенный скульптурами и росписью. Спутники капитан-моря, хотя и не все, готовы были поверить, что кругом — христиане. К этому их, в частности, подталкивало изображение «богоматери» посреди храма — то ли скульптура, то ли картина. Близ изображения находились жрецы, которые указывали на него и восклицали: «Мари, Мари!» (в Каликуте особо почиталась Мари — богиня оспы). Один из португальцев, Ж. да Са, встал на колени, сказав Васко да Гаме: «Пусть это — дьяволы, я верю в истинного Бога», на что капитан-мор только улыбнулся. Присутствующим были розданы маленькие белые лепешки, по составу напоминавшие глину; их полагалось

прилепить на лоб и грудь. Васко да Гама сказал: «Потом», и тем самым лишил себя благосклонности богов, которую мог было обрести с помощью этой священной смеси земли с коровьим пометом.^[81]

За посещением храма последовала прогулка по реке на катамаране, затем было шествие по людной улице, где эскорт расталкивал Все более плотную толпу, желавшую видеть португальцев. Когда добрались до дворца, эскорт смог очистить проход у парадных дверей только с помощью кулаков. В главном зале саморин, обложенный подушками, на бархатном ложе жевал бетель — смесь из пряных листьев, семян арековой пальмы и извести. Велью не стал описывать правителя Каликута, возможно, не найдя его достаточно занимательным. Правда, португальский офицер не упустил из вида, что саморин сплевывал бетель в золотую миску, вмещавшую пол-алмуда, т. е. больше ведра. Корреа, склонный к подробностям, не обошел саморина вниманием. По его словам, он был черен, как смоль, и обнажен до пояса; длинные волосы были затянуты узлом, а шею, руки и набедренную повязку покрывали драгоценности, поражающие своей величиной.

Гостям разнесли фрукты, затем саморин и капитан-мор удалились в соседнюю палату. Там Васко да Гаме дали возможность рассказать правителю Каликута все, что он желал. Капитан-мор прочитал хвалебное слово о могуществе и богатстве своего монарха, Мануэла, о том, что тот послал его найти на Востоке христианских правителей. Именно такой была цель путешествия, а не поиски золота, которого в Португалии и без того много. В

случае, если Васко да Гама не справится со своей задачей и не отыщет одного из христианских правителей, ему отсекут голову. А найдя христианского правителя, капитан-мор вручит ему два королевских письма (Корреа уверял, что их сочинили на рейде у Каликута). Саморин все выслушал и сказал, что всегда рад послам и готов считать Мануэла братом.

Аудиенция закончилась в четыре часа пополудни; Васко да Гаму и его людей отправили было в дом для гостей, но они предпочли заночевать у сопровождавшего их гостеприимного торговца-араба. Поутру капитан-мор вернулся на берег, а на следующий день было решено начать закупку пряностей у купцов Каликута. Кроме того, предстояло передать саморину разные португальские изделия в виде даров.

Торговля и передача даров принесли португальцам немало хлопот и разочарований. Служители саморина вообще отказались принимать дары, пока их не обследуют. После обследования Васко да Гаме дали понять, что его подношения недостойны саморина. Хлопчатобумажные изделия, тазы, бочонки с медом и растительным маслом были хороши, по мнению индийцев, для вождей африканских племен, а не для их правителя. Капитан-мор пожелал объясниться непосредственно с саморином. Ему дали такую возможность, препроводили во дворец, где индийский правитель принял его на этот раз довольно холодно, без желания осуждать своих служителей.

Капитан-мор пришел к выводу, что саморин и его люди руководствовались мотивами, о которых умалчивали. В конце концов они были в дружеских отношениях с арабскими купцами — конкурентами

европейцев. Возможно, поразмыслив, индийцы решили, что следовало свести к минимуму торговлю с португальцами. Саморину, по всей видимости, не было смысла продолжать выказывать знаки внимания Васко да Гама с его неприхотливыми дарами и тем самым отдаляться от арабской общины с ее богатствами и торговыми связями с разными странами. Кроме того, Васко да Гама обнаружил, что индийцы желают держать его под контролем. Он проявил твердость и отказался выполнить требование сдать на берег паруса и рулевые устройства кораблей по обычаю, принятому для иностранных моряков в Египте. Португальским морякам, которых капитан-мор отправил торговать, не разрешали возвращаться на свои корабли, и фактически их превратили в заложников. Самого Васко да Гаму после визита к саморину два дня задерживали на берегу, ссылаясь на то, что лодки не могли подойти к флотилии в плохую погоду и т. д..^[82]

Несмотря на конфликты с каликутцами, Васко да Гама простоял у их города более трех месяцев. Он не захотел отправиться в другой порт, понимая, по-видимому, что Каликут — крупнейший торговый центр, и он вряд ли найдет за его пределами товары по более низким ценам. Португальцы скупали в Каликуте пряности и драгоценные камни по мере того, как удавалось что-то продать из европейских товаров. Наконец в середине августа 1498 г. капитан-мор решил, что пришло время возвращаться. Страна пресвитера Иоанна не была найдена, но был открыт морской путь в Индию, а приобретенных пряностей и драгоценностей

---

⁸² Velho A. Op. cit. P. 49–68.

хватало, чтобы окупились расходы на дорогостоящую экспедицию.

Свое намерение отплыть из Каликута Васко да Гама не стал скрывать от индийцев. Более того, он собирался показать, что три современных корабля обеспечивают ему прочные позиции в иностранном порту. Саморину были отправлены прощальные дары, по-видимому, небольшой ценности. Одновременно правителю Каликута были адресованы две просьбы. Во-первых, Васко да Гама хотел, чтобы из портовых складов ему вернули его товары, которые не удалось продать. Во-вторых, капитан-мор без лишней скромности просил саморина передать для короля Португалии своего рода встречные дары по приложенному списку, где, в частности, значились четыре центнера корицы и гвоздики. О португальских морях на берегу не было речи, и, таким образом, Васко да Гама как бы предполагал, что им не помешают вернуться на корабли.

Саморин решил отстаивать свои интересы и прямо связать отплытие Васко да Гамы с судьбой моряков, которые были в руках индийцев. В ответ на предложение капитан-моря отправить в Португалию четыре центнера пряностей было заявлено, что с Васко да Гамы причитаются 600 шарафинов, т. е. более 1,5 кг золота. Уплатив их в счет таможенной пошлины, он мог плыть на все четыре стороны. Впредь до уплаты пошлины товары, остававшиеся на берегу, подлежали аресту, а португальские моряки, которые их охраняли, задерживались. Капитан-моря также известили, что жителям Каликута, ранее посещавшим его корабли (и для торговли, и из любопытства), теперь запрещено это делать.

Казалось, саморин все рассчитал; но он не учел, что любопытство его подданных было сильнее государственных запретов. Каликутцы продолжали ездить к Васко да Гаме, отвозить свои товары, драгоценные камни и проч. Капитан-мор за всем наблюдал с видимым равнодушием, покуда не проведал, что среди посетителей немало лиц с общественным весом. В один прекрасный день он задержал 18 индийцев, в том числе шесть представителей влиятельной касты воинов. Саморина известили, что их отпустят после снятия ареста с португальских товаров и возвращения моряков, спущенных на берег. Поскольку саморин медлил с ответом, ему дополнительно сообщили, что его воины недолго проживут: как истинные индуисты они отказывались принимать еду из нечистых рук португальских христиан.

Саморин освободил португальских заложников и вернул часть товаров, взяв остальные, по-видимому, в счет пошлины. В свою очередь Васко да Гама освободил индийских воинов, но оставил у себя на борту пять других заложников. Посланцам саморина было заявлено, что заложники будут сопровождать индийские товары, закупленные Васко да Гамой. Эти товары, по словам португальцев, следовало бы передать королю Мануэлу вместе с сопроводительным письмом саморина. Так как письма не было, Васко да Гама оказался вынужден взять с собой пятерых индийцев, чтобы они лично поднесли Мануэлу товары, приобретенные в их стране.^[83]

Флотилия покинула Каликут 30 августа 1498 г., направившись вдоль побережья на север. Было решено

---

⁸³ Ibid. P. 59–68.

перед переходом к берегам Африки отремонтировать корабли на островах Анджидив, в 40 милях к югу от Гоа. Васко да Гама посчитал, что непосредственно на побережье Индии ему не дадут сделать это спокойно. Но на примыкавших к матерiku небольших островах он мог чувствовать себя в относительной безопасности. Там было легче обороняться, а от соседей-гоанцев можно было получить продовольствие и т. д.

Через три недели после выхода из Каликута Васко да Гама прибыл к Анджидив и занялся ремонтом, вытаскивая на сушу поочередно «Св. Рафаила» и «Берриу». Были установлены мирные отношения с индийцами из близлежащих селений, с их помощью были пополнены запасы топлива, съестных припасов и воды. В то же время капитан-мор, будучи настороже, не раз выпроваживал с островов тех, кого подозревал как лазутчиков. Однажды, когда к нему привели неизвестного, назвавшегося венецианцем, Васко да Гама велел его пороть. Под плетью тот признался, что был польским евреем, состоял на службе у гоанцев и был послан на разведку. Признания были приняты на веру, еврей остался с португальцами и в дальнейшем был доставлен в Европу. В Лиссабоне его крестили, но он там не прижился. Возможно, узнав, что инквизиция косо смотрит на новообращенных христиан, еврей из Гоа предпочел вернуться в Индию с экспедицией П.А. Кабрала, посланной по пути, который открыл капитан-мор.

<http://referat-history.linkoff.org> - Скачать рефераты, курсовые и дипломные работы по истории

К флотилии Васко да Гамы, стоявшей у Анджидив, дважды приближались индийские корабли. Можно было

предположить, что они намерены воспользоваться тем, что португальцы были отвлечены ремонтными работами. В одном случае, по мнению Белью, корабли были пиратскими (Корреа писал, что это были гоанцы). В другом случае, как сообщили Васко да Гама местные жители, речь шла об эскадре Каликута. Оба раза капитан-мор не был застигнут врасплох. Корабли из Каликута были отогнаны огнем бомбард. Один из них, лавируя, потерял рулевое весло и был брошен командой. Капитан этого корабля потом предлагал португальцам вернуть его за выкуп; но было поздно, так как Васко да Гама сжег свой трофей. Что касается пиратов, то они подобрались к стоянке португальцев ночью и, не решившись нападать в темноте, улеглись спать. Подход их судов был замечен. На рассвете, прежде чем они опомнились, на их палубы полетели горшки с подожженным порохом. Многих пиратов перебили; часть оставшихся в живых Васко да Гама загнал в трюмы своих кораблей, где их заставили выкачивать насосами воду. Из этих пленных уцелели немногие. На обратном пути в Европу португальские моряки испытывали всевозможные лишения, и Васко Да Гама было не до пленных, откачивавших воду, которая сочилась через прогнившие днища.

В начале октября 1498 г., закончив ремонт, Васко да Гама не стал откладывать отплытие к берегам Африки. Был избран маршрут, приблизительно совпадавший с тем, по которому корабли пришли к Индии, т. е. был взят курс на юго-запад, к экватору. Но ветер, который раньше, на пути в Индию, был попутным, теперь стал встречным. Не исключено, что на решение о безотлагательном отплытии на юго-запад, без лоцмана, повлияла угроза столкнуться с турецкими морскими

силами, которые могли подойти с севера, со стороны Аравийского моря, по призыву каликутских арабов. Васко да Гама мог предположить, что режим ветров в Индийском океане к югу от Гоа аналогичен тому, что он наблюдал в Атлантике в тех же широтах, где в это время года северные ветры дуют до экватора. В действительности аналогии не было, и за 10° с.ш. (за южной оконечностью Индии) капитан-мора ждали встречные воздушные потоки.

На полпути между Индией и Африкой из-за неблагоприятных ветров и штилей экспедиция простояла почти два месяца. До этого за все время путешествия Васко да Гама потерял 30 человек; столько же было потеряно теперь. Из текста Велью трудно понять, как вели себя моряки, пухшие от цинги, но Каштаньеда писал, что капитан-мору вновь, как у мыса Доброй Надежды, пришлось заковать в кандалы недовольных. Кормчие советовали вернуться в Индию. Васко да Гама уже собирался так поступить, когда поднялся ветер с востока. С горсткой людей, еще державшихся на ногах — по семь—восемь человек на каждом корабле, — Васко да Гама вышел в январе 1499 г. к побережью Сомали, близ Могадишо.^[84]

Надо было проявить осторожность, чтобы без новых потерь пройти вдоль африканских берегов. У капитан-мора на борту было полно больных, нуждавшихся в свежих продуктах, и все же он не стал останавливаться у незнакомого ему Могадишо. Через несколько дней в районе Пате, когда к экспедиции подошел какой-то корабль в сопровождении лодок, его

---

⁸⁴ Ibid. P. 70–77; Castanheda F.L.de. Op. cit. P. 67–68.

отогнали артиллерийским огнем. 7 января, заведя единственное дружественное поселение, Малинди, Васко да Гама вошел в порт и бросил якоря. На корабли немедленно доставили фрукты, свежую баранину и птицу, но было уже поздно, и многих больных спасти не удалось.

Ввиду уменьшения команды было решено распределить всех моряков по двум кораблям, а третий, «Св. Рафаил», уничтожить. Его сожгли в середине февраля, после ухода из Малинди, в районе Килвы. Васко да Гама снял с него носовое украшение; оно в XIX в. еще хранилось в лиссабонской церкви Богородицы Вифлеемской. Оставшийся путь вдоль Восточной Африки был пройден без приключений с помощью двух кормчих, которых дал правитель Малинди. Несколько раз останавливались, запасались водой и продовольствием подальше от арабских поселений. 20 марта 1499 г. прошли мыс Доброй Надежды.

О последних месяцах путешествия, уже в Атлантическом океане, мало что известно. Текст Велью обрывается на том, что при попутном ветре капитан-мор вышел к Верхней Гвинее. 25 апреля он был в районе отмелей у о-вов Бижагош (будущая португальская Гвинея). Таким образом, экспедиция за месяц прошла в меридианальном направлении столько же, сколько на пути в Индию за три месяца. У Бижагош в бурю корабли потеряли друг друга из виду. Коэлью на «Берриу» в начале июля достиг Лиссабона, а Васко да Гама на «Св. Гаврииле», который вновь нуждался в починке, направился в о-вам Зеленого Мыса. Он не стал продолжать путь на «Св. Гаврииле», опасаясь,

по-видимому, что такое путешествие будет не по силам его брату Паулу, который тяжело занемог.

Полагаться на то, что «Св. Гавриил» быстро дойдет до Португалии, было трудно. У гвинейского побережья пришлось бороться со встречными ветрами, идти, меняя галсы. При маневрах усиливалась течь в трюме, и команда тратила много сил, работая на помпе. Капитан-мор должен был испытывать трудности с продовольствием, так как от мыса Доброй Надежды до Бижагош не было сделано ни одной стоянки. И, конечно, Васко да Гама надеялся, что, задержавшись на островах Северной Атлантики, он получит свежие продукты, необходимые Паулу. Поэтому «Св. Гавриил» был передан под командование Ж. да Са — офицера, который за год до этого в каликутском храме сказал, что готов молиться Богу в присутствии индийских дьяволов. В августе да Са пришел в Лиссабон. Сам Васко да Гама высадился на о-вах Зеленого Мыса, где нанял каравеллу, которая доставила его и больного брата на Азорские о-ва. Паулу умер и был похоронен там же, на о. Терсейра. Васко да Гама в августе или середине сентября 1499 г. вернулся в Португалию.

* * *

Из экспедиции, длившейся два года и два месяца, прибыли два полуразбитых корабля. Они доставили на родину 55 членов экипажа, т. е. менее половины тех, кто ушел в далекое плавание. Матери и вдовы погибших получили пособия, из которых, наверное, немало было потрачено на заупокойные службы в бедных приходах, а по всей Португалии по повелению короля Мануэла были устроены торжественные шествия в честь благополучного возвращения капитан-мора.

Привезенные из Индии пленники были крещены и взяты в услужение королем и Васко да Гамой. Двух арабских кормчих из Малинди, которых капитан-мор обещал вскоре отправить в обратный путь, возили по стране. По словам Корреа, им показали «все Достопримечательности Португалии, особенно короля, королеву с ее дамами в праздничные дни и на вечернем приеме, обед у короля, бой быков, церкви и роскошные дворцы, монастырь Баталья».^[85]

Конечно, португальцам было что показать приезжим. Величественный монастырь Баталья был воздвигнут в честь независимости страны за сто лет до путешествия Васко да Гамы. Его построили в округе Лейрия в малонаселенной долине; с близлежащих холмов открывался прекрасный вид на этот готический ансамбль, включавший многочисленные капеллы и два королевских двора. В центральной части страны был разбросан ряд замков и церквей, в том числе построенных рыцарским орденом храмовников. Лиссабон еще не был велик и насчитывал менее 100 тыс. жителей. Однако столица Португалии была способна удивить приезжих мусульман уже тем, что там они встречали знакомую архитектуру арабских городов. Это относилось, в частности, к лиссабонской крепости Св. Георгия, куда вошли фортификационные сооружения былых хозяев города, мавров. Жилые кварталы столицы с домами до четырех этажей были тесны, но сравнительно чисты, особенно после того, как Мануэл запретил горожанам держать в неограниченном количестве свиней, разгуливавших по улицам. Вечерами из домов с балконами и деревянными решетками на окнах,

---

⁸⁵ Correa G. Op. cit. P. 142.

напоминавших арабские, доносились напевы под гитару с пятью сдвоенными струнами, как у мавританской лютни. Внимание приезжих арабских кормчих должен был непременно привлечь лиссабонский порт. Расположенный в глубоком эстуарии полноводного Тахо, который здесь достигал ширины 7 миль, порт, укрытый от любой непогоды, лежал менее чем за 10 миль от океана и мог принять несчетное число кораблей.

В столице в честь возвращения Васко да Гамы Мануэл заложил монастырь иеронимитов. Обширная территория, отведенная под монастырь, получила название Вифлеем, которое португальцы превратили в Белен. Монастырский комплекс включил собственно монастырь и церковь Св. Марии Вифлеемской — одно из украшений Лиссабона с XVI в. Недалеко от монастыря, у причалов, на месте, где стояли корабли капитан-мора перед отплытием в Индию, была построена Вифлеемская башня, Торре де Белен, ставшая символом Лиссабона, как Тауэр для Лондона.

Васко да Гама получил то, что был склонен считать минимальным вознаграждением за свои заслуги: титул дона, 20 тыс. крузадо в виде королевского дара, ежегодное пособие за счет торговли с Индией. Король подписал было документ о передаче капитан-мору Синиша, родного поселения, в ленное владение. Но орден Сантьягу, владевший Синишем, запротестовал и сумел сохранить поселение за собой. Чтобы компенсировать Васко да Гаме эту потерю, король назначил ему сверх всего, что уже было дано, ежегодную пенсию в тысячу крузадо. Как человек, оправдавший ратными делами дворянское достоинство, Васко да Гама женился. Его избранницей стала Катарина да Атаиде, отец которой был комендантом одного из городов Южной

Португалии. Она родила капитан-мору шестерых сыновей и одну дочь.

Мануэл был готов без отлагательств использовать возможности, полученные им вследствие открытий Васко да Гамы. Прежде всего он позаботился о прославлении королевской власти. Едва стало известно об открытии пути в Индию, как король дополнил свой титул, придав ему больше импозантности. Отныне он был «дон Мануэл, Божьей милостью король Португалии и Алгарви (южной провинции Португалии и одноименной северной области Марокко. — В.С.) по обе стороны моря в Африке, властитель Гвинеи, завоеванных стран, мореходства и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии». Через полгода после возвращения Васко да Гамы по его маршруту ушла в Индию эскадра П.А. Кабрала из 13 кораблей. В приготовлениях к ее плаванию участвовал Васко да Гама. Сохранился набросок его инструкций, где новому капитан-мору рекомендовалось повторить безостановочный переход через Южную Атлантику, не опасаться открытого океана к югу и даже к юго-западу от о-вов Зеленого Мыса. С такими инструкциями Кабрал открыл к юго-западу от этих островов Бразилию, в будущем крупнейшую португальскую колонию. Но из его экспедиции в Португалию вернулись всего шесть кораблей, и Мануэл заявил венецианскому посланнику (возможно, только для успокоения конкурентов), что при таких потерях он готов отказаться от дальнейших плаваний в Индийский океан. Прекращения экспедиций не последовало. 10 февраля 1502 г. курс на Индию взяла еще одна экспедиция из 15 кораблей под командованием Васко да Гамы, получившего по этому случаю звание адмирала. Цель экспедиции была прежде всего в том, чтобы обеспечить доходы португальцев, доставить в

Европу возможно больше пряностей, золота и иных драгоценностей. Для этого следовало подорвать торговлю арабских конкурентов, захватить все, что можно, вооруженным путем. Предлогом для военных действий могли служить столкновения, спровоцированные незадолго до того Кабралом в Каликуте, где арабы отказывались продавать свои товары Португальцам.^[86]

<http://game2.tr200.biz> - Он-лайн игры для девочек

С моряками и солдатами второй экспедиции Васко да Гамы (800 Человек) Мануэл собирался расплатиться иначе, чем с участниками Первого путешествия. Теперь они должны были получать не 5, а 3 крузадо в месяц с надбавкой в один крузадо за время пребывания на берегу в тропических странах. Каждому разрешалось купить там два квинтала (около 90 кг) пряностей. От выручки полагалось по возвращении внести 5 % на церковь в лиссабонском Вифлееме, где король рассчитывал быть похороненным. 5 % на королевскую усыпальницу морякам и солдатам, по-видимому, следовало рассматривать как скромное отчисление, не похожее на поборы египетских фараонов с их пирамидами.

Во втором плавании в Индию, по словам Корреа, Васко да Гама пошел на юго-запад от о-вов Зеленого Мыса по пути Кабрала. Эскадра проследовала вдоль побережья Южной Америки, затем у мыса Сан-Агустинью повернула на юго-восток и пересекла Атлантику. В шторм, разбросавший корабли, Васко да Гама обошел

---

⁸⁶ HARRISSE H. Document in6dit concernant Vasco da Gama. Paris, 1889. P. 26; DIFLE B.W., WINLUS G.D. Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580. Minneapolis. 1977. P. 189.

мыс Доброй Надежды и направился к Мозамбику, где корабли должны были собраться в случае, если потеряли друг друга из виду. Сохранилось свидетельство об этом пути анонимного голландского моряка, одного из спутников адмирала. В брошюре, получившей название «Калкоэн» (т. е. «Каликут»), моряк сообщал, что в апреле—мае 1502 г. в Южной Атлантике небо было все время пасмурным, закрывавшим звезды. Идти приходилось по компасу, подсчитывая пройденный маршрут и откладывая его на карте. Встречный ветер вынудил отклониться далеко к югу. 22 мая встретили зиму с дождем и снегом, день длился всего 8 часов. Упоминание о продолжительности дня в конце мая позволяет установить, что Васко да Гама был приблизительно на 50° ю.ш., т. е. на параллели, проходящей в 900 милях к югу от мыса Доброй Надежды. Судя по всему, адмирал был первым европейцем, который вошел в антарктические воды. До Южного полярного круга и Антарктиды оставалось еще более 1100 миль; они были пройдены лишь три века спустя Ф.Ф. Беллинсгаузенем.

Первую стоянку сделали в Софале, где намеревались приступить к скупке золота. Стоянка позволила, как всегда, взять на борт свежие продукты, но золота у арабов было мало, а на отмели близ Софалы в шторм был потерян один из кораблей (возможно, путая даты и преувеличивая число кораблей, этот случай имел в виду ибн Маджид, о чем говорилось выше). После Софалы отправились в Мозамбик, где удалось восполнить урон, построив новую каравеллу из привезенных португальских материалов. Ни о каком противодействии португальцам, как в первом путешествии Васко да Гамы, не было речи. Присутствия

эскадры было достаточно, чтобы местные правители соглашались со всем, что желал адмирал, в том числе с продолжением строительства в Мозамбике португальского форта, который начали строить незадолго до того по договоренности с Кабралом.

Далее путь лежал на Килву, наиболее влиятельный в политическом отношении центр на побережье, за 160 миль к югу от Занзибара. О пребывании в Килве говорил один из немногих сохранившихся документов, написанных самим мореплавателем: «Я, адмирал, дон Васко да Гама и прочая, сообщаю капитанам всех кораблей моего повелителя короля, которые придут в порт Килву, что я сюда вошел 12 июля сего 1502 г. Я пожелал встретиться с местным королем, чтобы договориться о мире и дружбе. Но он не захотел встречи и повел себя крайне дерзко. Ввиду этого я решил, взяв своих вооруженных людей, уничтожить его... Он предпочел смириться, отправился [ко мне], и я договорился с ним о мире и дружбе при условии, что он будет платить ежегодно дань и подать моему повелителю королю в размере полутора тысяч миткалей (около 7 кг. — В.С.) золотом. Означенные полторы тысячи миткалей за текущий год он мне уплатил тотчас...».

Правитель Килвы, как рассказывали хронисты, не угодил португальцам, отказавшись принять христианство и не пожелав их участия в торговле золотом. Когда Васко да Гама пригрозил ему расправой, он заявил, что на все готов, включая строительство форта, как в Мозамбике. В залог добрых намерений он отправил к адмиралу богатого горожанина (как потом выяснилось, своего соперника). Заложник, раздетый, связанный и брошенный в лодку, предложил выкуп — те самые полторы тысячи миткалей, которые Васко да Гама

объявил данью и податью. Правитель Килвы, откупившись чужим золотом, прибыл к адмиралу изъявить покорность, а заодно сказать, что арабам, завидев португальцев, следовало бы бежать в джунгли. Адмирал заметил, что у него на борту — борзые собаки, способные выгнать из джунглей кого угодно. Спутники Васко да Гамы, видя, что Килва — в их руках, стали, по словам хронистов, спускаться на берег «для развлечений», которые причинили арабам «большой ущерб». На корабли были доставлены 200 рабынь. Как уверяли моряки адмирала, рабыни желали расстаться с жестокими арабами и отправиться в Индию. Адмирал посоветовал, что женщины разложат команду, взял 40 из них, а остальных вернул хозяевам.^[87]

Васко да Гама не довольствовался подчинением Мозамбика и Килвы. Часть его кораблей была оставлена в Восточной Африке курсировать вдоль берегов и поддерживать португальский контроль. Фактически восточноафриканское побережье превращалось в португальскую колонию со стоянками и фортами в Мозамбике и Килве.

Оставив Килву, где к нему подошло подкрепление (несколько Кораблей, посланных из Лиссабона), Васко да Гама пересек Индийский океан и вышел к берегам Индии приблизительно 11 августа 1502 г. К этому времени после полугодового плавания треть команды болела цингой. Больных (до 300 человек) разместили на островах Анджидив в наскоро сколоченных бараках, а эскадра, взяв на борт свежие продукты, начала курсировать вдоль индийских берегов. К югу от Гоа

---

⁸⁷ Gois D.de. Op. cit. P. 163–164; Cordeiro L. Descobertas e descobridores. De como e quando foi feito Conde Vasco da Gama. Lisboa, 1892, Documento Nº 2.

захватили и сожгли три небольших арабских парусника; зашли в порт Батикола, где местный правитель откупился от португальцев рисом.

В конце сентября эскадра встретила то, что искала: крупный арабский корабль. «Мери» возвращался в Каликут из Джидды с мусульманами-паломниками, посетившими Мекку. Не считая женщин и детей, на борту находились, по разным оценкам, от 200 до 380 человек. Они сдались и разоружились без боя, считая, что смогут откупиться. Два дня португальцы перегружали с «Мери» на свои корабли разное добро, после чего Васко да Гама поднялся на захваченное судно и потребовал, чтобы ему были вручены личные ценные вещи мусульман. Когда ценности отобрали, всех мусульман загнали в трюм, который заколотили, а «Мери» подожгли. Судно продержалось на плаву еще четыре дня. Мусульманам удалось вырваться из трюма и на некоторое время под артиллерийским огнем потушить пожар. Португальцы опять высадились на «Мери», но вынуждены были покинуть его ввиду сопротивления мусульман, сражавшихся, кто чем мог, в том числе холодным оружием, которое до этого было где-то припрятано. Корабль пошел ко дну после того, как его вновь поджег один мусульманин-перебежчик: ему пообещали жизнь за предательство. Тех, кто покинул «Мери», спасаясь вплавь, добивали с лодок. Пощадили лишь два десятка детей. Их взяли на португальские корабли, а позднее, вернувшись в Лиссабон, отдали в послушники иеронимитам.^[88]

---

⁸⁸ Ramusio G.B. II viaggio di Giovan Leone e le navigazioni de Alvise da Ca Mosto, di Pietro de cintra, di annone, di un piloto portughese e di Vasco da Gama (1497–1499). Venezia, 1837. P. 243–245; Barros J.de. Op. cit. P. 237–238; \Calcoen]. Le second

Драгоценностями, захваченными на «Мери», Васко да Гама расплачивался, начиная с октября 1502 г., в портах Малабара, где он принимал пряности на борт своих кораблей. В одном из этих портов, Каннануре, его приезда ждали служащие фактории, созданной Кабралом. Другая фактория, в Каликуте, была разгромлена вскоре после отъезда Кабрала. Ее руководитель недооценил влияние местных арабов, конфискуя грузы с их кораблей на том основании, что они-де без спроса торговали в сфере португальских интересов. Фактория была разгромлена толпой местных жителей, которых не смог удержать саморин; около 40 ее португальских служащих погибли. Это стало поводом для предъявления Васко да Гамой ультиматума саморину, тем более что адмирал после путешествия 1497–1499 гг. считал правителя Каликута своим противником.

30 октября Васко да Гама прибыл с эскадрой в Каликут и потребовал от саморина изгнания из города всех арабов. Не получив удовлетворительного ответа, португальцы приступили к репрессиям. Порт подвергли бомбардировке, арестовали плававших неподалеку рыбаков. Высадившись на берег, задержали три десятка кали-кутцев, которые, по мнению Васко да Гамы, чем-то ему угрожали. В порту был захвачен ряд кораблей с их командами; отпустили лишь выходцев из Каннанура, рассматривавшегося как дружественное государство. Корабли были ограблены, пленники (800 человек, по словам Корреа) изувечены и замучены. Часть их, повешенных за ноги, пристрелили лучники. Другим отрубали руки, отрезали уши и носы, загоняли в горло колья. Полумертвых побросали на один из кораблей,

сверху накинули горящие циновки и погнали корабль к берегу. Там прибежавшие каликутцы пытались спасти тех, в ком теплилась жизнь. До португальских кораблей доносились стоны умирающих, смешивавшиеся с траурными песнопениями. Среди изувеченных находился индуистский монах. Это был гонец саморина, получивший от адмирала заверение, что его беспрепятственно отпустят после передачи послания.

Расправившись с Каликутом, Васко да Гама отправился в Кочин. Здесь была создана еще одна фактория, а заодно — стоянка флотилии (восемь нау и каравелл), которую адмирал собирался оставить в Индии. В январе 1503 г. он получил известие, что саморин, набрав арабских моряков, готовился возобновить борьбу с португальцами. К Каликуту вновь вышли несколько каравелл. Им удалось близ Каликута захватить два корабля саморина, но сопротивление не было сломлено. Арабских кораблей, по большей части мелких, было несколько десятков. Несмотря на потери, они продолжали вести огонь из своих легких орудий, убив несколько португальцев и многих ранив. В конце концов арабы отошли к берегу, где оказались вне досягаемости для Васко да Гамы: их корабли имели меньшую осадку, чем каравеллы, которым приходилось избегать мелководья.

Последним портом, где Васко да Гама остановился перед возвращением в Европу, был Каннанур. Здесь эскадра отправила на Верег часть своих артиллерийских орудий. Адмирал не опасался понизить боеспособность эскадры, поскольку после рейдов на Каликут в его планы не входило продолжение военных действий в Индии или Африке. Орудия решено было разместить в фактории, а

облегченные корабли смогли принять на борт дополнительные партии пряностей.

Из Каннанура адмирал возвращался в Европу, не пересекая Аравийскую котловину. Покинув этот порт 20 февраля 1503 г., эскадра при попутном муссоне пошла на юго-юго-запад в виду Лакадивских, Сейшельских и Коморских островов. Берегов Африки достигли через полтора месяца. Отдыхали в Мозамбике, где простояли более двух месяцев. Когда шли вдоль берегов Южной и Экваториальной Африки, продовольствия и воды не хватало. Участник похода, голландец, автор «Калкоэна», писал, что в конце июня Васко да Гама вышел к безымянному острову, где-то у берегов Нижней Гвинеи. Там экспедиция перебила три сотни местных жителей, якобы мешавших набирать воду. Часть островитян превратили в «пленников», которые, по-видимому, обслуживали экспедицию в течение месяца, проведенного на острове. Плавание затягивалось, часто останавливались из-за ремонтных работ. В непогоду корабли, случалось, теряли друг друга из виду и шли в одиночку. Некоторые прибыли в Португалию в конце августа, а адмирал с основными силами вошел в устье Тахо 11 октября 1503 г..^[89]

<http://game3.tr200.biz> - Он-лайн игры для мальчиков

Результаты второй экспедиции Васко да Гамы были очень выгодны, по мнению современников. В их глазах высокие доходы от продажи пряностей перевешивали потери: сотни больных, оставленных на Анджидив, раненых и убитых в вооруженных столкновениях. Ни один корабль не был потерян, что было довольно редкой

---

⁸⁹ [Calcoen]. Op. cit. P. 71; Gois D.de. Op. cit. P. 169.

удачей. Итальянские торговцы и их представители в Лиссабоне, ревниво следившие за успехами конкурентов, уверяли, что вторая экспедиция Васко да Гамы доставила 32–35 тыс. квинталов (около 1,5 тыс. т) пряностей. Скорее всего это было преувеличение, если учесть грузоподъемность нау и каравелл. Но, так или иначе, португальцы везли много пряностей, и на европейских рынках складывалась новая конъюнктура. Лично Васко да Гама, по сведениям тех же итальянцев, имел годовой доход в 4 тыс. крузадо, что ставило его в один ряд с богатейшими людьми Португалии, включая родственников короля и духовную знать. К пенсиям, которые адмирал получал ранее, были добавлены еще две новые. Кроме того, он мог бесплатно привозить колониальные товары, а с 1515 г. — содержать в Индии своего представителя за счет казны.

Васко да Гаме этого было мало. Он желал титула, который ввел бы его официально в круг тех, кто составлял верхний слой дворянства. Такой титул давало графское достоинство, требовавшее, чтобы его обладатель имел лен с поселением и крепостью, например Сениш. Но орден Сантьягу, как уже говорилось, не собирался с ним расставаться, и государственные соображения не позволяли королю вступать в конфликт с могущественным духовным рыцарством. Более того, через несколько лет ордену не понравилось, что Васко да Гама попытался построить себе обширный дом в Сенише, и распоряжением короля мореплавателю было предписано прекратить строительство. По-видимому, с 1507 г. адмирал поселился в Эворе, центре Алентежу, традиционной резиденции крупных землевладельцев.

Сохранился документ, свидетельствующий, что в 1508 г. король собирался назначить Васко да Гаму комендантом Виллафранка, небольшого города близ Лиссабона. Назначение не состоялось, возможно, потому, что не было увязано с предоставлением титула. Назойливость не была в характере адмирала, и нет сведений о каких-либо его просьбах, адресованных королю, ни до, ни после 1508 г. Но через десять лет, в 1518 г., он обратился к Мануэлу, судя по дворцовым архивам, с письмом, которое показало, что адмирал был готов порвать с королевским двором, если не получит желанного титула.

О содержании письма известно по ответу Мануэла. Король писал, что узнал из послания Васко да Гамы о его намерении покинуть Португалию, где он не получил графский титул. Мануэл утверждал, что адмирал всегда пользовался расположением двора, что как король он не станет препятствовать его отъезду, но если адмирал откажется от своего намерения, то он очень скоро убедится в неизменно добром к нему отношении.

Слова Мануэла о скором изъявлении монаршей милости были, конечно, обещанием пойти навстречу Васко да Гаме. Обещание свидетельствовало о признании, во-первых, претензий мореплавателя и, во-вторых, — его права расторгнуть отношения, связывающие вассала с сюзереном. Феодальная Европа рассматривала эти отношения как договорные, основанные на взаимных обязательствах, которые при определенных обстоятельствах могли быть взяты назад. В то же время отъезд вассала повсюду в Европе был свидетельством разлада в верхних слоях общества, свидетельством неумелой внутренней политики, обвинением в несправедливости, корыстолюбии,

нежелании вознаградить подданных по заслугам. Король должен был проявить государственную мудрость, тем более что на его глазах Португалия теряла способных людей, о чем ей приходилось жалеть. В годы юности Мануэла X. Колумб, предлагавший свои услуги Лиссабону, перебрался в Испанию. В 1517 г. туда же отправился Ф. Магеллан — опытный кормчий, который плывал в Индийский океан, бывал в Малакке.

На этот раз, чтобы произвести Васко да Гаму в графы, Мануэл договорился о передаче ему двух владений герцога Ж. де Браганца, своего влиятельного родственника. Герцог, по-видимому, сочувствовал Васко да Гаме, чья судьба была схожа с его собственной. Мореплаватель был в свое время, как незаконнорожденный, лишен будущего, а герцог в молодости утратил свои владения, отправился в изгнание из-за тиранства Жуана II, погубившего его отца. Глава ордена Сантьягу, Ж. де Ланкастер, отказавшийся передать Синиш Васко да Гаме, был любимцем Жуана, ненавистника рода Браганца. Теперь, показывая, что Ланкастер ему не пример, герцог отказывался за плату, которую вносил Васко да Гама, от поселений Видигейра и Вилла де Фрадеш в Алентежу. Плата была существенной, но не слишком обременительной для человека с такими средствами, как у Васко да Гамы: 4 тыс. крузадо единовременно и передача герцогу одной из адмиральских пенсий, дававшей 1000 крузадо ежегодно. В декабре 1519 г. король одобрил эту сделку и одновременно предоставил Васко да Гаме титул графа Видигейры.^[90]

---

⁹⁰ Cordeiro L. Op. cit. Documento N 7.

Историки отметили, что в годы правления Мануэла выросла роль Лиссабона, где португальская знать стала селиться чаще, чем ранее. Эта тенденция не коснулась Васко да Гамы, чья карьера складывалась по образцу былых времен. Как вассал он в молодости служил сюзерену при его дворе, отдал много сил борьбе с ненавистными арабами, а затем удалился на отдых в свои владения. Его связь с морскими и колониальными предприятиями Португалии ограничивалась тем, что он получал доходы от торговли с Индией и дважды участвовал в организации очередных экспедиций (П.А. Кабрала и Ф. де Алмейды).

Синиш и Эвора сохранили память о Васко да Гаме. В Синише стоит основанная им церковь, в Эворе — его дом, украшенный орнаментом и скульптурами в индийском духе. В этом доме, просторном и светлом (разумеется, реставрированном), ничем не напоминающем укрепленные жилища средних веков, выросли дети адмирала. Все сыновья, кроме старшего, Франсишку, наследника титула и имений, служили в колониях. Эштеван стал губернатором Индии, но, когда король велел ему свататься к нелюбимой женщине, он предпочел изгнание и умер в Венеции. В разные годы Педру и Алвару были капитанами (наместниками) Малакки. В морском бою у Малакки погиб Паулу, а в Эфиопии сложил голову Криштован.

Помимо сыновей, в колониях служили другие родственники Васко да Гамы: дядя по матери, племянники. В Эворе и Видигейре он жил с многочисленными слугами и домочадцами. Как всякий крупный землевладелец он должен был иметь окружение из верных челядинов, людей, сидевших на его земле, работников, которым давали приют и вознаграждение по

милости главы семейства. Знатный человек, тем более титулованная особа, был центром притяжения целого клана. Ему было свойственно хлебосольство, он постоянно принимал многочисленных гостей разного ранга. На людях он появлялся со свитой, готовой при случае оградить его от врагов, тех, кто сводил с ним и его близкими счеты в имущественных спорах, в любовных и иных интригах.

Богатства Васко да Гамы шли прежде всего из Индии. Там находился его торговый представитель, и адмирал был осведомлен о делах колоний. Они становились обширны, доходы росли, а вместе с ними — роль колониальных вооруженных сил и бюрократии. При завоевании колоний и на ранних этапах их освоения открытый грабеж и обстановка вседозволенности разлагающе влияли на администрацию, вели к тому, что губернаторы и их подчиненные чувствовали себя полунезависимыми владыками, ускользали из-под контроля центральной власти, а заодно злоумышляли друг против друга. Колониальная законность лишь начинала складываться в виде соглашений с местными правителями о протекторате, распоряжений о статусе португальских переселенцев, о смешанных браках и т. д. Нуждаясь в надежных администраторах, знающих колонии, королевский двор не упускал из вида Васко да Гаму. В 1524 г. адмирал, находившийся 20 лет не у дел, был назначен вице-королем Индии.

После второго путешествия Васко да Гамы португальской Индией руководили один за другим два вице-короля — Ф. де Алмейда и А. де Албукерки, заметно расширившие колониальные владения. Непосредственным предшественником Васко да Гамы был Д. де Менезиш, известный не столько завоеваниями,

сколько стяжательством. Впрочем, в этом отношении он не отличался от большинства своих преемников — людей временных, сменявших друг друга через каждые три года, считавших, что надо использовать отведенный им срок с наибольшей выгодой.

В конце февраля 1524 г. Васко да Гама возглавил эскадру в полтора десятка кораблей, почти готовых к отплытию. Взяв с собой 3 тыс. человек, среди которых было много дворян, он должен был покинуть Лиссабон 9 апреля. Годы давали о себе знать, и, судя по всему, адмирал не принял назначение вице-королем с легким сердцем, как четверть века назад. Только что королевским решением его сыну Франсишку было разрешено в будущем, сразу после смерти отца, вступить во владение наследством и принять графский титул. Накануне отплытия Васко да Гама позаботился о собственной могиле. Одна из его королевских пенсий была отказана кармелитскому монастырю в Видигеире за право иметь семейный склеп в местной церкви. Среди бумаг, переданных на флагман перед отъездом, было запечатанное письмо, которое надлежало вскрыть опять же в случае смерти адмирала. Там был определен порядок замещения вакантного поста вице-короля.^[91]

Эскадра благополучно прошла ту часть пути, которая считалась особенно трудной — Южную Атлантику и район мыса Доброй Надежды. На флагмане жизнь текла, как в Португалии. Адмирал собирал за общим столом видных дворян, угощал их из дорогой посуды, которую разносили слуги в ливреях. В середине августа 1524 г. на недолгой стоянке в Мозамбике

---

⁹¹ Ibid. Documento N 10; Aragdo A.C. Teixeira de. Vasco da Gama e a Vidigueira. Estudo historico. Lisboa, 1898. Documento Nº 9.

выяснилось, что не все распоряжения Васко да Гамы выполнены. В Лиссабоне перед отплытием он велел развесить на мачтах объявления, запрещающие идти в плавание женщинам и грозившие нарушительницам бичеванием. В Мозамбике изловили трех португалок (по другим сведениям, более десятка), пренебрегших адмиральскими угрозами. Им предстоял суд по прибытии в Гоа, административный центр португальских владений.

Переход через Индийский океан, занявший около месяца, оказался тяжел. Эскадра попала в полосу бурь, что привело к гибели трех кораблей. На одном из кораблей, сообщил Корреа, капитан «вел себя нехорошо по отношению к команде». Матросы подняли бунт и расправились с капитаном. Покинув эскадру, они ушли пиратствовать к Баб-эль-Мандебскому проливу. Через год их корабль окружила другая португальская эскадра. Поскольку пираты сдались, половина из них осталась жива, а остальных повесили.

В Гоа приезд адмирала (сентябрь 1524 г.) пугал прежде всего чиновников-мздоимцев. Было очевидно, что, опираясь на Васко да Гаму, лиссабонский двор вводил более жесткий контроль над колониями, а ждать поблажек от адмирала, человека богатого и независимого, не приходилось. Правда, с его приездом связывали надежды на перемены к лучшему другие колонисты — солдаты, коммерсанты, монахи. Они осуждали порядки, установленные здесь предшественником Васко да Гамы, губернатором Менезишем, и капитаном (главой администрации) Гоа Ф. Перейрой. Палата португальских жителей Гоа — консультативный орган — в связи с приездом адмирала направила королю петицию, где говорилось, что Перейра рассматривал малоимущих соотечественников как

зависимое население. Он мог кого угодно заковать в кандалы, бросить в тюрьму, изгнать из дома, «лишить жен и детей».

<http://game4.tr200.biz> - Бесплатные игры

Васко да Гама не стал ждать Менезиша, которого не было на месте: он руководил очередной экспедицией на севере, в Аравийском море. Перейра, к радости колонистов, был смещен, и ему было предложено немедленно расплатиться со всеми, у кого он что-либо брал в долг. Популярность адмирала выросла еще больше, когда он распределил среди колонистов добычу, захваченную у берегов Индии его эскадрой. Это были товары, драгоценности и рабы с арабского корабля, который, на свое несчастье, оказался на пути эскадры. Колонисты рассматривались как служащие королевской администрации и резервисты флота, а потому им давали долю военной добычи и время от времени — жалование.

Дальнейшие распоряжения адмирала как высшей судебной власти показали, что он будет следовать законности только так, как сам ее понимает. Были отвергнуты многочисленные просьбы дворян и монахов быть милостивее к женщинам, задержанным в Мозамбике; каждая из них получила по 300 плетей на улицах Гоа. В то же время были амнистированы лица, которые ожидали суда по делам, возбужденным в Гоа. Адмиралу стало известно, что из крепости пропали различные принадлежности артиллерийских орудий (их перетащили на свои корабли купцы для самозащиты). Было объявлено, что государственное добро надлежит вернуть, а нарушителям этого распоряжения следовало помнить, что им грозит смертная казнь с конфискацией имущества. Впредь, заявил адмирал, спуску не будет

никому. Тот, кто заслуживает снисхождения, обретет его в лучшем мире, а не на грешной земле. Преступников ждут жестокие кары, а мелких правонарушителей пошлют на карабельные насосы качать воду. В госпиталях будут лечиться те, кто ранен в боях с врагами Португалии. Прочих оттуда выставят, так как все они получили раны в драках из-за женщин.^[92]

Ряд актов, принятых Васко да Гамой, ставил целью покончить со злоупотреблениями в администрации и торговле. Эти акты были эффективными лишь при строгом контроле со стороны адмирала и его ближайших помощников. Но контроль, требуя создания новых проверяющих органов, вел к росту той же бюрократии, с которой боролся адмирал. Положение в администрации вряд ли улучшили решения об ограничении сроков государственной службы, о прекращении выплаты постоянного жалования чиновникам, которым предстояло жить на некие чрезвычайные вознаграждения, распределявшиеся с учетом компетентности и служебного рвения. Более целесообразны были решения, запретившие совместительство государственных должностей, установившие тщательный надзор за качеством вывозимых товаров. Купцы и капитаны кораблей, подготовлявшие к отправке в Португалию заплесневелые пряности вперемешку с песком и камешками, рисковали навлечь на себя суровые административные и судебные наказания.

Из Гоа Васко да Гама перебрался в Кочин, где, помимо прочего, предстояло пресечь нелегальную (т. е.

---

⁹² Hiimmerich F. Vasco da Gama und die Entdeckung des Seewegs nach Ost-indien. München, 1898. S. 94 etc.; Friederici G. Der Charakter der Entdeckung and Eroberung Amerikas durch die Europaer. Bd. 2. Stuttgart, 1936. S. 85.

без португальских лицензий) торговлю, положить конец кровавым распрям среди португальских дворян. Адмирал был неутомим. В этом, по-видимому, был во многом секрет его успехов в прошлом, когда он со своими моряками проходил гигантские расстояния в открытом море, терпя всевозможные лишения. Теперь, на шестом десятке лет, адмирал болел, ему не помогали ни микстуры, ни пластыри. Но с утра до вечера он был в порту, инспектируя склады, следя за разгрузкой и погрузкой кораблей. Васко да Гама нашел корабела-генуэзца, который за три недели построил ему для таможенного надзора пару быстроходных и маневренных бригантин, намного превосходивших местные суда. Помимо парусов бригантины имели весла. Гребцам раздали оружие и пообещали в награду все, что они найдут на палубах кораблей, которые попытаются уйти от досмотра.

Раздоры между самими португальцами, по мнению адмирала, были особенно опасны, когда вокруг богатых дворян собирались бедные колонисты, более всего из числа солдат. Образовывались враждующие кланы, начиналось сведение счетов с оружием в руках. Когда адмирал запретил дворянам подкармливать свое окружение, кланы на какое-то время распались. Что касается солдат-бедняков, то многие, не надеясь на государственное жалование, поступавшее с вечными задержками, уходили из португальских владений, превращались в «ренегатов» — наемников в войсках независимой арабской и индийской знати.

В ноябре 1524 г., когда в Кочин прибыл корабль с бывшим губернатором Менезишем, Васко да Гама был тяжело болен. Его представитель, отправившись к Менезишу, заявил, что тому запрещено сходить на берег,

что адмирал велит бывшему губернатору рассматривать себя как подследственного и требует перейти на другой корабль, готовый отплыть в Португалию. Менезиш отправил приветствия адмиралу, но не стал торопиться с отъездом. Он знал, что дни адмирала сочтены, и надеялся, что после его смерти обстановка изменится. Возможно, он подумывал и о том, что адмирал, несмотря на свою строгость, перед смертью станет отходчивее. Ведь в дополнениях к завещанию он велел обеспечить приданым женщин, которых, по его распоряжению, бичевали в Гоа. Но, оказалось, адмирал не был намерен щадить Менезиша. К кораблю, на котором тот находился, подошли два других, верные адмиралу. Менезиш смирился, когда узнал, что отдан приказ открыть огонь, если он немедленно не подчинится.

В декабре Васко да Гама не вставал с постели, мучаясь нарывами на шее, не дававшими повернуть голову. Он умер в ночь с 24 на 25 декабря 1524 г. Останки мореплавателя вначале покоились в Кочине, затем — в Траванкоре, а с 1539 г. — в Португалии, в старой церкви Видигейры. В конце XVI в. прах был перезахоронен в новой церкви Видигейры, где его не трогали до XIX в. В 1834 г. к власти в Португалии пришли либералы, отказавшиеся давать деньги на охрану церквей. В первую же ночь, как только сняли сторожей в церкви Видигейры, могила адмирала была ограблена, его кости — разбросаны. Власти отнеслись к этому с равнодушием, и только через десять лет могилу опечатали. В 1880 г. предполагаемые останки Васко да Гамы отправили в Лиссабон, но вскоре выяснили, что его могилу перепутали с другой. В 1898 г. по случаю 400-летия открытия морского пути в Индию могилу снова вскрыли, и кости из нее отправили в лиссабонскую

церковь Св. Марии Вифлеемской.^[93] В 1966 г., когда был создан лиссабонский пантеон, туда перенесли прах Васко да Гамы. Он покоится рядом с останками великих соотечественников, в том числе Л. ди Камозэнса, который воспел его в своих стихах как национального героя Португалии.

Для португальцев XVI в., современников Камозэнса, Васко да Гама действительно был героем, обеспечившим их многочисленные богатства за счет торговли и эксплуатации заморских территорий. Но возвышение Португалии не было долговечным. Небольшая страна, получив многие выгоды от путешествий Васко да Гамы, не могла долго удерживать прочные позиции в разных частях света, не подкрепленные экономическим и политическим могуществом в Европе. В конечном счете от открытий Васко да Гамы должны были выиграть, помимо Португалии, все европейские государства, особенно наиболее развитые в торговом отношении Англия и Нидерланды. Португалия довольствовалась, и то до поры до времени, выгодной ролью посредника в международной торговле, ролью ведущей державы в бассейне Индийского океана.

Путешествия Васко да Гамы, как и Колумба, были знаменем Нового времени, Возрождения, имевшего глобальные последствия для человечества. Подчас трудно разграничить результаты путешествий Колумба и Васко да Гамы, совпавшие по времени и во многом — по результатам. Оба мореплавателя расширили представления о земле и ее ресурсах, их открытия дали реальные сведения об океанских просторах. Появились

---

⁹³ Харт Г. Морской путь в Индию. М., 1959. С. 291–294.

новые стимулы для развития торговли, мореходства, судостроения, а вместе с тем — для развития Науки и техники.

В результате географических открытий XV–XVI вв. обозначился перелом в хозяйственных, политических и культурных связях Старого и Нового Света. Для отсталых обществ, включенных в европейские империи, колонизация означала переустройство в европейском духе, далеко не везде радикальное, подчас лишь намечавшееся. Переустройство осуществлялось насильственным путем вообще, а в переселенческих колониях, в частности, — путем физического уничтожения местных народов.

В странах Азии и Африки, куда проложили путь Васко да Гама и другие португальские путешественники, колонизация имела свои особенности. Отсталые Ангола и Мозамбик долгое время были лишь совокупностью военно-морских стоянок для кораблей, связывавших метрополию с бассейном Индийского океана. Позднее они стали постоянными поставщиками рабов в Новый Свет. Вместе с соседями по Тропической Африке они потеряли, по оценке афро-американского историка В. Дюбуа, 10 млн людей, вывезенных в Америку, не считая погибших в невольничьих караванах, на кораблях при транспортировке за океан.^[94]

Намного более развитые индийские владения Португалии сохранились до середины XX в. как торговые анклавы, как производители некоторых видов сырья. Наконец, Бразилия, открытие которой было подготовлено первым путешествием Васко да Гамы, стала

---

⁹⁴ Du Bois W.E. The Negro. N.Y., 1915. P. 155–156.

переселенческой колонией, крупнейшей страной португалоязычного населения.

В 1960 г. в Лиссабоне был воздвигнут монумент в честь мореплавателей былых времен. На фоне каравеллы шла череда моряков, ученых, миссионеров. Впереди группы возвышался принц Генрих Мореплаватель, подготовивший заморские экспедиции в начале и середине XV в. Васко да Гама досталось здесь несколько более скромное место одного из последователей воинственного принца. По сути дела расположение скульптур воспроизвело иерархию, которую ценил сам Васко да Гама, потративший два десятка лет, чтобы стать графом Видигейра. В истории он остался просто Васко да Гамой, знаменитым первопроходцем. Чтобы открыть морской путь на Восток, ему понадобились талант руководителя, энергия и смелость, которые были способны затушевать в глазах многих черты жестокого завоевателя.

Магеллан

Область Траз-уж-Монтиш (Загорье), где родился около 1480 г. Фернан Магеллан, лежит на севере Португалии, у границ испанских провинций Галисии и Леона. Здесь, несколько в удалении от океана, климат

прохладнее, чем в других частях страны, но он не суров, даже по меркам Пиренейского полуострова. Зимой горы покрыты снегом, а летом на горных склонах выращивают прекрасные урожаи винограда. Его с давних пор в корзинах за плечами несли в деревни и поместья, разбросанные в долинах. Там виноград давили, спиртовали, а вино — всем известный портвейн — везли в Порту, второй город страны, океанские ворота северной Португалии.

В завещании, составленном в 1519 г., перед тем, как уйти в знаменитое плавание, Магеллан писал о себе, как о жителе Порту. Наверное, он это делал для упрощения, чтобы никто не задавался вопросом, где найти мало кому ведомый Траз-уж-Монтиш или приход Саброза, в котором жила мелкопоместная дворянская семья Магелланов. Но если сам мореплаватель отнес себя, пусть условно, к жителям Порту, то можно сказать, что в этом городе он бывал. Скорее всего, его возили туда в детстве, до того, как он попал на службу к королеве Леоноре, а потом к ее брату, королю Мануэлу, о чем кратко сообщил историк Б.Л. де Архенсола в 1609 г.^[95] В Порту Магеллан должен был впервые увидеть океан, рыбацкие лодки, каравеллы с приподнятыми бортами, с ярусами парусов, которые ставили моряки, ходившие в далекие страны.

<http://game5.tr200.biz> - Flash игры

Фамилия Магеллан (по-португальски Магальяйнш) была распространённой; у мореплавателя были тезки, носившие его имя и фамилию, а подчас служившие, как и он, в колониях. Это затруднило работу историкам,

---

⁹⁵ Argensola B.L.de. Conquista de las Islas Malucas al rey Felipe Tercero. Zaragoza, 1891. P. 6.

желавшим, в частности, выяснить, кто были родственники путешественника. Все же можно считать доказанным, что Фернан был сыном Руи Магеллана, одно время алкаидмора — коменданта приморской крепости Авейру, к югу от Порту. От брака Руи с Алдой де Москита родились, не считая Фернана, четверо детей. Об их жизни, как и о жизни их матери, ничего не известно.

У королевы Леоноры, жены Жуана II, Фернан Магеллан был пажом. Надо думать, ему приходилось сочетать обязанности пажа с учебой. Леонора не была бесцветной царствующей особой; покровительница религиозной литературы, отдававшая много сил благотворительности, она не могла оставить без внимания образование своих подопечных. Королева овдовела в 1495 г., и будущий мореплаватель, к тому времени повзрослев, должен был перейти на службу к Мануэлу. Обстановка при дворе изменилась, в частности, после того как новый король принял титулы властителя Гвинеи, Индии и т. д. Жуан II при всей его жестокости к высшей знати держал себя с прочими дворянами проще. Стиль мануэлино — сочетание готики с индийскими формами — возможно, был хорош и оригинален в искусстве. Но в реальной жизни манеры Мануэла были в чем-то заимствованы в восточных деспотиях. Парадность королевских выходов, подчеркнутое коленопреклонение перед монархом вряд ли воспринимались всеми с положенным смирением. В дальнейшем, после службы в колониях, Магеллан столкнулся с недоброжелательством Мануэла и нашел в себе силы не держаться за выгоды придворной жизни.

О внешнем облике Магеллана свидетельств современников не сохранилось. Но есть портреты и гравюры XVI в., а в испанских исторических сочинениях

после его смерти было упомянуто, что мореплаватель был невысокого роста. В 1514 г. в бою против мавров Марокко он был ранен в ногу, после чего стал прихрамывать. На портретах и гравюрах XVI в. Магеллану можно дать подчас лет 35, подчас — 40 и более; он — брюнет с окладистой бородой, густыми бровями, крупными чертами широкого лица.^[96]

Португальские историки в XVI в., да и позднее, обычно не жаловали мореплавателя после его разрыва с лиссабонским двором и писали о нем, как об изменнике, авантюристе и т. д. Но, осуждая его, те же историки сообщали, что он был храбр и упорен, добросовестно нес воинскую службу, много общался с кормчими, не жалел времени на изучение морских карт. По архивным данным, готовясь к экспедиции, в которой он погиб, Магеллан постоянно тратил собственное жалование на моряков, находившихся в стесненных условиях. Португальский представитель, посетивший его, чтобы отговорить от путешествия, застал Магеллана за обычной работой, которая никому не перепоручалась: он сам укладывал корзины, ящики с продуктами, всевозможное снаряжение для экспедиции. В завещании 1519 г., которое уже упоминалось, Магеллан выглядел как ревностный христианин. Он завещал часть имущества церкви, просил прямых наследников раздать немало денег нищим, дать свободу рабу, вывезенному из Малакки.

Будущему мореплавателю было около 18 лет, когда Васко да Гама открыл морской путь в Индию. По стопам Васко да Гамы шли одна за другой португальские экспедиции. В колониях дворянство обретало широкие

---

⁹⁶ Guillemard F.H.H. The Life of Ferdinand Magellan and the First Circumnavigation of the Globe. 1480–1521. N.Y., 1890. P. 260–261.

возможности для своих амбиций, укрепления экономического положения. В 1505 г. пришло время Магеллану отправиться в страны Востока в эскадре вице-короля Ф. де Алмейды. Предстояло обеспечить новые доходы королю, построить новые форты и фактории. Лиссабон не жалел денег, тем более что это не были собранные по крохам налоги, а ссуды, охотно предоставленные коммерсантами и ростовщиками Европы под будущие доходы от португальских колоний. Крепости, выстроенные по берегам Западной и Восточной Африки, близ Аравии и в Индии, выглядели как памятники португальского государственного долга. Он состоял вначале из бонов, затем — из векселей, выданных в нидерландском Антверпене или кастильской Медина-дель-Кампо, городах, известных своими ярмарками, куда съезжались коммерсанты со всей Европы.

Для войн на Востоке были нужны солдаты, а особенно моряки. Рыбаков из прибрежных районов Португалии не хватало, и приходилось набирать людей из глубинных сельских местностей. Еще до отплытия эскадры Алмейды выяснилось, что не видавшие моря рулевые не понимали распоряжений своих кормчих. Для вчерашних крестьян один из капитанов вице-короля велел привязать к бортам пучки лука и чеснока. Команды стали понятны, когда вместо «право руля» кормчий приказывал «руль — чеснок» и т. п. Обучение русских солдат петровских времен по принципу «сено — солома» было вариантом подобных изобретений.

В дальнейшем Алмейда укрепил португальские военно-морские силы местными отрядами, набранными более всего из низших каст Малабарского берега и Гуджарата, из рабов, которых поставляли европейцам

индийские раджи. Индию, как и многие другие колонии, завоевывали руками ее собственных жителей. В эскадре Алмейды рядом с Магелланом появились индийские солдаты и арабские моряки. Местные правители, выступавшие против португальцев, также набирали в свои войска иностранных наемников. Флотилии, которые противостояли португальцам, принадлежали арабам, издавна расселившимся на побережье Гуджарата и Малабара. В индийские армии нередко попадали дезертиры с европейских кораблей, португальские солдаты, недовольные службой: невыплатой жалования, конфликтами с офицерами. В морском бою при Диу (февраль 1509 г.), в котором участвовал Магеллан, на выручку индийцам пришел египетский флот. На его кораблях находились солдаты из Южной и Восточной Европы. Там были венецианцы, славяне (выходцы из Далмации), мамлюки (воины-рабы черкесского и вообще кавказского происхождения). Войсками Диу командовал Малик Айяз, русский раб, принявший ислам и мусульманское имя. В его войсках были «рenegаты»: португальцы, генуэзцы и т. д.

Хронисты, сообщая о военных делах Алмейды, поминали, главным образом, самого вице-короля и его ближайшее окружение, к которому не принадлежал Магеллан. Его имя впервые встречается у Г. Корреа в связи с боем при Каннануре (март 1506 г.) — одном из приморских городов Малабара. Но Корреа тут же отмечает, что Магеллан все время находился на кораблях Алмейды, вошедшего в Индийский океан.^[97]

---

⁹⁷ Correa G. Lendas da India. Livro segundo. Lisboa, 1860. Т. II. P. 28.

Алмейда открыл военные действия в Восточной Африке, захватив Килву, где местный шейх, натерпевшийся от Васко да Гамы, отказался явиться на португальский корабль. Слабо защищенный город был разрушен, шейха заменил более податливый араб, тот, который в свое время побывал в заложниках у Васко да Гамы. В городе появился португальский форт. Следующим противником стал правитель Момбасы, располагавший артиллерией, снятой с потерпевшего крушение португальского корабля. В бою Алмейда потерял несколько десятков человек убитыми и ранеными, но город был захвачен, ограблен и, конечно, обложен данью. Далее эскадра проследовала к берегам Индии. Там Алмейда начал строительство новых крепостей, не забывая расправляться с непокорными портовыми городами и охотиться за встречными арабскими кораблями. В 1506 г. Магеллан с частью эскадры вернулся в Африку. Там он участвовал в подавлении волнений, строил форт в Мозамбике, после чего вновь отправился в Индию, где, по сообщениям хронистов, был дважды ранен.

За два года Магеллан повидал немало, хотя для него и других португальцев прибрежные города Индии и Восточной Африки со значительным арабским населением не были совершенно новым миром. Их собственные города в Европе сохраняли черты арабского прошлого. Магеллан провел молодость в королевских замках, в том числе в крепости Св. Георгия — бывшей арабской крепости, резиденции королевы Леоноры и короля Мануэла. Недалеко от Южной Португалии, за Гибралтаром, лежало Марокко, где португальцы имели свои форпосты, включая Сеуту. Не исключено, что Магеллан мог там побывать до отплытия с Алмейдой,

подобно другим дворянам, направлявшимся в Марокко для поддержки португальских гарнизонов.

Но Индия и страны Тропической Африки все же были другими. За пределами арабских островных городов, на восточноафриканских равнинах, простирались неведомые, слабо заселенные леса и саванны. Не тронутые частыми засухами, которые пришли туда в XX в., они изобиловали дичью, укрывавшейся в зарослях акаций, пальм, в степных травах и кустарниках. В саваннах встречались многочисленные стада слонов и державшихся вместе с ними антилоп, в лесах — обезьян, в том числе шимпанзе. Время от времени из глубинных областей на побережье океана прибывали невольники с рогатками на шее, носильщики со слоновыми бивнями под присмотром арабских и суахильских воинов. О невольниках банту из Центральной Африки было мало что известно. Разве лишь то, что они были выходцами из племен, ведших между собой постоянные войны, после которых побежденных продавали за индийские ткани и безделушки. Близ восточноафриканских островов и на них многие местные жители были суахили. Они выращивали ямс и просо, изготовляли парусники для рыбной ловли в океане, выплавляли железо, охотились на львов и леопардов, которых, по их словам, при случае удавалось заговорить, чтобы они не нападали на людей.

Магеллан объехал весь Малабарский берег с его кокосовыми пальмами, лагунами, рисовыми полями, за которыми лежали предгорья Гат, покрытые джунглями. Подходы к портам нередко перекрывались мелями, что требовало от моряков особого внимания. Пришлось учиться судовождению в сложных прибрежных условиях, что помогло позднее Магеллану удачно лавировать в

Магеллановом проливе, выйти оттуда в Тихий океан, не повредив корабли. Малабарский берег стал для мореплавателя школой военного дела и торговли — неотделимых друг от друга занятий португальцев и их противников-арабов. В бою при Диу корабль, на котором находился Магеллан, сыграл выдающуюся роль. Он прорвался сквозь строй египетского флота, взял на бордаж флагмана противника и несмотря на потери принудил его к сдаче. Поражение флагмана предопределило капитуляцию египтян, заставило Малик Айяза подписать мир с Алмейдой.^[98]

В Индии, как и у себя на родине, португальские дворяне нередко враждовали друг с другом, и Магеллану пришлось стать свидетелем распрей среди своих командующих. В 1508 г. Алмейда отказался передать полномочия новому вице-королю А. де Албукерки. Более того, в следующем году он отправил его в тюрьму, объявив, что прибыл в Индию на пять лет и останется здесь до конца срока. Поступок Алмейды вряд ли был вызван только его честолюбием. Вокруг каждого из вице-королей объединялись дворянские кланы, которые не собирались с легкостью уступить друг другу право на управление колониями и на военную добычу. Правда, Алмейде в конце концов пришлось уйти со своего поста, когда из Лиссабона прибыла еще одна эскадра. Ее руководитель привез приказ короля о немедленном возвращении Алмейды в Португалию.

До Лиссабона бывший вице-король не добрался. — По пути он с большой группой офицеров сделал стоянку у мыса Доброй Надежды, где европейцы обычно

---

⁹⁸ Da Costa G. Descobrimentos e conquistas. Lisboa, 1927. [Т.] И. Р. 261–271.

запасались водой и продовольствием. На этот раз кто-то из португальцев не расплатился с продавцами-готтентотами, за что моряков избили. На следующий день Алмейда сам отправился на берег, чтобы проучить готтентотов; из пренебрежения к ним 150 моряков вооружились одним холодным оружием. Португальцам удалось угнать скот из ближайшей деревни, но отряд африканцев, приблизительно такой же по численности, догнал их. Быстроногие готтентоты умело маневрировали, укрываясь за стадом коров, которых свистками перегоняли с места на место. Алмейду сбили с ног дубинкой и прикончили копьем. Вместе с ним погибли еще 65 португальцев, в том числе более десятка капитанов. Когда готтентоты ушли, оставшиеся в живых португальцы подобрали убитых. Изувеченный труп Алмейды выглядел примерно так, как ранее выглядели трупы индийцев, с которыми бывший вице-король расправлялся, привязывая их для расстрела к жерлам пушек.

<http://game6.tr200.biz> - Играть flash игры

В 1509 г., когда один вице-король никак не мог сменить другого, из Лиссабона в Индию прибыла небольшая флотилия из четырех кораблей под командованием Д.Л. де Секейры. Его заданием было открыть новые земли и, в частности, распространить португальское влияние к востоку от Индии, на путях к Молуккским островам, главному производителю пряностей. Алмейда решил укрепить флотилию, присоединив к ней пятый корабль, на борту которого находились Магеллан и его друг (а возможно родственник) Ф. Серран. История путешествия Секейры, закончившаяся гибелью или пленением в Малакке почти сотни португальцев, была изложена несколькими

хронистами, подчас противоречившими друг другу. Не исключено, что они для красочности что-то присочинили. Например, рассказывая, как Секейра был спасен (благодаря Магеллану) чуть ли не в то мгновение, когда над ним был занесен малайский кривой кинжал, и т. п. Но важно другое: хронисты, обычно неблагожелательные к Магеллану, сходились на том, что при защите флотилии он проявил решимость и мужество.

Проследовав вдоль Цейлона, Секейра вышел в Андаманское море, названное по имени чернокожих островитян, чей язык лингвисты до сих пор не могут причислить к какой-либо известной им группе. Португальцы ненадолго остановились у северной, возвышенной части Суматры, установили контакт с местными мусульманскими вождями, которые контролировали месторождения золота. Задерживаться Секейра не стал, так как перед ним открывался Малаккский пролив — путь к Малакке и далее к Молуккским островам. По одну сторону пролива тянулись обширные топкие равнины индонезийской Суматры. По другую — лежал гористый п-ов Малакка с его малайским населением. Берега полуострова, как и Суматры, частично прикрывали мангровые заросли. Ближе к проливу подходили вечнозеленые тропические леса с разнообразными пальмами, древовидными папоротниками, лианами и орхидеями. Конечно, тропические леса Малайи не были новостью для Магеллана, побывавшего в Африке и Индии. Но местный животный мир был единственным в своем роде с его человекообразными обезьянами — орангутанами и гиббонами, гималайскими медведями, двурогими носорогами и т. д.

В устьях рек располагались рыбацкие селения; одно из них выросло в город Малакку, на перепутье между Индией, Китаем и островами Юго-Восточной Азии. Находясь на сравнительно узкой части одноименного полуострова, Малакка без особых трудностей сообщалась с берегом Южно-Китайского моря, используя внутренние воды и короткий сухой путь. Там, на противоположном берегу полуострова, нередко прерывался поток товаров, приходивших из Индии и Китая, поскольку требовалось переждать длительный период северо-восточных муссонов и не идти в непогоду в рискованное плавание, огибая полуостров.

Флотилия Секейры, как сообщали хронисты, прибыла в Малакку в середине сентября 1509 г. Португальцы встали на рейде в окружении множества кораблей — длинных, распространенных в Индийском океане арабских дау, тупоносых китайских джонок и проч. У малайцев, как и на Малабарском берегу, смешивались мусульманские и индийские нравы и обычаи. Официальной религией был ислам, принесенный в Юго-Восточную Азию арабскими мореходами и дервишами. Правитель титуловался султаном, но в его дворце был принят индийский церемониал, и для внутреннего обихода он был махараджей. В торговле ходовыми местными товарами были олово и золото. Со временем, когда появилась мировая статистика, п-ов Малакка занял первое место в мире по производству олова. Что касается золота, то португальцы вскоре окрестили горный массив неподалеку от г. Малакки Офиром. Припомнили, что Птолемей в своей «Географии» поместил где-то вблизи Золотой

Херсонес.^[99] Из привозных товаров хорошо шли европейские ткани и, разумеется, молуккские пряности, доставленные на яванских парусниках.

Появление Секейры в Малакке встревожило местных арабских торговцев, поскольку против их соотечественников в Индии европейцы вели беспощадную войну. Что касается малаккского султана, то он, по-видимому, не собирался первым выступить против европейцев. Скорее всего он рассчитывал, что удаленность от индийских баз затруднит военные действия португальцев, вынудит их смириться с посредничеством Малакки в торговле пряностями. Секейре было дано разрешение создать факторию, где шла торговля в течение двух месяцев, пока корабли стояли на рейде. Конфликт вспыхнул неожиданно. По одним сведениям, его разожгли арабы, уговорив султана напасть на португальцев врасплох, захватить их факторию и одновременно попытаться овладеть их кораблями, куда местные воины заранее проникли под видом мелких торговцев. По другим сведениям, Секейра сам спровоцировал малайцев. Основываясь на слухах о возможном нападении, он отправил султану тела двух убитых местных жителей якобы в назидание тем, кто злоумышлял против европейцев.

Как бы то ни было, португальцы оказались не подготовлены к нападению. Секейре, по словам хронистов, было бы несдобровать, если бы не Магеллан, вовремя приплывший на флагман и предупредивший об опасности. Около 80 моряков, находившихся в городе, были схвачены. Немногие, в том числе Серран, смогли,

---

⁹⁹ [Ptolemaeus CL] Ancient India as Described by Ptolemy. Calcutta a.o., 1885. P. 197–198.

отбиваясь от малайцев, добраться до стоявшей у берега лодки. Тут их выручило мужество Магеллана и нескольких его товарищей. Невзирая на опасность, они быстро отчалили от флагмана, подплыли к берегу, вступили в бой с малайцами и вызволили из беды тех, кого еще можно было спасти.

Тем временем на португальские корабли двинулась чуть ли не целая армада дау и джонок. Секейра, вытравив якоря, пошел им навстречу и пушечным огнем уничтожил несколько кораблей. Малайцы были рассеяны; португальская флотилия стала хозяйкой положения на рейде, где она оставалась еще более суток. Попытки добиться освобождения моряков, попавших в плен на берегу, ни к чему не привели. Напрасно потратив время, португальцы были вынуждены в конце концов пуститься в обратный путь. В Малаккском проливе, где Секейра до этого побывал как мирный торговец, он теперь, вымещая злобу, ограбил пару местных джонок. Одна из них оказала решительное сопротивление атаковавшему ее португальскому кораблю. Он едва не был захвачен моряками из джонки, если бы на подмогу не поспело подкрепление во главе с Магелланом, что решило исход боя в пользу португальцев.^[100]

Путешествие с Секейрой, казалось бы, завершало пребывание Магеллана в колониях, поскольку обычный пятигодичный срок службы у него кончался. За это время он накопил какое-то состояние. Оно вряд ли имело своим источником одно жалование, которое то недоплачивалось, то задерживалось. Скорее всего, здесь была доля добычи, причитавшейся каждому моряку и

---

¹⁰⁰ [Barros J.de] Asia de Joam de Barros. Segunda decada. Lisboa, 1974. P. 171–182.

солдату после узаконенных грабежей на суше и на море. Со всем своим добром Магеллан собрался в обратный путь на одном из кораблей небольшой флотилии, уходившей в Португалию. Случилось так, что ночью из трех кораблей этой флотилии два, в том числе тот, на котором был Магеллан, потерпели крушение на мелях близ Индии, в сотне миль от Каннанура. Падуанская банка у Лаккадивских островов в XX в. оказалась под водой на 30-метровой глубине. Но 500 лет назад эта банка, прикрывавшая рифы, была одной из опасностей, которые подстерегали моряков на пути между Индией и Восточной Африкой. За несколько часов два корабля почти целиком ушли под воду; с трудом удалось выгрузить пряности и часть продовольствия на соседний небольшой остров.

Третий корабль куда-то уплыл, и приходилось рассчитывать лишь на свои силы. Было решено на шлюпках добраться за помощью до Каннанура. Шлюпки не могли всех вместить, и к тому же следовало оставить часть людей на острове охранять грузы, которые могли быть унесены волнами. Конечно, дворяне уселись в лодки, не пожелав брать с собой простых матросов, которым предстояло сидеть на неведомом острове, охранять чужое добро и ждать, когда придет подмога. Матросов вряд ли это устраивало, но накал страстей сбил Магеллан: «Пусть едут капитаны и идальго, а я остаюсь с матросами. Ведь они поклялись, дали слово, что потом пришлют за нами».^[101]

Шлюпки благополучно дошли до Каннанура, и через десяток дней Магеллан с его матросами был снят с

---

¹⁰¹ Herrera A.de. Historia General de los Hechos de los Castellanos. Decada II. Lib. II. Cap. XIX. Madrid, 1730. P. 53.

падуанских мелей. Прибыв со спасателями в Каннанур, он отложил планы возвращения в Португалию. Возможно, причиной был материальный ущерб, причиненный ему кораблекрушением, и теперь он желал поправить дела, оставшись в Индии. По-видимому, в это время Магеллан занялся торговлей. Известно, что в конце 1510 г., находясь в Кочине, он ссудил одному португальскому коммерсанту 200 крузадо (по 3,84 г золота в каждом), которые тот не вернул. Коммерсант умер; его наследник ссылался на то, что ему в свою очередь задолжал сам король Мануэл, и соглашался отдать деньги после получения Королевской задолженности. Магеллан получил свои 200 крузадо только по прошествии шести лет, через суды, без какой-либо неустойки.

Для Албукерки первая половина 1510 г. прошла неудачно. Незадолго до того, как два корабля погибли на падуанских мелях, португальцы потерпели поражение при попытке с моря напасть на Каликут. В феврале Албукерки удалось на кораблях по реке Мандави проникнуть в Гоа и захватить его неожиданным ударом. Но местный правитель, получив подкрепления, вытеснил португальцев из города, заставил их отступить на свои корабли, а устье Мандави, при впадении в океан, перекрыл затопленными дау. Португальцы отсиживались на своих кораблях два с лишним месяца. Среди голодных моряков началось брожение, особенно когда Албукерки повесил одного из офицеров, искавшего приключений в трюме с пленницами-гоанками, добычей, которую еще предстояло делить.

В октябре 1510 г. Албукерки решил вновь отправиться в Гоа, на этот раз с более крупными силами. Для поддержки он собирался привлечь торговые

корабли, пришедшие из Португалии специально за пряностями. На военном совете, обсуждавшем этот вопрос, присутствовало 16 человек, в том числе Магеллан. Его участие в совете говорило о том, что он вошел в круг лиц, с которыми считался вице-король. Мнения участников совета разошлись; многие из них, включая Магеллана, были против привлечения торговых кораблей к походу. Как свидетельствует протокол совета, Магеллан заявил, что для отправки торговых кораблей в обратный путь, к Восточной Африке, конец года — благоприятное время, и, упустив его, коммерсанты понесут чувствительные убытки. Албукерки в конце концов вышел в поход без торговых кораблей, что не помешало ему взять верх над гоанцами, разграбить и сжечь их город, который затем был вновь отстроен, чтобы стать столицей португальской Индии.

Следующей военной операцией стал захват Малакки, куда Албукерки отправился в середине 1511 г. с 19 кораблями, на одном из которых был Магеллан. Осада города продолжалась полтора месяца. Португальцы получили поддержку жителей немалайских кварталов Малакки — китайцев и яванцев, недовольных поборами султана. Китайцы были испытанными воинами в рукопашном бою, яванцы превосходно стреляли отравленными стрелами из духовых ружей. Когда Албукерки одержал победу, китайские и яванские союзники стали не нужны. Их изгнали из Малакки, причем руководителя яванцев казнили.

<http://videomore.info/> - Смотреть видео бесплатно

В Лиссабоне широко отмечали успехи португальского оружия на Востоке. В Рим было отправлено с богатыми восточными дарами посольство

во главе с Тристаном да Кунья (его именем названы острова в Южной Атлантике). При огромном стечении народа папа отслужил благодарственный молебен. Присланный по этому случаю из Лиссабона слон трижды становился на колени перед наместником Бога на земле.

Сведения о том, что делал Магеллан после захвата Малакки до 1514 г., противоречивы. Часть историков XVI–XVII вв. писала, что он был в составе экспедиции, направленной Албукерки к Молуккским островам из Малакки сразу после ее захвата. Достоверно лишь то, что в этой экспедиции одним из кораблей командовал его Круг Серран, тот самый, которого он спас от малайцев, напавших на спутников Секейры. Оставив военную службу и занявшись торговлей, Магеллан мог уйти в плавание к Молуккам на свой страх и риск. Если это так, то, начиная с 1505 г. и до своей смерти в 1521 г., он пересек все меридианы западного и восточного полушарий, впервые в истории объехал вокруг света, правда, не за одно плавание.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1514 г., покинув Индию, Магеллан провел десять месяцев в Марокко. Экспедиция, в которой он там участвовал, захватила город Аземмур, в приатлантической низменности, к юго-западу от современной Касабланки. Мавры Аземмура, торгового центра на побережье, куда шли караваны из Сахары, разрешали португальцам там селиться, но не желали платить им дань, что стало поводом для экспедиции. Теперь мавров разоряли контрибуциями, угоняли их скот. В апреле 1514 г. были разбиты шейхи Феса и Мекнеса, объявившие, что помогут аземмурцам, но пригнавшие с собой такое многочисленное войско, что оно быстро объело все кругом и предпочло отступить, мучаясь голодом.

Магеллан не раз участвовал в боях. В одном из столкновений он был ранен в колено, в другом — под ним убили лошадь. За ее гибель он получил небольшое вспомоществование, которое его не устроило. Сохранилось письмо мореплавателя королю с просьбой — о ее последствиях ничего не известно — возместить ущерб полностью.

В 1514 или 1515 г. Мануэл отказал Магеллану в другой, более существенной просьбе. На этот раз речь шла об увеличении мурადии (кормовых денег), которые ему причитались как придворному. Отказ стал причиной, или одной из причин, побудивших Магеллана покинуть Португалию и отправиться в Испанию.

Со своим ходатайством об увеличении мурადии Магеллан прибыл в Лиссабон без разрешения войскового начальства. Возможно, он считал, что после завершения военных действий ему, раненому, можно отправиться в короткий отпуск без особых формальностей. В Лиссабоне ему было объявлено, что он ошибался и что по этой причине его ходатайству не будет дан ход. Более того, ему было сообщено, что он обвинен в расхитительстве, о чем Магеллан слышал еще в Марокко, где ему удалось опровергнуть обвинение.

Дело было в том, что португальцы — жители Аземмура — пустили слух, будто бы с помощью Магеллана были похищены (фактически возвращены владельцам) несколько сот коз, отобранных у мавров. Магеллану действительно в свое время было поручено распределить среди португальцев реквизированный скот, часть которого ночью угнали мавры. Охранять скот у Магеллана, по-видимому, не было ни сил, ни желания. Вернувшись из Лиссабона в Аземмур, он доложил

начальству о неудачной поездке и попросил снять с него недоказанное обвинение. Его известили, что он получит официальное разрешение на новую поездку в Лиссабон, если захочет. Что касается обвинения в расхитительстве, то военные власти им заниматься не станут, так как никаких претензий к Магеллану не имеют.

Будь Магеллан расчетливым придворным, он, наверное, временно воздержался бы от нового ходатайства об увеличении мурადии, подождал бы, пока изгладится неблагоприятное впечатление от его поездки в Лиссабон. Но, судя по всему, мореплаватель руководствовался иными соображениями. С военной службой он расстался, предпочитая жить на собственные средства и на мурадию, пусть в урезанном объеме. От размера этих кормовых денег зависел более всего его престиж придворного. Увеличение мурადии могло ему помочь занять более видное место при дворе, лучше устроить жизнь и, может быть, найти больше времени для любимого занятия, каким, по словам португальских историков, было изучение морских карт в королевском картографическом хранилище. На какие вопросы искал он ответа, изучая эти карты? Не тогда ли было задумано путешествие из Европы к Молуккам, огибая Южную Америку, отыскивая путь, который был юго-западным проходом в Тихий океан.

Магеллан обменялся письмами с Серраном, может быть, не один раз, используя местные парусники, ходившие между Малаккой и Молуккскими островами. Серран, поселившийся на Молукках, занимался торговлей пряностями. Он просил своего друга похлопотать за него при дворе, поскольку его прибытие на далекие острова никак не было отмечено португальскими властями, которые обычно награждали капитанов за путешествия в

незнакомые страны. После гибели Серрана в 1521 г. корреспонденция, отправленная ему Магелланом, попала в руки португальской администрации. По словам Ж. Де Барруша, португальского историка XVI в., Магеллан писал Серрану, что «если Богу будет угодно, то он скоро с ним встретится, и если не по пути через Португалию, то по пути через Кастилию».^[102]

Упоминание двух путей к Молуккам было намеком на то, что Магеллан не исключал своего перехода на службу Кастилии, т. е. Испании. Правда, не была известна дата цитируемого письма, было ли оно написано до или после вторичного отказа Мануэла увеличить мурадию. Если до этого, то окажется, что Магеллан, вторично обращаясь к королю, заранее принял решение, как поступить в случае отказа. Также неизвестно, знал ли Мануэл о содержании письма, ставившего вопрос о разрыве с Лиссабоном. Магеллан, по-видимому, подозревал, что его переписка может быть известна властям. Иначе зачем ему было выражаться иносказательно, почему было прямо не написать, что его дела в Португалии выглядят не лучшим образом, что он готов плыть на Молукки с помощью испанцев.

Не исключено, что Мануэл знал о планах Магеллана отправиться к Серрану. Дважды отказав в увеличении мурадии, король проявил недоброжелательство в отношении Магеллана и всех его планов. Точно так же португальские власти относились к Серрану. Друг Магеллана уплыл из Малакки с экспедицией, в которой был одним из капитанов. До Молуккских островов экспедиция не добралась, но Серран, потеряв свой

---

¹⁰² [Barros J.de] Op. cit. Terceira decada. Lisboa, 1946. P. 282.

корабль, попал туда с помощью индонезийцев. Он поселился на Молукках и не торопился возвращаться. В Лиссабоне должны были знать о его тесных отношениях с местными султанами, которым он помогал укрепить их дружины, т. е. вел себя, с точки зрения португальских властей, как «ренегат». Выступая просителем за Серрана, Магеллан усугублял недоброжелательство к себе самому. Позднее, конечно, Мануэлу пришлось пожалеть, что он оттолкнул Магеллана и не отправил достаточно быстро новую экспедицию на Молукки. Тем самым он не перехватил у испанцев инициативу, позволившую им с помощью Магеллана претендовать на часть островов Юго-Восточной Азии, включая Молукки и Филиппины.

Вторичный отказ в увеличении мурადии — всего на полдуката в месяц — Магеллан получил на аудиенции у короля. Были затронуты несколько вопросов. Возможно, речь шла, помимо мурადии, о Серране и об экспедиции на Молукки в обход Южной Америки. Ходатайства Магеллана были отклонены. Перед тем, как уйти, он спросил Мануэла, может ли попытаться подыскать иную службу. Король ответил, что он может делать, что угодно, после чего Магеллан собрался, согласно придворному этикету, поцеловать руку Мануэла, но тот ему этого не позволил. В дальнейшем португальские историки писали, что Магеллан официально отрекся от подданства своей страны. Документов о таком отречении нет; есть лишь сведения об упомянутой аудиенции, закончившейся недоброжелательным разрешением делать, что угодно. Разрешение можно было толковать, как согласие на перемену подданства. Но, попав в Испанию, Магеллан не принял нового подданства по той причине, что в это время местные кортесы договорились

с королем, что он вообще не станет никому предоставлять испанское подданство.

Магеллан просил разрешения служить не при лиссабонском дворе, и, таким образом, он считал себя связанным с Мануэлом обязательствами дворянской чести. Но это не значило, что его эмиграцию в Испанию можно было рассматривать как предусмотренный старинными правилами отъезд вассала к другому сюзерену. Эти полузабытые правила обычно касались высшего дворянства, а не таких людей, как Магеллан.^[103] Для Мануэла он был не рыцарем былых времен, а воином, служившим за жалование и мурадию. Законы и мораль не могли осудить Магеллана, который не скрывал своих намерений. Эмиграция в Испанию выглядела как естественный поступок свободного человека нового времени, желающего самому выбрать, где ему жить.

* * *

Переезд был шагом, который Магеллан сделал не сразу. Надо было отправиться в путь не с пустыми руками, и тут пригодились карты, скопированные в лиссабонском картографическом хранилище. Через границу перебиралась группа моряков, с которыми, возможно, пришлось согласовать время отъезда. Имела значение поступавшая в Лиссабон информация об обстановке вокруг иностранцев в Испании.

В начале 1516 г. умер Фердинанд, король Арагона и одновременно правитель Кастилии, где формально царствовала его дочь, Иоанна Безумная. Корона Арагона и правление Кастилией были возложены на 16-летнего

---

¹⁰³ Quintana M.J. Vidas de espanoles celebres. Madrid, 1807. T. 1. P. 54–56.

внука Фердинанда по женской линии, Карла I, который по мужской линии приходился внуком Максимилиану I Габсбургу, германскому императору. Через три года, после смерти Максимилиана, Карл I был избран подкупленными курфюрстами и стал германским императором Карлом V, объединившим владения Габсбургов в Испании, Италии, Нидерландах и т. д. Выросший в Бургундии и получивший французское образование, Карл не сразу поехал в Испанию. Он там появился в сентябре 1517 г. (за месяц до того, как туда отправился Магеллан) в окружении советников-фламандцев. Смена правителей могла быть на руку португальским эмигрантам. Во главе Испании теперь был король, непосредственно не связанный с местным дворянством, способный доброжелательнее отнестись к иностранцам.

Подобно другим португальским эмигрантам, Магеллан поселился в Севилье. В то время это был небольшой старинный город, в котором испанцы правили уже почти три века. Мусульмане отсюда были изгнаны, мечети разрушены, но от крупнейшей из них сохранился минарет, с квадратным сечением, высотой 94 м (выше Пизанской башни и Ивана Великого). Его переделали, как и во многих других городах Южной Испании, в башню католического собора. С XVI в. город успешно развивал заморскую торговлю с помощью Каса де контрахасьон (Палаты контрактов), как называли ведомство, которому были поручены организация экспедиций, надзор за торговлей с колониями и т. д. Речной порт на Гвадалквивире, Севилья принимала морские корабли и ремонтировала их. В городе селились помимо португальцев итальянцы, а также принявшие христианство мавры и евреи, цыгане.

<http://video.tor1.ws/> - Скачать видео бесплатно

Комендантом севильского арсенала испанцы назначили одного из знатных португальских эмигрантов. В его отсутствие за арсеналом присматривал другой португалец, Диогу Барбоза, приходившийся родственником мореплавателю. На дочери Барбозы, Беатриче, Магеллан женился в конце 1517 или начале 1518 г. В семье, с которой его связал брак, знали морскую службу. Глава семьи одно время служил в Индии, как и его племянник Дуарте, возможно, знакомый Магеллану по колониям, а теперь готовый принять участие в новой экспедиции к Молуккам. Дж. Рамузио, итальянский собиратель повествований о путешествиях, издал через 45 лет в переводе с португальского описание стран Южной и Юго-Восточной Азии с введением от автора — Дуарте Барбозы. Но в архивах сохранились другие экземпляры этого описания, на испанском, с именем Магеллана как автора. Каких-либо новых документов, касающихся этих текстов, не найдено. Известно, что Магеллан и Дуарте Барбоза были в добрых отношениях. Поэтому высказывалось предположение, что книга была написана Барбозой по-португальски, затем переведена на испанский и представлена Карлу I как сочинение Магеллана, чтобы укрепить его авторитет. Были и другие предположения. Английский переводчик многих документов о Магеллане, лорд Г.Э.Дж. Стэнли-оф-Олдерли, писал в 1874 г., что изначальный португальский текст принадлежал двум авторам, Магеллану и Барбозе, а в 1524 г., т. е. после гибели их обоих, появился испанский перевод.^[104]

---

¹⁰⁴ Koelliker O. Die erste Umseglung der Erde durch Fernando de Magallanes und Juan Sebastian del Cano. 1519–1522. München—Leipzig. 1908. S. 48; Bldzquez A. Prologo. — Publicaciones de la Real Sociedad geografica. Madrid, 1-920. P. 7; Stanley

Планируемая экспедиция к Молуккам, неизбежно длительная, могла идти разными маршрутами, и Магеллан не связывал себя какими-либо окончательными решениями. Иначе и не могло быть, поскольку он, подобно Колумбу и Васко да Гаме, отправлялся в неведомые воды. Он собирался обогнуть Южную Америку, найти путь к Молуккам из Атлантики через юго-западный проход, который, по Утверждению А. Веспуччи, лежал на 50–52° ю.ш. В случае, если бы проход не был найден, мореплаватель был намерен повернуть на восток и достичь Молуккских островов, следуя традиционным путем через Индийский океан. Позднее он говорил своим спутникам, что готов искать юго-западный проход до 75°. Скорее всего он называл 75-ю параллель не случайно, предполагая, что на такой широте, по аналогии с северным полушарием, возможно судоходство. Шпицберген лежит между 77 и 80° с.ш., и было известно, что туда все время ходили норвежцы и русские поморы.

При этом Магеллан не собирался нарушать права Португалии на ее владения в восточном полушарии. В конце концов ни в каких договорах не было запрета плыть в открытом море, будь то в Атлантике или в Индийском океане, который сам по себе не был заповедной зоной Португалии.

О трудностях предстоящей экспедиции говорило многое. Веспуччи (и, конечно, не только он) не мог указать, где находится юго-западный проход. Он лишь выдвигал гипотезу, возникшую у него после путешествия по Атлантике на одном из португальских кораблей.

Земля, лежащая далеко на юге, между 50 и 52° ю.ш., куда его занесло бурей в апреле 1502 г., была, по его мнению, продолжением Азии, а следовательно, между ней и Америкой находилось какое-то водное пространство. Португальцы, продвинувшись на других кораблях вдоль американского берега до 40° ю.ш., никакого прохода на запад не нашли. Испанский капитан Х.Д. де Солис, обследовавший в 1515 г. залив Ла-Плата, был съеден дикарями. И все же на юге мог быть выход в то море или в тот океан, который увидел в сентябре 1513 г. В.Н. де Бальбоа, когда он пересек Панамский перешеек. Никто не ведал ширину водных просторов, открывшихся перед Бальбоа. Он назвал их Южным морем. Название сохранилось до XX в., правда, не в единственном числе и не на географических картах. Например, в сборнике Джека Лондона «Рассказы южных морей». Исходя из утверждений древних авторов, преуменьшавших размеры земного шара, можно было предположить, что Индия, Китай и Молукки лежат недалеко, за испанскими владениями в Вест-Индии. А если они почти примыкали к Вест-Индии, их следовало включить в испанскую зону влияния, установленную по соглашению с Португалией.

Лиссабон в свою очередь желал овладеть Молукками и считал их своего рода дополнением португальской Индии. При этом оснований для своих притязаний у него было не больше, чем у испанцев. По договору 7 августа 1494 г. в Тордесильясе была проведена демаркационная линия, от полюса до полюса, на расстоянии 370 лиг от о-вов Зеленого Мыса. Эта линия между владениями двух стран в Атлантике и за ее пределами отсекала от испанских владений часть

современной Бразилии, делила уже открытые земли и то, что предстояло открыть на западе и востоке.

Теоретически линию можно было продолжить через оба полюса и провести по бассейну Тихого океана. Молукки попали бы в португальскую зону влияния, если бы была точно установлена градусная сетка, хотя бы только вблизи 130° в.д., проходящего у этих островов. Но договор в Тордесильясе такого не предусматривал, да и не мог предусмотреть, так как серьезных измерений местной долготы никто не производил. К тому же продолжать демаркационную линию по обе стороны полюсов значило признать шарообразность Земли, т. е. признать истину, осужденную церковью, пойти против блаженного Августина, который повелел предавать анафеме всех, кто допускал существование антиподов. Вот почему договор в Тордесильясе ограничивал раздел сфер влияния Атлантикой и примыкающими с севера и юга районами, не касаясь Тихого океана.

В севильской Каса де контратасьон Магеллан не получил поддержки. Каса не желала рисковать, и ему было сказано, что, хотя испанцы считают Молукки своими, пути туда отрезаны демаркационной линией. Возможно, у Магеллана опустились бы руки, если бы не помощь Х. де Аранды, одного из руководителей Касы. Он не стал спорить со своими коллегами, но дал понять мореплавателю, что разговор не окончен.

Коммерсант и царедворец, Аранда разглядел в Магеллане человека, способного осуществить задуманное плавание, сулившее немалые выгоды. Доходы португальцев от торговли с Молукками были достаточно велики, чтобы подтолкнуть Аранду помочь экспедиции, исходя из собственных интересов. Суть того, что он

предложил мореплавателю, сводилась к следующему. Чтобы получить в Испании средства на экспедицию, Аранда был готов использовать свое влияние в придворных кругах за плату в виде части будущих прибылей Магеллана. Предложение Аранды можно было рассматривать, как вымогательство. Но что мог поделаться Магеллан, эмигрант, которому, не будь Аранды, пришлось бы дневать и ночевать в приемных знатных особ, далеко не всегда расположенных к рискованным проектам. Скорее всего ему был известен пример долготерпения Колумба. В свое время в Лиссабоне сам Магеллан насмотрелся на придворные порядки, особенно когда выступал в роли просителя, добиваясь увеличения мурადии. Он ничего не получил, а рядом с ним преуспевали пронырливые придворные, не имевшие ни военных, ни гражданских заслуг.

В январе 1518 г. Магеллан по совету Аранды отправился в Вальядолид, где временно располагался королевский двор. Чтобы произвести там необходимое впечатление, он забрал в дорогу раба и рабыню, купленных во время путешествий в Юго-Восточной Азии, способных служить переводчиками. Его также сопровождал другой португальский эмигрант, астроном Р. Фалеру, которого он собирался взять в компаньоны по плаванию. При дворе Фалеру был способен продемонстрировать новейшие познания в точных науках, необходимые для далеких путешествий; он также мог помочь экспедиции, передав ей свои навигационные инструменты. В дальнейшем выяснилось, что Фалеру, которого многие считали не совсем в своем уме, никуда не поедет, так как, по его словам, расположение небесных светил было лично для него неблагоприятным. Но в 1518 г. он оказался полезен своим присутствием при

дворе. Кроме того, он заставил Аранду, не без скандала, несколько умерить требования в отношении будущих доходов. По настоянию Фалеру Аранда согласился на 1/8 часть этих доходов, хотя вначале говорил об 1/5. Соответствующее соглашение, упоминавшее помощь Аранды, как некое представительство, было заверено у нотариуса.

Посещение Вальядолида было успешным. Магеллана представили епископу Х.Р. де Фонсеке (готовившему экспедиции, как при Колумбе), канцлеру Ж. Соважу, кардиналу Адриану Утрехтскому (бывшему опекуну Карла) и самому королю. Проект экспедиции был одобрен, а вскоре появились документы о ее составе, о правилах поведения в будущих колониях, о правах Магеллана и т. д. Среди этих документов были однотипные контракты и инструкции, которые получали все капитаны испанских кораблей, отправлявшихся в далекие края. Различия могли быть, главным образом, в том, какую долю предполагаемых доходов от экспедиций получали их участники.

Один из документов, датированный 22 марта 1518 г., был оформлен как королевская капитуляция (пожалование) и асьенто (контракт) с Магелланом и Фалеру. Согласно документу, руководители экспедиции получали на 10 лет исключительное право искать к западу от Вест-Индии новые земли «в границах нашей демаркации» (зоны).^[105] Подразумевалось, что зона очерчена договором с Португалией в Тордесильясе, поскольку иных международных соглашений такого рода Испания не заключала. Далее устанавливались льготы и

---

¹⁰⁵ Medina J.T. Coleccion de documentos ineditos para la historia de Chile. 1-a serie. T. I. Santiago de Chile, 1888. P. 9.

доля доходов от экспедиции (1/5 от продажи товаров. 1/10 от местных поступлений и т. д.), на которые получали право Магеллан и Фалеру. Не были забыты и их наследники. Король обещал передать им после смерти мореплавателей управление двумя островами и часть доходов от этих островов.

Для поощрения офицеров Карл, по просьбе Магеллана, обещал им после возвращения домой дворянские титулы. Магеллан и Фалеру назначались капитан-генералами с последующим присвоением званий адмиралов. В июле 1518 г. на королевском совете Карл посвятил их в командоры ордена Сантьягу (по-испански Сантьяго). Орден имел двух магистров, испанского и португальского, а потому производство в рыцари и командоры одного и того же ордена могло состояться в обеих странах Пиренейского полуострова.

Экспедицию несколько раз откладывали из-за затянувшегося ремонта кораблей, недобора моряков и т. п. Фактически всему была одна причина: нехватка денег. В общей сложности было потрачено 8,75 млн мараведи, т. е. около 22 тыс. дукатов (в дукате обычно выло 3,49 г золота высокой пробы). Карл дал трижды по 5 и более тысяч, используя, прежде всего, вест-индские доходы. Через 25 лет знаменитые аугсбургские банкиры и коммерсанты Фуггеры попытались взыскать с испанской казны 5,5 тыс. дукатов, переданных, по их утверждению, Карлу на экспедицию Магеллана. Испанский суд отверг иск, основываясь на протесте представителей Совета по делам Индии, в том числе Фонсеки, который все еще был жив. Совет, по-видимому, имел основания для протеста, а Фуггеры просто желали вернуть деньги, ссуженные

Карлу и его двору без определенного назначения.^[106] Одно дело было тратиться на Магеллана, который приобрел для Испании новые владения, другое — покрывать расходы Карла, добивавшегося германской имперской короны, подкупая курфюрстов на деньги Фуггеров.

Экспедиция Магеллана в какой-то мере финансировалась из частных источников, но вряд ли это были деньги Фуггеров. Финансовую помощь Карлу оказал антверпенский дом де Аро. Созданный выходцами из Испании, этот дом имел филиал в Лиссабоне, где неплохо заработал на пряностях. Однако торговля с Индией, куда Аро слали свои корабли, обернулась убытками, когда португальские пираты потопили семь их кораблей из 16. Лиссабон отвечал по контрактам за гибель кораблей, но Аро тщетно взывали то к португальской юстиции, то к совести Мануэла. В 1518 г. Кристо-баль де Аро, представитель дома в Лиссабоне, был приглашен для консультаций к испанскому двору. Там ему дали понять, что вряд ли стоит искать недоступную правду у Мануэла, когда Испания отправляет на Молукки Магеллана. Будущие доходы от молуккских пряностей могли с лихвой окупить потопленные корабли, стоило Аро войти в дело и помочь финансированию Магеллана.

<http://soft.tr200.biz> - Скачать бесплатно программы, игры, фильмы

В середине 1518 г. слухи о том, что Аро помогают экспедиции на Молукки, достигли Лиссабона. К этому

---

¹⁰⁶ Habler K. Die Geschichte der Fugger'schen Handlung in Spanien. Weimar, 1897. S. 42–71.

времени Мануэл понял, куда его завел конфликт со своим бывшим придворным из-за полдуката месячной мурადии. Гнев короля обрушился на Аро, имевших имущество в Лиссабоне. Скорее всего Мануэлу, конфисковавшему это имущество, досталось немного в сравнении со средствами, вложенными торговым домом в Испании. Аро сделали ставку на поиски путей к Молуккам в западном направлении и стали финансировать, помимо Магеллана, еще одну испанскую экспедицию: через Панамский перешеек в Тихий океан.

По сведениям историков XVI в., Мануэл обсудил на королевском совете линию поведения в отношении Магеллана. Члены совета сошлись на том, что экспедиции следовало чинить препятствия. Но как? Было отвергнуто предложение переманить капитан-генерала в Лиссабон, пообещав ему пенсию. Это было опасно, так как подрывался престиж Португалии и возникал повод для других участников войн в Индии добиваться привилегий. Не получило поддержки предложение убить Магеллана, способное бросить тень на Португалию. К тому же Испания могла отправить экспедицию на Молукки и без Магеллана. Оставалось прибегнуть к интригам, чтобы очернить мореплавателя и, может быть, заставить его самого отказаться от своего проекта.

Сохранилось письмо, адресованное Мануэлу португальским послом в Испании, о мерах, которые он принимал, чтобы помешать экспедиции на Молукки. Посол постоянно находился при дворе Карла, поскольку готовилась свадьба Мануэла (после смерти двух первых жен) на сестре испанского короля. В беседе с Карлом, как доносил посол в сентябре 1518 г., он сказал, что в Кастилии хватает своих людей для заморских путешествий, а потому незачем брать на службу вассалов

другого короля, своего друга. Карл рекомендовал послу побеседовать с кардиналом Утрехтским; эта беседа состоялась, но ничего не дала. Послу было сказано, что, во-первых, Магеллан намерен отправиться за пределы португальской зоны влияния, и, во-вторых, на испанскую службу переходили всего двое бывших вассалов Мануэла (Магеллан и Фалеру), тогда как сама Португалия набирала на свой флот немало кастильцев.

В октябре 1518 г. произошло столкновение между Магелланом и его моряками, с одной стороны, и праздной толпой севильцев, наблюдавших за ремонтными работами на одном из кораблей экспедиции, с другой стороны. Поводом к столкновению стало водружение на корабле личного флага капитан-генерала, флага, принятого севильцами за государственный португальский. Его появление они расценили как оскорбление испанцев и вызвали полицию, которая их поддержала. Столкновение привело к тому, что один из маэстрес был ранен, а рабочие, нанятые капитан-генералом, разбежались. Инцидент, оставшийся без последствий, показал, в какой обстановке готовилась экспедиция. Севильцы видели в португальских моряках конкурентов, нанимавшихся на флот по низким ставкам, а потому сбивавших заработки. Магеллан в докладе королю писал, что рассматривал поведение толпы и полиции как оскорбление, нанесенное самому Карлу, принявшему португальцев на службу, флаг не был спущен, писал капитан-генерал, в частности, потому что все происходило на глазах одного португальского дворянина, прибывшего для переговоров о возвращении его, Магеллана, в Лиссабон. Если бы флаг спустили, это было бы ударом для капитан-генерала, свидетельством униженного положения португальцев в Севилье. Те,

кто допустил столкновение, заканчивал доклад Магеллан, были верны Испании на словах. Ему, эмигранту, надо было служить Испании своими делами, несмотря на предложения о возвращении в Лиссабон.^[107]

Эти предложения, скорее всего, представляли собой попытки выманить капитан-генерала в Лиссабон, не связывая Мануэла формальным обязательством. На уговоры капитан-генерал не поддался. Об этом, в частности, свидетельствовал еще один опубликованный документ — донесение С. Алвариша, представителя Мануэла в Севилье. Донесение было отправлено в Лиссабон 18 июля 1519 г., т. е. за два месяца до выхода экспедиции в плавание, когда приготовления близились к концу. Алвариш сообщал о встрече с Магелланом и о попытках уговорить его вернуться в Лиссабон, но на прямой вопрос капитан-генерала, действует ли его собеседник по поручению короля, был дан отрицательный ответ.

В своем донесении Алвариш давал оценку готовности испанской экспедиции к плаванию. По его словам, он видел старые, не раз чинившиеся корабли, которые были вытащены на берег для нового ремонта. Починка длилась 11 месяцев, а затем суда, спущенные на воду, конопатили и смолили. Алвариш поднимался на палубы, и, по его словам, он вряд ли согласился бы плыть к Канарским островам на этих кораблях с гнилыми креплениями для шпангоутов.

Возможно, корабли Магеллана были не самыми лучшими, но они через полтора года пересекли Тихий океан, а один из них смог совершить кругосветное

---

¹⁰⁷ Medina J.T. Op. cit. P. 18.

путешествие, длившееся три года. Конечно, в пути Магеллан, как и другие мореплаватели, ходившие в Америку и страны Востока, вел ремонтные работы. И все же, надо думать, за два месяца до отплытия, когда на кораблях побывал Алвариш, готовность экспедиции была довольно высокой, и гнилые детали, если они были, оказались вовремя замененными. Не исключено, что Алвариш брался судить о предмете, в котором не разбирался, или выдавал желаемое за действительное. Впрочем, возможно и то, и другое. Экспедиция была рискованной, а потому Алвариш с некоторой долей вероятности мог предположить, что она не достигнет цели, тогда как он сумеет снискать благосклонность Мануэла, предрекая провал Магеллана. Когда выяснилось, что корабли Магеллана, пусть без капитан-генерала, вышли к Молуккам, такой человек, как Алвариш, скорее всего, предпочел оказаться в тени, чтобы лишний раз не напоминать о своих ядовитых нашептываниях.

В плавание шли пять кораблей. Их водоизмещение измерялось в тонелес де порте — фрахтовых бочках. Крупнейший из кораблей, «Св. Антоний», имел 120 тонелес, что, по мнению Э.А. д'Альбертиса, итальянского исследователя XIX в., соответствовало 143 «современным тоннам». Но исследователи XX в. считают, что тонелес равнялись 2,43 куб. м каждая. При таком значении тонелес окажется, что «Св. Антоний» имел 290 т водоизмещения. Прочие корабли должны были иметь 266 т («Тринидад»), 218 т («Консепсьон»), 206 т («Виктория»), 182 т («Св. Яков»).[108]

---

¹⁰⁸ Albertis E.A.d'. Le costruzioni navali e l'arte della navigazione al tempo di Cristoforo Colombo. — Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla R[eale] Commissione Colombiana. Roma, 1893. Pt. IV. Vol. I. P. 82; Velho A. Roteiro da primeira viagem de

Это были двух- и трехмачтовые парусники типа нао. Судя по обводам, принятым в те времена, они имели в длину 20–30 м, в ширину — 7–10 м. На каждом из них было по две башни, на баке и корме. На мачтах крепились в один—два яруса паруса, обычно прямые. Когда на Молукках меняли паруса, А. Пигафетта, оставивший наиболее полные записи о путешествии, отметил, что на новых полотнищах был изображен крест св. Якова (апостола, по преданию крестившего Испанию). Крест сопровождала надпись: «Се знамение нашего успеха». Корабли на наиболее длинном участке пути, при переходе через Тихий океан, шли, используя сравнительно благоприятные ветры, со средней скоростью 3,7 узла в час. «Виктория», завершая кругосветное путешествие, прошла Индийский океан медленнее, делая по 3 узла.

На вооружении кораблей были в общей сложности семь десятков бомбард разного типа, десятков фальконетов (бывших свинцовыми ядрами), полсотни аркебуз, латы на сотню солдат, луки и стрелы, ракеты, зажигательные снаряды. Каждый капитан был снабжен пергаментными картами, парой компасов с запасными иглами, астролябией, несколькими квадрантами, песочными часами. Помимо всевозможных припасов были взяты товары для обмена в заморских странах: носильное платье, металлические изделия, женские украшения, колокольчики (их в Юго-Восточной Азии считали стимулом в любовных наслаждениях), ртуть для лечения сифилиса.

Корабли снаряжались под контролем Каса де контратасьон. Были установлены штаты: 235 человек, хотя фактически в экспедицию ушли не менее 280. Магеллан и его спутники получали из казны жалование. Капитан-генералу причиталось ежегодно 50 тыс. мараведи и ежемесячно — по 8 тыс. в течение плавания. Главным интендантом флотилии стал один из капитанов, Х. де Картахена; после отказа Фалеру от участия в экспедиции Картахена стал «конхунта персона», т. е. лицом, руководящим флотилией совместно с Магелланом. Матросы получали невысокую плату (по 1200 мараведи в месяц), маэстрес — в 2,5 раза больше. Недостаток жалования в какой-то мере возмещало разрешение привезти из плавания беспошлинно колониальные товары; их вес устанавливался для матросов в несколько десятков фунтов, для капитанов — в тысячи фунтов.

Позднее, перед отъездом, капитан-генерал получил стандартные инструкции по судоходству, дополненные своего рода моральным кодексом моряков. Инструкции включали правила сигнализации, загрузки кораблей, смены вахт и т. п. Вряд ли они обсуждались моряками с таким же интересом, как нормы поведения, которых надлежало придерживаться. Капитанам вменялось в обязанность следить за всем, и на суше, и на море. В дальних странах на стоянках следовало обратить внимание на поддержание добрых отношений с туземными властями, на то, чтобы моряки не оскорбляли женщин, и тем более не чинили над ними насилия. На море надо было обращаться с моряками с мягкостью («аморосаменте»), не допускать притеснений, в частности со стороны врачей, склонных вымогать взятки за лечение. Матросам возбранялось сквернословить и,

конечно, играть в азартные игры, «из-за которых все чаще случаются неприятности, происходят скандалы, наносятся оскорбления». В своих письмах они могли жаловаться на что угодно, и капитанам нельзя было этому мешать. К врагам христианства снисхождения не допускалось. Встретив на море мусульман, следовало отнять у них все, что можно, а на суше — продать их всех в рабство.^[109]

Набор офицеров и матросов в экспедицию затягивался, найти опытных людей было нелегко. Объяснялось это невысоким жалованием, нежеланием многих моряков отправляться в неведомые края, за пределы Вест-Индии, туда, где была угроза столкновений и с коренным населением, и с португальцами, обосновавшимися на подступах к Молуккам. Часть маэстрес была зачислена в штат лишь после того, как король предложил Каса де контратасьон оказать на них давление, напомнить, что их карьера зависела от государства.

Давали о себе знать антипортугальские настроения, особенно среди офицеров. В упомянутом донесении Алвариша говорилось, что у Магеллана возникли острые разногласия с Картахеной и К. Де Аро. Магеллан не желал медлить с комплектованием экспедиции, но он был связан по рукам и ногам низкими ставками жалования, не устраивавшими испанских моряков. Картахене и Аро, в свою очередь, хотелось набрать побольше испанцев, людей, на которых именно они могли бы положиться. К тому же подчинение иностранцу, Магеллану, было для Картахены препятствием в

---

¹⁰⁹ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 128 etc.

собственной карьере. Среди офицеров шли разговоры о том, что капитан-генерал, в отличие от руководителей других экспедиций, им не доверяет, скрывает точный маршрут, по которому пойдут корабли. Открой Магеллан этот маршрут, он сыграл бы на руку таким людям, как Алвариш, умевшим добывать информацию (в своем донесении Алвариш писал, что имел двух осведомителей, в доме Аро и в самой экспедиции). Намного вырос бы риск встретить на пути к Молуккам португальские эскадры, готовые помериться силами с испанцами.

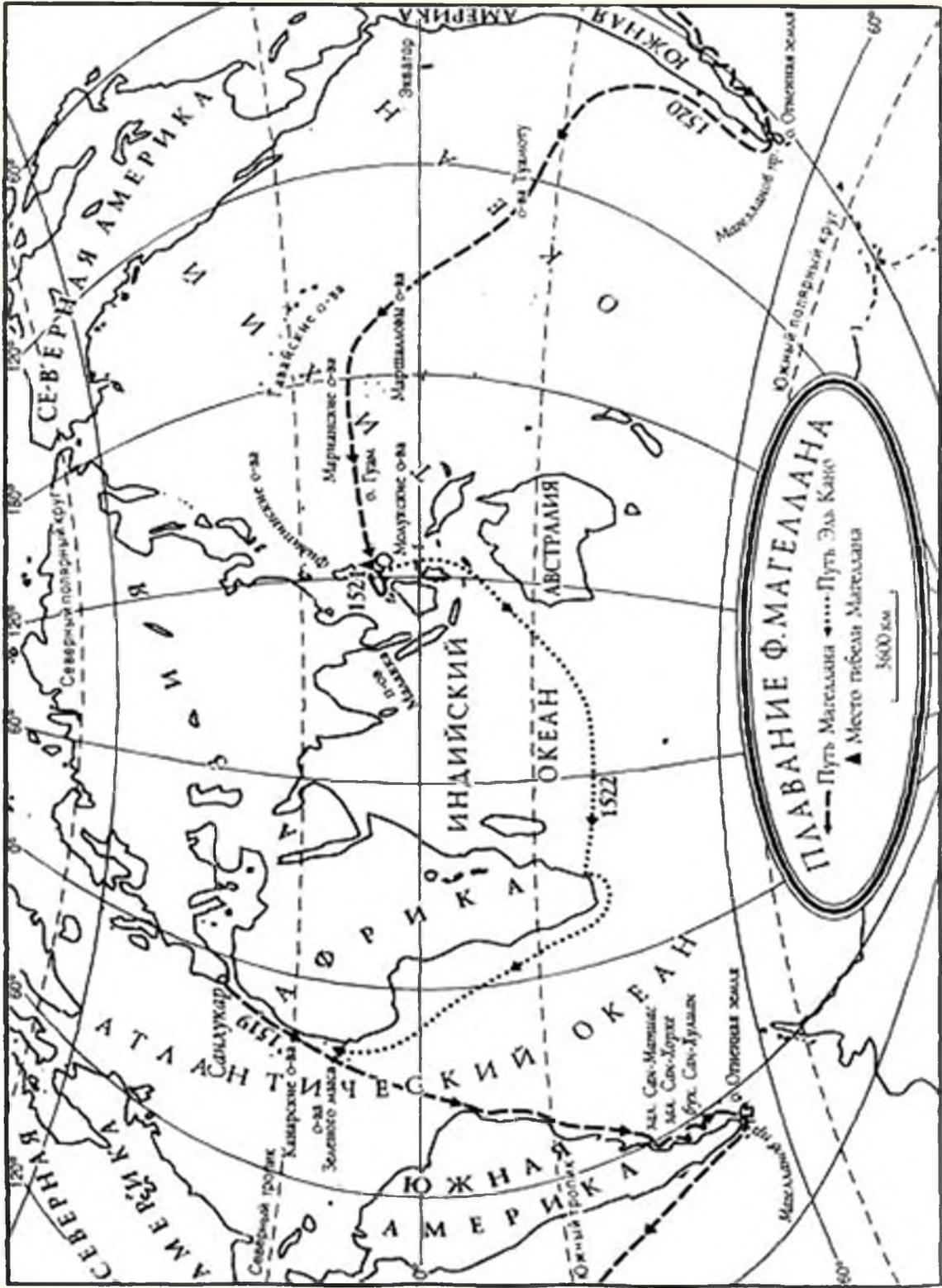
<http://b111.org> - Развлекательный блог b111.org

Противостояние испанских офицеров Магеллану принимало характер вражды, которую Картахена, по-видимому, не очень скрывал. На совещании с капитан-генералом он и Аро набрались, мягко говоря, смелости заявить португальцу Магеллану, что не станут платить португальским морякам жалование, поскольку их «так много». Всего, по сведениям Алвариша, к тому времени было набрано 15 португальцев, не считая слуг. Был послан запрос королю, который ответил, что хватит и пяти португальцев.

Магеллан был готов к уступкам, во всяком случае на словах. Он объявлял о наборе моряков через глашатаев по городам Андалусии, но безрезультатно. Стало ясно, что недобор моряков будет слишком велик, если исключить иностранцев. С согласия (по-видимому, молчаливого) испанских властей в экспедицию включили около 40 португальцев. Кроме них с Магелланом отправились пять фламандцев, 19 французов, 27 итальянцев. Среди последних был Пигафетта, числившийся внештатным моряком.

О матросах, участниках экспедиции, известно лишь, что это были, прежде всего, уроженцы Южной Испании, выходцы из крестьян и городской бедноты. Даже покинув Европу, экспедиция испытывала нехватку в моряках, о чем говорило продолжение вербовки на Канарских островах. На кораблях были и неевропейцы: несколько африканцев — белых и черных, рабыни (скорее всего, индианки), вывезенные ранее в Испанию. В экспедицию они попали нелегально, вопреки официальному запрету брать женщин. Руководители флотилии, в том числе Магеллан, не могли этого не знать, но, судя по всему, делали вид, что запрет относится лишь к женщинам европейского происхождения.

10 августа 1519 г. экспедиция покинула Севилью и спустилась к устью Гвадалквивира, в атлантический порт Санлукар-де-Баррамеда. Это было сделано по рекомендации Каса де контрадасьон, которая желала показать, что завершила в Севилье все приготовления. Фактически погрузка припасов и набор моряков продолжались, как продолжались споры Магеллана с его испанскими офицерами. Детали споров не известны, но в архивах сохранились сведения, что двух португальцев отстранили от плавания, а одному из испанских капитанов, Л. де Мендосе, было передано распоряжение короля, чтобы он прекратил препирательства и подчинился капитан-генералу. Надо думать, у Магеллана было нелегко на сердце, когда 20 сентября 1519 г. экспедиция, наконец, подняла якоря и вышла в Атлантический океан.

Карта плаваний Магеллана

* * *

Флотилия направилась к единственному владению Испании у западноафриканских берегов, Канарским островам. Там капитан-генерал задержался на неделю, принимая на корабли дополнительные припасы, заканчивая набор экипажей. Прежде чем он продолжил путешествие, с севера подошла каравелла, доставив последние вести из Севильи. Тесть капитан-генерала Диогу Барбоза писал, что ему удалось узнать о сговоре против Магеллана испанских капитанов флотилии. Их было трое — на «Св. Антонии», «Консепсьоне» и «Виктории». Двумя остальными кораблями командовали португальцы: на флагмане, «Тринидаде», капитаном был сам Магеллан, а на «Св. Якове» — Жуан Серран, брат Франсишку Серрана, старого друга капитан-генерала. Судя по письму Барбозы, испанские капитаны обещали друг другу убрать Магеллана со своей дороги, если он им будет мешать.^[110]

По сути дела ничего нового в письме не было. Столкновения с испанскими капитанами начались до отплытия из Севильи, и Магеллан знал, с кем отправился в путь и чего приходилось опасаться. Надо думать, он еще в Испании держал Барбозу в курсе дел. Письмо тестя не было предупреждением, оно преследовало иную цель. По-видимому, перед отправкой письмо было показано официальным лицам в Севилье, а потому стало известно королевскому двору, как и ответ Магеллана, пришедший с Канарских островов. Капитан-генерал сообщал, что получил письмо, что останется верен испанской короне, что бы ни случилось. Двор должен был знать, что

---

¹¹⁰ Correa G. Op. cit. P. 627.

отношения между руководителями флотилии остались напряженными вне зависимости от того, как власти оценивали общепринятые заверения в верности короне. В дальнейшем Барбоза мог убедиться, что его старания были напрасны, что при дворе, покуда не вернулись на родину остатки экспедиции, были готовы принять в адрес Магеллана беспочвенные обвинения. Правда, двор выслушивал наветы, не располагая средствами воздействия на флотилию, уплывшую далеко от испанских берегов. И покуда Магеллан шел за тысячи миль от Европы, он располагал достаточными полномочиями, чтобы на своих кораблях быть хозяином положения.

Путь до Канар занял всего неделю, а далее к Южной Америке пришлось идти почти два месяца. На Канарах испанские капитаны выразили недовольство тем, что у них не было письменных указаний о маршруте. Они должны были иметь такие указания в соответствии с морскими правилами. Но у Магеллана, который отмалчивался, могли быть секретные инструкции на этот счет. Перед отплытием из Испании он в общих словах говорил, что пойдет к Южной Америке. Тем не менее от Канар он повел экспедицию к о-вам Зеленого Мыса и далее вдоль гвинейского побережья, словно бы направляясь к мысу Доброй Надежды. Путь на юг у африканских берегов, где отсутствовали попутные ветры, был тяжел. Магеллан, знакомый не понаслышке с условиями плавания в этой части Атлантики, казался, уводил экспедицию от ее цели.

«Много дней, — писал Пигафетта, — мы плыли вдоль берега Гвинеи или Эфиопии, там, где на 8° широты стоит гора под названием Сьерра-Леоне. Мы сталкивались со встречными ветрами, со штилями, с

безветрием в дождливую погоду... Много раз являлась нам святыня в телесном обличьи, она же святой Эльм, в сиянии, случалось самой темной ночью, да такая яркая, словно пылающий факел на вершине грот-мачты. Ее было видно по два часа и более для нашего утешения, ибо мы плакали». ^[111] Огни св. Эльма (Эразма) всегда служили морякам признаком вызволения из беды. Электрические разряды, возникающие в бурю на оконечностях мачт, слали в древней Элладе с небес сыновья Зевса, Кастор и Полидевк. В средние века моряков взял под свое покровительство святой мученик Эразм.

Никаких объяснений избранному курсу Магеллан никому не давал, ни капитанам, ни офицерам. Обстановка не располагала к откровениям. И, надо думать, у капитан-генерала были основания отклоняться от обычного пути к бразильским берегам. Впрочем, изменение курса, на которое он пошел, было не так велико, учитывая, что где-то близ Сьерра-Леоне флотилия резко повернула на запад. Причина, по которой Магеллан задержался у берегов Африки, могла быть двойкой. Во-первых, капитан-генералу в начале пути, пока не поздно, не мешало оценить реакцию испанских капитанов на его решения, пусть необъяснимые. Оказалось, что все капитаны, помимо Картахены, предпочли смолчать, если не считать то-то, что ими было сказано на Канарах. Во-вторых, капитан-генералу следовало подумать, как «замести следы», лишит Лиссабон точной информации о маршруте флотилии. Ему не встретился ни один португальский корабль, а португальские о-ва Зеленого

---

¹¹¹ Pigafetta A. II primo viaggio intorno al mondo. Milano. 1956. P. 60–61.

Мыса флотилия прошла вне видимости берегов. Всего этого было достаточно, чтобы считать разумным избранный маршрут. Магеллан не знал планов Лиссабона, но на всякий случай он обезопасил флотилию от возможного столкновения с португальцами на обычном пути, там, где чаще всего можно было встретить их корабли. Другое дело, что в 1519 г. португальцы не послали свои эскадры (хотя разговоры об этом шли) ни наперерез Магеллану, ни вдогонку за ним. По-видимому, причиной была неоправданная уверенность Мануэла в том, что испанцы ни за что не доберутся до Молуккских островов.

В конце октября—начале ноября, когда флотилия еще не повернула на запад к Бразилии, Картахена решил вмешаться в события. Согласно регламенту, ежедневно, если позволяла погода, корабли должны были подходить к флагману и запрашивать новые инструкции. Картахена дважды включал в запрос просьбу сообщить о причинах, по которым экспедиция шла на юг, а не на запад. Оба раза от Магеллана был получен резкий (возможно, нарочито резкий) ответ: следуйте за флагманом и не задавайте вопросов. Задетый за живое, капитан «Св. Антония» решил расквитаться с капитан-генералом, нарушив уставную форму приветствия. При очередном запросе он обратился к Магеллану как к капитану, опуская звание капитан-генерала («Диос ос сальве, сеньор капитан и маэстре, э бу-эна компания»). На замечание флагмана о необходимости соблюдать устав со «Св. Антония» прокричали, что Магеллана приветствовал лучший моряк корабля, и, если он хочет, в следующий раз это сделает паж.

В последующие три дня «Св. Антоний» продолжал нарушать устав, не получая, однако, более замечаний с

«Тринидада». Картахена решил — не в добрый час, — что добился своего, и Магеллан «поставлен на место». Но в отличие от Картахены, прошедшего школу мелких интриг при дворе, Магеллан познал науку командования у таких людей, как Алмейда, который в свое время не постеснялся сломить Албукерки. Отказ именовать Магеллана капитан-генералом можно было толковать, как намерение не признавать его руководства флотилией. Это был вызов, который Магеллан не собирался оставлять безнаказанным. И вряд ли, вступив на такой путь, Картахена мог рассчитывать на немедленную поддержку прочих испанских капитанов, не желавших, по крайней мере в начале путешествия, развала флотской дисциплины.

Случилось так, что на «Виктории» было совершено преступление: один из матросов совратил юнгу. Позднее преступник покончил счеты с жизнью, утопившись, а теперь предстоял военный совет капитанов, чтобы решить его судьбу. После совета, состоявшегося на флагмане, прошло оживленное обсуждение курса флотилии и неуставных обращений, адресованных Магеллану. Капитан «Св. Антония» имел неосторожность повторить допущенные им выходки, не сообразив, что он уже не на борту своего корабля. Когда Магеллан взял его за шиворот и сказал «Вы арестованы», было поздно. Сопrotивляться на флагмане в окружении моряков, верных капитан-генералу, не имело смысла. Единственное, что смог Картахена, так это искать сочувствия присутствовавших капитанов, однако никто из них его не поддержал. Правда, капитаны попросили Магеллана — и он пошел им навстречу — отправить Картахену в кандалах на их корабли (сначала на

«Викторию», потом на «Консепсьон»), где режим для узника мог быть не так строг.^[112]

Берег завидели в последних числах ноября 1519 г. Это была Южная Америка, откуда португальцы недавно начали вывозить красное дерево. Оно было цвета яркого пламени, и всю страну называли Бразил, т. е. яркопламенной (по-старопортугальски). Сделали это, прежде всего, в знак того, что оправдались, хотя бы в чем-то, предсказания старых моряков об острове счастья, Бразил, который лежит в Атлантике и может дать красное дерево и красители, ценимые в Европе. В Бразилию до Магеллана не раз плавали европейцы, начиная с 1500 г., когда там побывали испанцы В. Пинсон и Д. Лепе, участники путешествий Колумба, а также португалец П.А. Кабрал с эскадрой из 13 кораблей. Кабрал провозгласил открытые им земли португальскими и оставил там двух преступников для изучения местных языков и нравов. Неизвестно, далеко ли продвинулось это изучение, но ко времени прибытия Магеллана португальцы и испанцы имели общее представление о прибрежных районах к югу от мыса Сан-Агустинью. Индианки, приглянувшиеся европейским морякам, побывали на Пиренейском полуострове, родили первых метисов-бразильцев. Один из них попал в экспедицию Магеллана, сопровождая своего отца, кормчего с «Консепсьона».

<http://knigi.b111.org> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Неширокая низменная полоса бразильского побережья изрезана и скалиста. Вдоль восточного

---

¹¹² Medina J.T. Op. cit. P. 164.

выступа страны между крупными реками Парнаиба и Сан-Франсиску, т. е. от 3° до 10° ю.ш., берег отделен от океана рифами, подчас кораллового происхождения. Кое-где рифы достаточно высоки, чтобы оградить от океанских волн тихие лагуны. В эти лагуны заходили каравеллы через, проходы, которые обычно лежат в устьях небольших рек, впадающих в Атлантику. В целом хорошие условия для судоходства, особенно наличие многочисленных бухт, привлекали моряков. Побережье впоследствии обрело удобные порты: Ресифи, Салвадор (ранее Баия), Порту-Алегри и, конечно, Рио-де-Жанейро.

Сразу за берегом начинался тропический лес, часть бразильской сельвы (лат. «сильва» — «лес»). Она была такой же, как в бассейне Амазонки, только тянулась довольно узкой лентой вдоль океана. Ценные породы, прежде всего, фернамбуко — красное дерево, — встречались по всему побережью, но не на каждом шагу. Многообразие сельвы вело к тому, что нужные породы подчас терялись среди массы других, а это позднее затруднило лесоразработки, сделало их в ряде случаев нерентабельными. Как заметил один из биологов, в ботаническом богатстве бразильского леса заключалась его экономическая бедность.

Конечно, сельва, которую увидел Магеллан, была величественна. Вечнозеленые деревья с широкой листвой разбрасывали в вышине ветви, переплетавшиеся с верхушками пальм и лианами, из которых многие могли иметь несколько сот метров длины. На зеленом куполе леса цвели орхидеи, не связанные с землей, питавшиеся влагой обильных и теплых дождей. К нижней части могучих стволов примыкали заросли кустарника, подлесок, небольшие пальмы. Все это тонуло в мягком настиле из прелой травы и других растений, делало лес

почти непроходимым, тогда как на его верхних этажах полно было птиц, обезьян, ленивцев, лесных змей и лягушек, живших среди мириадом всевозможных насекомых.

Сельва служила барьером, затрудняя миграции к океану со стороны Бразильского плоскогорья. А потому на побережье европейцы застали лишь две группы жителей: немногочисленных ботокудо (языки «же») — отсталых охотников и собирателей, — и тупинамба (языки «тупи-гуарани»). Тупинамба, опытные земледельцы и рыбаки, были недавними пришельцами из глубинных областей. Они стали хозяевами побережья и разбили свои плантации от устья Амазонки до залива Ла-Плата.

Пигафетта, находившийся на «Тринидаде» рядом с Магелланом, дал довольно подробное описание их быта и нравов. Мужчины изготавливали долбленки, на которых ходили рыбачить по рекам и вдоль океанского побережья. На полях, где выращивали маниок, кукурузу и т. д., трудились их жены. В деревнях, окруженных палисадами, обширные общинные жилища были внутри разделены матами, по малым семьям. Это были люди каменного века, познакомившиеся с железом лишь через европейцев. Любое железное изделие, которое удавалось выменять у испанских моряков, высоко ценилось. Одна красивая нагая индианка, рассказывал Пигафетта, поднявшись на «Тринидад», увидела в каюте капитан-генерала гвоздь, вбитый в стену. На глазах владельца каюты она с радостным выражением на лице вытащила гвоздь, спрятала его между ног и поспешила удалиться с драгоценной добычей.

Антропофагия у тупинамба носила, по словам Пигафетты, ритуальный характер. «Они едят человеческое мясо своих врагов, — писал он. — Не потому, что оно хорошо, а по некоему обычаю». Через несколько десятилетий после путешествия Магеллана тупинамба захватили в плен немецкого моряка И. Штадена. Проведя 12 лет среди индейцев, Штаден впоследствии писал, что все их деревни постоянно враждовали между собой. Одни набеги преследовали цель отомстить за другие, дать возможность отличиться то одним, то другим молодым воинам. Обреченные деревни окружали, их палисады и дома обстреливали горящими стрелами. У убитых врагов отрубали головы и гениталии, которые съедали старейшины победителей. Пленных любого пола и возраста берегли до празднеств, затем их умерщвляли и съедали после торжественных плясок.^[113]

Вдоль бразильского побережья Магеллан шел довольно быстро. За полмесяца была пройдена 1000 морских миль от мыса Сан-Агустинью до бухты Гуанабара, а за 17 дней — еще 1000 миль до залива Ла-Плата. Отдыхали почти две недели в Гуанабара, где ныне стоит Рио-де-Жанейро. Это название будущей столицы Бразилии (до 1960 г.) в переводе с португальского значит Январская река. Оно было дано по недоразумению. Португальцы, открыв в январе 1502 г. вход в бухту, решили, что нашли устье крупной реки. В действительности с гор, подступавших здесь к берегу, стекали лишь небольшие речки, и в дальнейшем снабжение водой города с «речным» названием стало

---

¹¹³ Pigafetta A. Op. cit. P. 63; Staden H. Warhafftig Historia. — N. Feder-manns und H. Staden. Reisen in Sudamerica. Stuttgart, 1859. S. 185–191.

достаточно сложной проблемой, которую пришлось решать, сооружая длинный акведук и т. д.

У Рио-де-Жанейро экспедиция вышла из зоны тропиков. За 30° ю.ш. побережье изменилось. Кончились горы, начались песчаные пляжи, за которыми тянулись лагуны. Деревья стали ниже; все чаще встречались пространства, покрытые травами. За мысом Пун-та-дель-Эсте берег повернул на запад, Магеллан подошел к заливу Ла-Плата. За заливом тянулись обширные равнины (пампа, как называли их индейцы), покрытые травой и кустарником. Открытые пространства способствовали связям побережья с глубинными областями. Испанцы, в частности, обнаружили, что местные жители знакомы с серебром (которое в виде слитков иногда попадало туда из Перу). Надежда европейцев найти драгоценные металлы отразилась в географических названиях. Залив, открытый Солисом, стал у испанцев Ла-Платой («Серебром»), а страна, лежавшая далее к югу, — Аргентиной («Серебряной»).

Капитан-генерал считал необходимым обследовать залив Ла-Плату в поисках юго-западного прохода, не полагаясь на сведения экспедиции Солиса. Серран, высланный вперед на «Св. Якове», сообщил, что морского прохода на запад нет, и экспедиция, покинув Ла-Плату, продолжила путь на юг.

С февраля 1520 г. Магеллан медленно продвигался за 35° ю.ш. вдоль полупустынной страны с умеренным климатом. Местные индейцы, изредка показывавшиеся на берегу, носили одежду из шкур гуанако, разновидности ламы, а ноги для сохранения тепла обматывали сеном. Получались громоздкие «валенки», которые дали повод назвать страну Патагонией, т. е. краем людей,

рожденных с лапами (по-испански «пата» — «лапа», а по-гречески «гонос» — «порождение»). Магеллан обследовал обширные заливы, не жалея времени. Экспедиция шла в штормовую погоду, у берегов были мощные приливы, нередко встречались рифы и мели, из-за которых корабли несколько раз получали повреждения. В конце марта 1520 г. Магеллан решил остановиться в бухте Сан-Хулиан, отдохнуть, заняться ремонтом, переждать приближавшую зиму южного полушария.

За бухтой Сан-Хулиан простиралась пампа. На островах к югу от Ла-Платы моряки нашли лежбища котиков, гнездовья пингвинов, а в бухте встречались кролики, лисы, гуанако и еще одна местная достопримечательность — нанду, американские страусы. Около стоянки экспедиции имелись источники пресной воды, прибрежная часть океана давала неплохие уловы рыбы.

Патагонцы, изредка отваживавшиеся приблизиться к кораблям, оказались людьми высокорослыми, сильными. Это были индейцы техуэльче (языки «чон»). Ф. Альбо, второй маэстре с «Тринидада», автор сохранившегося вахтенного журнала, который обычно не касался местных жителей, сделал для них исключение. По его словам, «они — прекрасные бегуны, статные, хорошо сложенные люди».^[114] Техуэльче жили охотничьими группами, делившимися на патрилинейные семьи. Били дичь из луков, подманивали гуанако на крик их детенышей. Впоследствии, когда появились лошади, завезенные европейцами, они занялись конной охотой,

---

¹¹⁴ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 196.

используя лассо и бола — камни, скрепленные ремнями. Несколько техуэльче доставили на корабли — кого силой, кого хитростью — и разместили вместе с группой индейцев бразильского побережья. Почти никто из них не добрался до Испании. Часть погибла, не выдержав тяжести путешествия, других испанские моряки оставили на Молукках. На двоих патагонцев, добровольно явившихся на флагман, Магеллан велел надеть кандалы, якобы в виде европейского подарка. Когда один из патагонцев понял, что лишился свободы, он отказался принимать пищу и уморил себя голодом.

Прибыв в Сан-Хулиан, Магеллан распорядился на время зимовки урезать рационы. Распоряжение вызвало недовольство, усугублявшееся разговорами о бесполезности поисков юго-западного прохода. За разговоры, расшатывавшие дисциплину, были вынесены взыскания, а по кораблям было объявлено, что капитан-генерал вынужден экономить продовольствие, так как экспедиция еще далека от завершения. В то же время морякам рекомендовалось не сидеть, сложа руки, а заняться охотой на водоплавающую дичь и рыбной ловлей, чтобы запасы продовольствия не так быстро убывали. Заявления Магеллана, по-видимому, несколько успокоили матросов, но они никак не повлияли на тех офицеров, которые были близки к Картахене. Судя по всему, они сочли, что настал удачный момент, чтобы свести счеты с капитан-генералом, воспользоваться непопулярностью его приказов и желанием многих скорее вернуться в теплые края.

Подозревал ли Магеллан, что недовольство моряков могло вылиться в бунт? Было бы наивно думать иначе после всего, что произошло, включая арест Картахены. Но капитан-генерал не собирался хватать и наказывать

всех, на кого могло пасть подозрение. В свое время Картахена был закован в кандалы за конкретный проступок, так же как другие получили взыскания за разговоры, подрывавшие веру в то, что экспедиция находится на правильном пути. Теперь, чувствуя, что обстановка накаляется, Магеллан, судя по всему, не терял головы и ждал — если уж бунту было суждено вспыхнуть, — когда друзья Картахены примут явные шаги к осуществлению своих замыслов. Позиция Магеллана могла кому-то показаться нерешительной, беспомощной. Но это было не так. Отказываясь карать лишь по подозрению, обрушиваться на правых и виноватых, капитан-генерал выказывал уверенность в своих действиях и спокойствие. Флотилия должна была знать, что ею руководит человек справедливый, что он обладает необходимой выдержкой. Тем, кто выбирал, к кому присоединиться, стоило лишний раз все взвесить, подумать, куда может завести бунт. Возможно, благодаря этому не одна горячая голова была спасена.

1 апреля 1520 г., в вербное воскресенье, капитан-генерал предложил всем экипажам сойти на берег, отстоять церковную службу, а затем подняться к нему на «Тринидад» и сесть за общий стол. На службу и обед не прибыли Г. де Кесада (капитан «Консепсьона») и Л. де Мендоса (капитан «Виктории»). Не исключено, что оба побаивались, как бы эта служба и обед не кончились тем, чем кончилось для Картахены совещание капитанов в Атлантическом океане. В ночь на 2 апреля начался мятеж, поднятый обоими капитанами и освобожденным ими Картахеной.

Ближайшей целью бунтовщиков, контролировавших свои корабли, «Консепсьон» и «Викторию», был захват «Св. Антония», так как в его команде нашлось немало

сочувствующих Картахене, своему бывшему капитану. Три десятка матросов и офицеров «Консепсьона» во главе с Кесадой явились на «Св. Антоний» и призвали экипаж не подчиняться Магеллану, который-де вопреки приказам короля вел флотилию к верной гибели. Мятежники тут же арестовали А. де Мескиту, португальца, родственника Магеллана, назначенного им командовать «Св. Антонием» вместо Картахены. Когда за Мескиту вступился один из маэстрес, Кесада нанес ему несколько ударов кинжалом (позднее тот скончался от ран). Никто никакого сопротивления больше не оказывал, и можно было считать, что мятежники близки к полной победе. Три корабля, считая крупнейший, «Св. Антоний», были в их руках; против них оставались лишь «Тринидад» и «Св. Яков», причем последний, самый мелкий из кораблей, не мог представлять серьезной опасности.^[115]

<http://books.tr200.net> - Книги, журналы, аудиокниги
скачать бесплатно

О мятеже Магеллан узнал утром, когда шлюпка с «Тринидада» отправилась к другим кораблям собрать людей для забора пресной воды на берегу. На «Св. Антонии» было не до пресной воды: были откупорены бочки, команда добралась до вина. С палубы гребцам на шлюпке крикнули, чтобы они убирались, что корабль подчиняется Кесаде. Узнав об этом, капитан-генерал велел объехать остальные корабли. Он смог убедиться, что ему остался верен, помимо «Тринидада», один «Св. Яков». Вскоре Кесада прислал свою шлюпку с письмом, в котором излагал требования мятежников. Противники

---

¹¹⁵ Barros Arana D.de. Vida e viagens de Ferna'o de Magalhaes. Lisboa, 1881, p. 68.

Магеллана, писал Кесада, овладели тремя кораблями, чтобы заставить его, капитан-генерала, выполнять приказы короля. Они согласны впредь видеть в Магеллане лишь маэстре, да и то если он перестанет с ними дурно обращаться и явится для переговоров на «Св. Антоний». Там капитаном должен был стать Хуан Себастьян Элькано, баск, маэстре с «Консепсьона», тот самый, которому предстояло завершить экспедицию на «Виктории», объехав вокруг света.

Капитан-генерал сделал вид, что готов на переговоры. Кесаде была отправлена записка с предложением прибыть на «Тринидад» и в личной беседе изложить свои обиды. Ответ на записку пришел без промедления: мятежники сообщили, что опасаются того, кто с ними дурно обращался, а потому настаивали, чтобы переговоры шли на «Св. Антонию».

Действия Магеллана говорили о точности его расчетов. Переговоры тянулись; шлюпка с шестью гребцами из мятежного лагеря спокойно курсировала между кораблями, создавая иллюзию, что все может кончиться миром. Выбрав удобное время, капитан-генерал предложил гребцам подняться на борт «Тринидада», где он их без лишнего шума арестовал. Мятежники на своих кораблях еще ничего не подозревали, а их число уже уменьшилось, так как шестеро сидели в кандалах в трюме «Тринидада». Следующий удар был нанесен не по Кесаде и «Св. Антонию», а по «Виктории», где было немало португальцев и других иностранцев, а потому позиции мятежных капитанов не были достаточно прочными. На «Викторию» с новым посланием отправился ялик с «Тринидада», тоже с шестью гребцами. Были отобраны, разумеется, верные люди во главе с альгвасилом —

судьей флотилии, Г. Гомесом де Эспиносой. Капитан «Виктории» Мендоса всех принял на борт, и ему вручили новую записку Магеллана. Мендоса начал было ее с ухмылкой читать, когда Эспиноса воткнул ему нож в горло, а другой моряк с «Тринидада», тоже ножом, прикончил мятежника. Команда «Виктории» не успела опомниться, как с подвалившей к борту шлюпки, которая отошла от «Тринидада», на палубу ворвалась еще дюжина верных Магеллану моряков во главе с Барбозой. Экипаж, застигнутый врасплох, сопротивления не оказывал, и активных мятежников тут же скрутили. «Виктория», на которой был сорван флаг в знак поражения, встала борт о борт с «Тринидадом» и «Св. Яковом». У капитан-генерала оказались три корабля против двух у его противников.

Приближалась ночь. Картахена и Кесада, надо думать, поняли, что с Магелланом лучше не тягаться в открытом бою. «Консепсьон» и «Св. Антоний» стояли в глубине бухты, тогда как три корабля капитан-генерала перекрывали им выход в океан. Под покровом темноты можно было попытаться вырваться из бухты и уйти от преследования. Среди ночи «Св. Антоний» выбрал два якоря, рассчитывая держаться на последнем, третьем, пока поднимут паруса. Но грунт не дал нужного сцепления, течение понесло корабль к выходу из бухты, и он оказался у борта флагмана.

Магеллан не дремал. Со стороны «Тринидада» по «Св. Антонию» ударили бомбарды, а с другого борта его взяла на абордаж «Виктория». Вслед за тем на палубу «Св. Антония» прыгнули люди Магеллана, восклицая при виде мятежников: «Вы за кого?» В ответ было слышно лишь жалобное: «За короля и вашу милость». После этого не составило труда арестовать Кесаду и его

приближенных. На «Консепсьоне», где поняли, что случилось, ни о каком сопротивлении не было речи, и Картахена разделил участь прочих бунтовщиков.^[116]

Мятеж потерпел поражение, предстоял суд. По утверждению Корреа, сразу после подавления бунта на «Виктории» шестеро моряков были повешены на топ-реях. Наваррете в тексте, который он предпослал публикации документов о Магеллане, сообщал, что более 40 человек были признаны заслуживающими смертной казни. Почти все были помилованы капитан-генералом, но три месяца носили кандалы и качали в трюмах насосы. Кесада по приговору суда был заколот кинжалом. Обязанности палача исполнил один из его приближенных, который за это сам был избавлен от смерти. Тела Кесады и Мендосы были четвертованы и развешены на кольях. Картахена и один из монахов, подстрекавший к мятежу, были наказаны тем, что их оставили на берегу после ухода экспедиции из бухты Сан-Хулиан. В дальнейшем они бесследно исчезли. Некоторые бунтовщики, в том числе астролог А. де Сан Мартин, были трижды вздернуты на дыбу. Один из моряков после этого прожил недолго, а Сан Мартин перенес наказание и смог по-прежнему заниматься предсказаниями и ясновидением.

Бухта Сан-Хулиан была мрачным местом. Открытая равнина с небольшими холмами, убогая растительность, болота, почти постоянный сильный ветер, штормящий неподалеку океан. Через несколько десятилетий после Магеллана там высадился Ф. Дрейк, полупират, служивший английской королеве Елизавете,

---

¹¹⁶ Medina J.T. Op. cit. P. 167.

отправившийся громить испанские колонии на тихоокеанском побережье, а заодно — совершить второе после Магеллановой экспедиции кругосветное путешествие. На берегу Дрейк сориентировался, увидев холм с виселицей на вершине; это было все, что оставила экспедиция Магеллана. Англичанину пришлось повторить то, что делал до него великий путешественник. Собственно говоря, Дрейк зашел в бухту, чтобы казнить здесь руководителя заговора, раскрытого во флотилии, Т. Доути. Когда Доути признали виновным, ему предложили наказание на выбор: суд в Англии, высадку в одиночестве на американском берегу или, наконец, казнь на том же берегу. Мятежник сказал, что суд в Англии будет для него позором, высадка на берегу погубит его душу из-за того, что придется жить среди язычников, а потому он предпочитает смертную казнь. Спустившись на берег, Доути по-братски обнял Дрейка и направился к палачу.^[117]

В экспедиции Магеллана поражение мятежников в бухте Сан-Хулиан, казалось, клало конец неповиновению. Но не могла исчезнуть одна из причин мятежа — тревога моряков за свою судьбу в неведомых странах. Тревога заставляла верить всяким слухам, в том числе злонамеренным, например тому, что Магеллан — или сумасшедший, или агент Португалии, что он губит экспедицию ради интересов короля Мануэла, ненавистника испанцев. Моряки слышали, что капитан-генерал готов плыть до 75°, и такая перспектива вряд ли была способна унять их тревогу. Поэтому победа

---

¹¹⁷ [Drake F.] The World Encompassed by Sir Francis Drake. London, 1854. P. 234–235.

над мятежом не была полной, страх сохранялся и даже увеличивался.

Пожалуй, это более всего касалось экипажа «Св. Антония». Там было немало противников Магеллана, а один из них, опытный кормчий, португалец Э. Гомиж, переведенный с «Тринидада», был в свое время соперником капитан-генерала. Еще до появления Магеллана при королевском дворе Гомиж обращался к властям Испании с предложением организовать экспедицию на Молукки, но его кандидатуру отвергли, предпочли Магеллана, чего Гомиж, по-видимому, не забыл. «Св. Антонием», куда он попал, крупнейшим кораблем флотилии, по-прежнему командовал Мескита, которого во время бунта мятежники первым арестовали на глазах экипажа. Чего еще можно было ждать от этого экипажа, запуганного, сдавшегося Магеллану, как до этого он сдался Кесаде?

Еще одной из причин беспокойства для членов экспедиции было уменьшение запасов продовольствия. Его недостаток стал особенно заметен, когда погиб вместе со своими припасами «Св. Яков», ушедший в разведку. Экипаж из 38 моряков спасся, за исключением одного человека, и был распределен по прочим кораблям, встав на их довольствие.

Целью разведки «Св. Якова» был поиск прохода на запад, что требовало тщательного обследования побережья. Пока шел ремонт остальных кораблей, «Св. Яков» мог облегчить задачу всей флотилии. Далеко уйти ему не удалось ввиду встречных ветров. За 60 миль от Сан-Хулиана была найдена еще одна удобная бухта, Санта-Крус, где было немало морского зверя и птицы. Но несколько к югу от Санта-Круса моряков ждало

несчастье. В бурю их корабль потерял управление, напоролся на прибрежные скалы и разбился. Потерпевшие крушение решили берегом вернуться в Санта-Крус, соорудить там плот и на нем плыть к Сан-Хулиану. Когда пришли в Санта-Крус, план пришлось менять из-за крайней усталости людей. Двух наиболее сильных моряков отправили пешком на север. Они шли 11 дней в обход прибрежных болот, питаясь листьями и кореньями. Когда они добрались до флотилии, то имели такой вид, что их не узнали товарищи. На выручку экипажа «Св. Якова» Магеллан отправил берегом два десятка человек. С их помощью после многодневных мытарств потерпевшие крушение смогли вернуться в Сан-Хулиан.

Стоянка в Сан-Хулиане длилась четыре с лишним месяца. За это время Магеллан потерял около 30 человек: казненных после мятежа, умерших от болезней, погибших из-за несчастных случаев. В руководстве экспедиции произошли перемены. Помимо Мескиты (на «Св. Антонии») капитаном стал Барбоза (на «Виктории»); Серран, потерявший «Св. Якова», был переведен на «Консепсьон». 24 августа 1520 г. флотилия покинула Сан-Хулиан, но уже через два дня, зайдя в бухту Санта-Крус, она вновь прервала путешествие. Причина была в непогоде и в новых повреждениях кораблей, днища которых несколько раз задевали грунт.

На этот раз стоянка затянулась почти на два месяца. Только 18 октября Магеллан смог выйти в океан и двинуться дальше на юг. А 21 октября экспедиция оказалась перед входом в какое-то подобие залива, который уходил в глубь материка. Это был день св. Урсулы, погибшей, по поверью, от рук гуннов вместе с 11 тыс. христианских дев (вирхенес — по-испански). Как

писал в своем вахтенном журнале Альбо, «в пяти лигах от земли я установил, что солнце — точно на 52°. Мы увидели открытое пространство, подобное заливу, и на входе по правую руку — очень длинную песчаную косу. Мыс, который мы открыли перед косой, называется мысом Вирхенес...». ^[118] Магеллан стоял перед проливом, получившем его имя. Проход из Атлантики в Тихий океан был открыт.

Магелланов пролив — это цепь расширенных и суженных участков водного пути. Он лежит между южной оконечностью Патагонии и прилегающими островами, в том числе о. Огненная Земля. Общая протяженность пролива — более 300 миль. Приблизительно посередине изломанная полоса пролива, начинающаяся у мыса Вирхенес, становится почти идеальной прямой, чтобы завершиться у северной оконечности о. Десоласьон на выходе в Тихий океан. Но капитан-генерал еще не знал, был ли здесь действительно пролив; это предстояло проверить, и, как всегда, тщательным образом. Огненной Земле и Патагонии экспедиция дала их названия. Людей здесь капитан-генерал не видел, но он мог считать, что они были. Однажды ночью, продвинувшись за мыс Вирхенес, моряки заметили многочисленные костры на левом берегу пролива, что и дало основание говорить об Огненной Земле. Высадившись там на берег, спутники Магеллана нашли еще одно свидетельство пребывания людей — усыпальницу в виде хижины с многочисленными человеческими останками.

<http://book.tr200.net> - Скачать книги бесплатно

---

¹¹⁸ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 197.

По словам Ч. Дарвина, «Огненную Землю можно представить себе как гористую страну, которая частично опустилась в море, вследствие чего глубокие проливы и бухты занимают места долин. Скаты гор... заросли от самой воды и до верхушек густым лесом. Деревья поднимаются на высоту 1000 и 1500 футов; за ними следует торфяная полоса с мелкими альпийскими растениями; еще выше проходит линия вечного снега...». ^[119] Огнеземельцы, как выяснили в дальнейшем исследователи этих краев, были отсталыми индейскими племенами (*она* и другие). Многие из них не пользовались лодками, а потому контакты с патагонцами носили случайный характер, и то лишь тогда, когда кто-либо из соседей перевозил их через Магелланов пролив. Жили все эти племена отдельными патрилинейными семьями; изредка собирались вместе на охоту за крупным зверем, на игрища, во время которых молодежь под руководством шаманов обучалась племенным обычаям, нормам брачной жизни. На берегу пролива рыбачили, ловили моллюсков, били водоплавающую птицу и т. д.

Плавание испанских кораблей по незнакомому проливу было опасным. В его восточной части с берегов дули сильные ветры; лишь в глубине пролива, и то далеко не везде, горы защищали корабли от бурь. Останавливаться было неудобно, грунт не держал якоря, и для стоянок приходилось искать места, где на берегу можно было закрепить швартовы. Капитан-генерал выслал «Св. Антоний» и «Консепсьон» на поиски прохода, а остальные корабли оставил у входа в пролив. Поднялась буря, и стоять у берега вблизи скал было

---

¹¹⁹ Дарвин Ч. Сочинения. М.-Л., 1935. Т. 1. С. 180.

опасно. В течение многих часов пришлось лавировать в проливе, поджидая ушедших вперед. Они, наконец, вернулись и сообщили, что прошли в бурю с немалым риском несколько десятков миль, что дальнейшее продвижение на запад вполне возможно.

Новость была радостной, но, по-видимому, не для экипажа «Св. Антония». Затянувшееся пребывание на дальнем юге грозило новыми лишениями. Вне зависимости от того, был ли открыт проход на запад или нет, среди офицеров «Св. Антония» преобладали те же настроения, что и во время мятежа в бухте Сан-Хулиан. 8 ноября 1520 г., когда флотилия прошла Огненную Землю, Магеллан снова отправил «Св. Антоний» и «Консепсьон» в разведку. «Св. Антоний» больше не вернулся. По одним сведениям, он ушел на юг и, обойдя мыс Горн, оказался в Атлантике. По другим сведениям, корабль ночью проскользнул мимо Магеллана и добрался по проливу до мыса Вирхенес.

Душой заговора на «Св. Антонии» был Гомиж, хотя командование мятежным кораблем перешло не к нему, а к Х. Герре — нотариусу, родственнику торговцев Аро, которые помогали снарядить экспедицию. Капитан Мескита был арестован. Говорили, что мятежники подвергали его пыткам, принуждали обещать, что по прибытии в Испанию он даст выгодные им показания. Когда «Св. Антоний» пришел в Севилью (через полгода после своего дезертирства), испанские власти посадили в тюрьму всех, кто там был, включая Мескиту, переданного им в кандалах. Мятежники, как один, показали на следствии, что-де сбежали из-за жестокости Магеллана, который не знал, где находятся Молукки и скорее всего выполнял задание португальцев. Через несколько месяцев власти всех освободили, за исключением

Мескиты, которому пришлось сидеть до возвращения «Виктории». Подозревая капитан-генерала в измене, власти, как сообщал Наваррете, взяли «под наблюдение» его жену, чтобы она не могла покинуть Испанию. Трудно сказать, что собой представляло такое наблюдение, похожее на домашний арест. Ясно только, что для молодой жены капитан-генерала это был удар, тем более жестокий, что в конце 1521 г. она потеряла своего ребенка, сына Магеллана.

Капитан-генерал оставался в проливе более месяца, причем ряд дней ушел на безнадежные поиски «Св. Антония». Покидая пролив, Магеллан сделал все, что требовали в подобных случаях инструкции. В двух местах он поставил памятные знаки в виде испанских флагов, укрепленных на мачтах, под которыми лежали горшки с письмами к морякам «Св. Антония» и указаниями, куда пошла флотилия. Скорее всего Магеллан знал, как относился к нему Гомиж. Если этого было мало, то он мог припомнить, что на последнем совещании офицеров, перед бегством «Св. Антония», Гомиж был единственным, кто высказался против продолжения путешествия, ссылаясь, в частности, на нехватку продовольствия. Тогда Магеллан заявил офицерам, словно предвидя недалекое будущее, что готов есть кожу, которой покрыты реи, лишь бы выйти к Молуккам. Теперь ему, судя по всему, было понятно, почему исчез «Св. Антоний». Но хотя бы формы ради следовало узнать мнение Сан Мартина. Ясновидец и моряк, когда его спросили, объявил то, о чем могли бы догадаться без

него: «Св. Антоний» — цел и невредим, он направляется к Европе, а Мескита сидит под арестом.^[120]

28 ноября 1520 г. флотилия, уменьшившаяся до трех кораблей, вышла из пролива. Позади остались гористые острова, а к северу вдоль американского побережья тянулись такие же другие. На запад простирались водные просторы; возможно, они были частью Южного моря, которое видел Бальбоа. Капитан-генерал был встречен прекрасной погодой и легким ветром, благоприятным для продвижения на север. Он дал морю новое название, которое сохранилось на века: Тихий океан.

* * *

Покинув Магелланов пролив, экспедиция в течение двух недель плыла на север, вдоль Южной Америки, то удаляясь в открытый океан, то приближаясь к берегу. Казалось бы, Магеллану следовало идти на северо-запад, к Молуккским островам. Но капитан-генерал, по-видимому, желал убедиться, что берег Америки тянется в направлении Вест-Индии и не смыкается с Азией, во всяком случае в этих широтах. Путь в Вест-Индию мог стать запасным вариантом при возвращении экспедиции в края, контролируемые испанцами. Кроме того, экспедиция зашла далеко на юг, и лишь севернее, по аналогии с Атлантикой, можно было ожидать юго-восточных ветров, пассатов, которые были способны помочь продвижению в сторону архипелагов, примыкающих к Азии.

---

¹²⁰ [Barros J.de]. Op. cit. P. 289.

Американский берег (ныне входящий в Чили), вдоль которого плыл Магеллан, был совсем не похож на полупустынный патагонский. На север шла череда гористых островов, покрытых лесами. Западные ветры приносили сюда обильные теплые осадки, а лежавшие рядом Анды оставляли полупустынную Патагонию в «дождевой тени». Контраст между западными и восточными берегами Южной Америки, казалось, был сравним с противоположностью знакомых Магеллану берегов Южной Африки — пустынной Намибией и цветущим Мозамбиком. Но такое сравнение не было бы удачным, поскольку покрытые густой зеленью берега в одном случае (Африка) находились на востоке континента, в другом (Америка) — на западе. Разница объяснялась низкими южными широтами, в которых лежала оконечность Америки. Там господствовал особый режим осадков, ветров и течений.

Судя по записям Альбо, Магеллан продвинулся вдоль берега до 38° ю.ш. Он оказался рядом с районами расселения арауканов, соседей знаменитых инков. Наступавшим на юг инкам время от времени удавалось теснить арауканов, близких им по материальной культуре (выращивание многих сортов маиса и картофеля, изготовление тканей из шерсти лам и т. д.). Но арауканы выдержали эти вторжения, за которыми с XVI в. последовали войны с испанцами. Арауканы, оттесненные еще дальше на юг, не складывали оружия.

В конце XIX в., до того, как их расселили по резерватам, над крепостью Араука на берегу океана развевалось индейское знамя — белая звезда на лазурном фоне.

За 38° ю.ш. Магеллан отклонился к северо-северо-западу, затем был взят курс на запад-северо-запад, к Молуккским островам, используя благоприятные ветры, течения и в целом неплохую погоду. Этот путь затянулся на срок, превысивший три месяца. Его большая часть пролегла в южном полушарии между экватором и тропиком Козерога. Были покрыты огромные расстояния — более 9 тыс. миль, — чего никто не мог предвидеть. Магеллан достиг экватора, еще не покинув западного полушария. Он там не обнаружил ни Молуккских островов, ни каких-либо признаков земли вообще. Тем не менее он знал, что Молукки лежат где-то близ экватора, а далее на запад находится Малакка. После пересечения экватора флотилия некоторое время придерживалась прежнего курса, потом пошла прямо в западном направлении. Теперь Магеллан совершенно справедливо считал, что ввиду затянувшегося перехода, обрекшего команду на голод и цингу, следовало возможно быстрее выйти к берегам Азии или к островам, примыкающим к ней с юго-востока. Все решения капитан-генерала были продуманны, вызваны складывающейся обстановкой. К несчастью, на пути экспедиции вплоть до Марианских островов не было обитаемой земли, отсутствовала возможность пополнить запасы воды, лишь изредка рыбная ловля восполняла нехватку продовольствия.

Маршрут Магеллана от окраин Южной Америки к Юго-Восточной Азии, грубо говоря, пересекал Тихий океан по диагонали. Великий мореплаватель не пожелал идти вдоль американского берега, искать Молукки где-то рядом с Вест-Индией, скажем на 100 или 120° западной долготы. А португальские карты, с которыми он должен был познакомиться еще до разрыва с Мануэлом,

помещали Молукки именно там. Выбор маршрута капитан-генералом, по нашему мнению, свидетельствовал, что он считал расстояние между Америкой и Азией большим, чем на этих картах, что он им не верил. Как могло быть иначе, если он шел чуть ли не напрямую к островам Юго-Восточной Азии? Скорее всего у него были некие данные, может быть собственные подсчеты, пусть очень приблизительные, о меридианах, проходящих через Америку и страны Юго-Восточной Азии. В любом случае его маршрут по Тихому океану исходил из смелой и плодотворной гипотезы о значительной удаленности Молукк от Нового Света. Нельзя не восхищаться мужеством моряка, избравшего тяжелейший маршрут, его трезвым расчетом, широтой взгляда, на который не повлияли никакие авторитеты.

Но почему Магеллан, достигнув экватора, не повернул и не стал плыть вдоль него к Молуккам, почему предпочел продолжить прежний курс, уйдя за 10° с.ш.? Чтобы в этом разобраться, вспомним политическую обстановку, в которой находилась экспедиция, вспомним опасения встретить португальцев. В восточном полушарии, надо думать, Магеллан не желал такой встречи еще больше, чем ранее. В случае вооруженного конфликта он располагал ослабленным голодом экипажем и флотилией, сократившейся до трех видавших виды кораблей. Можно было бы вести переговоры с португальцами где-то у берегов Вест-Индии, ссылаясь на то, что там — зона влияния Испании. Но Молукки лежали за тысячи миль от Америки, и португальцы теперь вряд ли стали бы церемониться с испанцами. Легче было на случай встречи с ними придти откуда-нибудь с севера, заявить, что экспедиция искала пути в Китай и соседние

страны, что она не выступала конкурентом португальцам. Судя по словам Пигафетты, голодные участники экспедиции наивно спрашивали Магеллана, почему он не шел к Малакке. На что он — вопреки истине — заявил, что там в это время года не найти продовольствия. С одной стороны, ответ показывал, что капитан-генерал знал, где находится экспедиция, а с другой — зачем было обескураживать своих спутников какими-либо мрачными перспективами вооруженных столкновений?

<http://knigi.tr200.org> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Пока корабли шли близ берегов Южной Америки, т. е. приблизительно с 28 ноября по 22 декабря 1520 г., можно было время от времени ловить рыбу. Пигафетта утверждал, что в Тихом океане «ели сухари, но не собственно сухари, а крошево, полное червей, так как хорошие сухари съели некие живые существа. Крошево воняло мышиной мочой, а питьевая вода была желтой, протухшей за много дней». Но тот же Пигафетта сообщал, что в «море-океане» (не уточняя в каком, то ли в Тихом, то ли в Атлантике) встречались дорады, тунцы и макрели. 24 января 1521 г. впервые увидели необитаемый остров (из архипелага Туамоту), а через десять дней — (еще один, по-видимому, остров Флинт из архипелага Лайн. Около второго острова было много акул. Максимилиан Трансильванский, секретарь Карла V, беседовавший с экипажем «Виктории» после ее возвращения в Европу, писал, что у островов «стояли два дня ради своего здоровья, чтобы подкрепить силы, ибо там была очень хорошая рыбная ловля».^[121]

---

¹²¹ Pigafetta A. Op. cit. P. 79; A Letter from Maximilianus Transylvanus to the Most

Надо полагать, голод и цинга ударили по экспедиции в конце перехода через Тихий океан, т. е. в середине февраля—начале марта 1521 г. Скорее всего к этим дням относятся замечания Пигафетты о том, что моряки ели опилки, кожу с рей, мышей, которых продавали друг другу по пол-дуката. У больных цингой опухали десны, они не могли принимать пищу. По материалам, опубликованным Наваррете, умерли 11 человек, но Пигафетта писал о 19, считая, видимо, и тех, кто скончался вскоре после перехода через океан.

Записи участников экспедиции и другие документы довольно скупо говорят об этом переходе. Неясно, почему экспедиция не смогла существенно пополнить запасы продовольствия, например в Магеллановом проливе, где, по словам Пигафетты, было немало морского зверя и рыбы. Возможно, для засола не хватало соли; ее, как известно, взяли на борт в Севилье, но нет сведений, на каких кораблях она хранилась. Не исключено, что ее поместили на «Св. Якове» или на «Св. Антонию», т. е. на кораблях, потерянных для экспедиции. Максимилиан Трансильванский писал, вопреки утверждениям о хорошей погоде в Тихом океане, что Магеллан шел и в хорошую, и в плохую погоду. Часто ли удавалось собирать дождевую воду? Почему не смогли задержаться у о. Флинт, где был улов на акул? Только ли из-за того, что там не было стоянок, как пишут Альбо и Пигафетта? Эти и многие другие вопросы остаются без ответа.

6 марта показались какие-то острова, в том числе один довольно крупный (Гуам). На горизонте замаячили косые паруса, сделанные из матов, потом стали видны

рыбацкие лодки с поплавками-балансирами, с задранными вверх носом и кормой. Экспедиция была спасена. Она вышла к обитаемой западной части Тихого океана, где можно было получить свежую пищу, поставить на ноги тех, кто еще не был безнадежно болен.

На испанские корабли, приставшие к наиболее крупному острову, поднялись хорошо сложенные, обнаженные рыбаки с длинными черными волосами, с кожей оливкового цвета, смазанной кунжутным маслом. С берега доставили воду, начался обмен европейских товаров на фрукты и рыбу. Он, по-видимому, мало что дал, так как в последующие два дня Магеллан предпочел торговать не с местными жителями, рыбачившими на мелких лодках, а с владельцами прау — крупных лодок такого же индонезийского типа, — подошедших откуда-то издалека. Эта торговля тоже продолжалась недолго. Мирные отношения с чаморро, как называли себя островитяне, прекратились, когда выяснилось, что они то и дело забирались на европейские корабли с единственной целью похитить там что удастся. Отбиваться от них становилось все труднее, а когда ночью была угнана лодка, привязанная к флагману, капитан-генерал решил, что пора взяться за оружие.

Несколько десятков испанцев, отправившись на берег, подожгли приморское селение. Свою лодку они отбили и доставили к флотилии после столкновения, в котором погибло семеро чаморро. Магеллан должен был тут же поднять паруса, так как к флотилии подошла сотня лодок с островитянами, забрасывавшими корабли камнями. Пришлось уходить и на протяжении нескольких

милль отстреливаться из арбалетов, прежде чем оторвались от преследования.

Магеллан назвал эти острова воровскими (Ладронес). Со второй половины XVII в., когда они были официально аннексированы Испанией, их стали именовать Марианскими. Новое название было дано в честь королевы Марианы Австрийской, вдовы Филиппа IV, при котором Испания утратила ряд владений в Европе. Колонизация Мариан испанцами привела к уничтожению многих чаморро. Оставшиеся в живых смешались с филиппинцами, завезенными туда как рабочая сила. Теперь трудно сказать, почему чаморро в свое время не побоялись вступить в конфликт с Магелланом, почему пытались забрать у него лодку и т. д. Конечно, их взгляды на имущество не соответствовали европейским, и понятие собственности, если оно имелось, могло не распространяться на те вещи, которые они хотели захватить. Чаморро не пользовались железными изделиями, изготавливали орудия труда из дерева, камня и рыбных костей. Мужчины рыбачили, женщины вели домашнее хозяйство. Выращивали бананы и бататы, собирали кокосовые орехи, разводили домашнюю птицу. Пигафетта писал, что у чаморро господствовало равенство, но позднее европейские исследователи установили, что это было не так. На Марианах были простолюдины и знать, между ними воспрещались контакты, не говоря о браках.^[122]

Уйдя на запад от Мариан, Магеллан через 10 дней увидел Филиппины. Он назвал центральную часть этих островов архипелагом Св. Лазаря. Название не

---

¹²² Carano P., Sanchez PC. A Complete History of Guam. Rutland (Vt.) — Tokyo, 1964. P. 20–21.

утвердилось, и с середины XVI в. вся островная группа стала именоваться Филиппинами в честь короля Филиппа II, сына и преемника императора Карла V. Гористый филиппинский архипелаг тянется на полторы тысячи километров, замыкая с востока Южно-Китайское море. Омываемый обильными теплыми дождями, он во времена Магеллана был больше чем наполовину покрыт лесом. Прибрежные долины тонули в экваториальной растительности, тогда как выше в горах росли сосны, дубы и мирт. Животный мир на островах, отделенных от материка, лежавших на периферии Малайского архипелага, был сравнительно беден в видовом отношении. В то же время он отличался своеобразием, заметными контрастами. Рост филиппинского буйвола в холке не превышает одного метра; столько же, или даже больше, составляет размах крыльев у местной летучей собаки — достопримечательности, которую смогли увидеть Магеллан и его спутники.

Участники экспедиции встретились с исконными жителями Филиппин, низкорослыми чернокожими, которые некогда говорили на особых языках. Они их утратили, смешавшись в большинстве случаев с пришлыми индонезийцами, людьми того же монголоидного типа, что малайцы. По прошествии ряда столетий образовались многочисленные народности, отличные друг от друга по цвету кожи, говорящие на разных австронезийских языках, далеко не всегда понимающие друг друга. Среди этих народностей наиболее крупными были — в северных и центральных районах архипелага — тагалы и висайя, на юге — моро («мавры»), потомки исламизированных переселенцев из Индонезии. После начала испанской колонизации тагалы и висайя приняли христианство, тогда как моро остались

мусульманами. Опытные моряки, они всегда отличались воинственностью, совершали набеги на соседей, угоняли их в рабство. Вплоть до наших дней на мусульманском Юге, сохранившем многие черты прошлого, обстановка неспокойна, сильны сепаратистские настроения.

Первым островом Филиппин, которого достиг Магеллан, был обширный и сравнительно населенный Самар. Капитан-генерал не стал у него задерживаться, предпочитая остановки у близлежащих мелких и менее людных островов, где он чувствовал себя в большей безопасности. Там филиппинцы установили с экспедицией добрые отношения и доставили свежие продукты. Мелкие острова стали для испанцев лазаретом под открытым небом, и спустя три недели многие больные выздоровели. На одном из островов раб Магеллана Энрике, уроженец Суматры, впервые был понят местными жителями. Правда, объясняться ему удавалось с немногими, понимавшими индонезийские или малайские наречия.

Капитан-генерал не упускал из виду главную цель — поиск Молуккских островов. Филиппины на них не походили, хотя здесь встречались пряности (например, имбирь), так же как золото, что заставляло не торопиться с отъездом в другие края. Нужны были сведущие местные моряки, знавшие путь к Молуккам. Таких людей легче всего было найти в торговых центрах, а потому был взят курс на о. Себу. На нем располагался одноименный город, или, точнее, скопление нескольких разросшихся селений. По мнению местных жителей, Себу был наиболее крупным из ближайших портов.

Висайя и другие народности, населявшие Самар, Себу, Минданао и прочие острова, были схожи в

культурном отношении со своими индонезийскими предками. Рисоводы и рыбаки, они жили по берегам своих островов в свайных постройках, недоступных океанским волнам ни во время прилива, ни в бурную погоду. Разводили домашних животных, включая свиней и коз. Железо на их островах не выплавлялось, а потому ценилось высоко, чем, конечно, воспользовались испанцы. В военных действиях шли в ход мечи, копья и дротики, духовые ружья с отравленными стрелами. Население делилось на знать, простолюдинов и рабов. Правитель Себу, стареющий раджа Хумабон, обнаженный до пояса, покрытый татуировкой, в торжественных случаях восседал перед народом на площади в окружении знати. Висайя Себу торговали с дальними странами: Малаккой, Бирмой, Китаем. Существовала письменность на основе индийской графики.

По словам Пигафетты, нравы висайя более всего отличались тем, что островитяне злоупотребляли пальмовым вином и с легкостью относились к интимным отношениям. Девочки вступали в интенсивную половую жизнь с шести лет, что вело к деформации их половых органов. Мужчины перфорировали гениталии, куда вставляли металлический стержень с зажимами на краях. Пигафетта был невысокого мнения о местных жителях с точки зрения исполнения супружеских обязанностей и соблюдения супружеской верности. «Женщины любили нас больше, чем своих мужей», — отмечал он. Это замечание, казалось бы, свидетельство пикантной экзотики, настораживает, если учесть события в начале мая 1521 г., которые привели к нападению висайя на испанцев, понесших существенные потери. Что касается утверждения о супружеской неверности висайя, то, как писал один филиппинский комментатор европейских

текстов, «покоренные народы всегда изображаются в невыгодном свете...».^[123]

Магеллан вошел в порт Себу 7 апреля 1521 г. под гром пушечного салюта, перепугавшего местных жителей, включая раджу Хукабона. Спустившийся на берег переводчик, тот же Энрике, всех успокоил, сообщил, что корабельные пушки грохотали в знак приветствия, что флотилия «величайшего в мире короля» пришла искать Молукки, что стоянка в Себу была нужна для обмена европейских товаров на съестные припасы. Хумабон заговорил было о таможенных пошлинах, но Энрике объяснил, что величайший из королей никому ничего не платит, а если раджа желает воевать, то он получит такую возможность. Других объяснений не потребовалось. Хумабон выказал полное понимание, пригласил всех отведать мяса с пальмовым вином, а детальные переговоры отложил на следующий день.

<http://knigi.tr200.net> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

В ходе переговоров, проходивших на флагмане, филиппинские представители заявили, что готовы немедленно заключить договор о мире, а заодно принять христианскую веру, о которой успели помянуть пришельцы. Магеллан стал им рассказывать о сотворении мира, о том, что надо почитать отца своего и мать свою, о вечном огне для грешников; затем он прослезился, обнял представителей раджи и объявил, что мир заключен. На берег отправили дары для

---

¹²³ Pigafetta A. Op. cit. P. 110; Blumentritt F. An Attempt at Writing a Philippine Ethnography. Marawi City (Philippine Islands), 1980. P. 196.

Хумабона и товары для будущей фактории. Через неделю раджа был крещен в присутствии группы испанцев, в том числе Магеллана и двух его моряков, облаченных в рыцарские доспехи. В тот же Аень крестили жену Хумабона и его приближенных, а в последующие дни — чуть ли не всех жителей острова. Жене раджи подарили деревянную статуэтку, изображающую младенца Христа. Испанским миссионерам, прибывшим на Филиппины через несколько десятилетий, удалось отыскать эту статуэтку, и она ныне выставлена в августинском храме в Себу.

Отношения с Хумабоном, казалось, складывались удачно, тем более что через несколько дней раджа объявил себя вассалом Испании. Но подчинение Себу и соседних мелких островов, населенных висайя, не было полным. Об этом, в частности, говорят записи Дж. Баутисты, итальянского маэстре с «Тринидада». По его словам, Магеллан был намерен подчинить Хумабону всех вождей Себу и прилегающих островов, а когда часть этих вождей отказалась повиноваться, были сожжены одно или несколько селений (текст Баутисты дошел до нас в трех записях, между которыми есть разночтения). Лапулапу, один из вождей на острове Мактан, недалеко от столицы Себу, соглашался платить дань радже и испанцам, но в умеренном размере. В конце концов Магеллан решил сам отправиться на этот остров, взяв с собой 60 испанских моряков и группу воинов Хумабона.

Набег на Мактан, кончившийся гибелью Магеллана, был совершен 27 апреля 1521 г. С военной точки зрения он, судя по всему, не был продуман, и кое-кто из испанцев тщетно пытался отговорить от него капитан-генерала. Магеллан настаивал на демонстрации силы. Не исключено, что податливость, с которой

Хумабон встал на его сторону, вселяла в капитан-генерала уверенность в победе над прочими вождями. Со своей стороны Лапулапу и его воины к концу апреля могли быть осведомлены о возможности активного сопротивления европейцам. Магеллан охотно показывал свое вооружение — кирасы, мушкеты и т. д., — что позволяло филиппинцам оценить не только их достоинства, но и недостатки, прежде всего малоподвижность, на которую тяжелое вооружение обрекало европейских моряков. В случае столкновения Лапулапу и его воинам следовало лишить противника его преимуществ, а для того быстрее передвигаться, не давать испанцам вести прицельную стрельбу.

Магеллан недооценил боевитость островитян и переоценил собственные силы. Не было учтено, что три испанские шлюпки, выделенные для набега, не смогут подойти близко к берегу ввиду скалистого грунта, мелководья и мелей, обнажавшихся при отливе. Это значило, что в бою в прибрежной полосе вряд ли будет польза от огневой поддержки шлюпок, где были размещены мортиры. К тому же при высадке отряда на испанцев ложились дополнительные нагрузки, так как приходилось покидать лодки далеко от берега (на расстоянии «более чем двух полетов стрелы»), а затем идти по пояс в воде. В случае отступления пространство между берегом и лодками также превращалось в дополнительное препятствие. Отряд Хумабона, разместившийся на двух-трех десятках филиппинских лодок, был готов принять участие в столкновении, но Магеллан этому воспротивился, передав радже, что испанцы обойдутся своими силами.

Отправившись на Мактан в полночь, капитан-генерал подошел туда до рассвета. На берег был

выслан парламентар, предложивший Лапулапу смириться и уплатить дань, а не то европейцам придется показывать, «как разят наши копья». На это обращение было отвечено, что у островитян тоже есть копья и к тому же палицы. Правда, не хватает людей, но если испанцы подождут до утра, то к островитянам подойдут подкрепления. Предложение ждать до утра, скорее всего, было рассчитано на то, что Магеллан, услышав о мнимой малочисленности противника, поспешит высадить своих людей в темноте. На этот случай на берегу были подготовлены волчьи ямы. Но капитан-генерал, видимо, догадался, что его подбивают на необдуманные действия, а потому дождался утра, когда около 50 испанцев спрыгнули с лодок и направились к берегу.

Бой, завязавшийся немедленно, шел у кромки воды. По утверждению Пигафетты, более полутора тысяч островитян разделились на три группы, стремительно напав на европейцев. Стрельба из мушкетов и арбалетов, длившаяся полчаса, оказалась малодейственна. Пули и стрелы европейцев пробивали щиты, которыми прикрывались висайя, но теряли убойную силу и, самое большее, могли ранить. Воины Лапулапу, ободряя себя громкими криками, все время перемещались прыжками, не давали испанцам вести прицельную стрельбу. Поскольку на моряках были кирасы и каски, висайя целились главным образом в ноги противников, забрасывая их копьями, дротиками, камнями. По приказу капитан-генерала несколько моряков добрались до группы хижин, стоявших на берегу, и подожгли их, по-видимому, с целью отвлечь внимание висайя. Маневр ничего не дал, и давление на европейский отряд не ослабло.

Магеллан неоднократно отдавал приказ прекратить стрельбу, но его никто не слушал. Натолкнувшись на решительный отпор, моряки растерялись, контроль над ними был утрачен, их беспорядочная стрельба только истощала боеприпасы. Двое моряков, поджигавших хижины, были убиты. Получив ранение в ногу, капитан-генерал приказал постепенно отходить, но большинство моряков бросилось в бегство, спеша добраться до шлюпок. Беглецов прикрыла небольшая группа, человек шесть—восемь, которые продолжали сражаться рядом с Магелланом, стоя по колени в воде. Им пытались помочь воины Хумабона, тогда как моряки со шлюпок в свою очередь открыли огонь из мортир. О точности их огня можно судить по тому, что ядрами были убиты четверо воинов Хумабона. По словам Пигафетты, Магеллан и сгрудившиеся вокруг него моряки сражались более часа. Ясно, что у тех, кто находился в шлюпках и не был ранен, имелось время поддержать капитан-генерала, и не только неумелой пальбой из мортир. Никакой помощи помимо этой пальбы не было оказано, моряки в шлюпках предпочли роль зрителей. Наверняка у Магеллана и тех, кто остался с ним, в течение часа иссякли боеприпасы, и бой они вели лишь холодным оружием. Но тогда почему Лапулапу с его полутора тысячами воинов так долго не мог справиться с горсткой европейцев? Скорее всего Пигафетта преувеличивал, и численность воинов висайя была на порядок меньше. Конечно, близ берега могли толпиться женщины и дети, ободрявшие бойцов, подносявшие камни и т. д. Всех их Пигафетта, по-видимому, отнес к полутора тысячам неприятелей, у которых, по его же подсчету, погибли всего-навсего 15 человек против девяти европейцев, не считая раненых.

Небольшая группа моряков вокруг Магеллана таяла. С капитан-генерала дважды сбивали каску, затем ранили в руку, державшую шпагу. Висайя опознали руководителя экспедиции и целились только в него. От удара по ноге он упал плашмя лицом в воду, после чего оставалось лишь его добить. По словам одного из моряков, неаполитанца Никколау, капитан-генерала прикончили ударом копья в горло.^[124]

Покуда Магеллан держался на ногах, он несколько раз оборачивался к шлюпкам, словно желая убедиться, что надежно прикрыл отступление. Он совершил просчет, отправившись на Мактан. Теперь, прикрыв отступление, он готов был уплатить за ошибку собственной жизнью. Может быть, он успел вспомнить своего португальского командира Алмейду, который также жестоко поплатился, напав на готтентотов. А может быть, на мгновение перед ним встала Малакка, Франсишку Серран, все, окруженные малайцами, когда он, Магеллан, бросился им на выручку и спас от верной гибели. Он был не из тех, кто стал бы отсиживаться в шлюпке, когда рядом товарищи попали в беду.

Спасшиеся участники набега без помех вернулись в Себу. Ввиду гибели Магеллана экипажами трех кораблей были избраны два руководителя экспедиции — Д. Барбоза и Ж. Серран. Раджа Хумабон с согласия моряков известил Лапулапу, что он может требовать любой выкуп за выдачу тела Магеллана и других убитых европейцев. В ответ было сообщено, что тело Магеллана не будет

---

¹²⁴ Mafra G.de. Libro que trata del descubrimiento del Estrecho de Magellanes. — Publicaciones de la Real Sociedad geographca.' Madrid, 1920. P. 199–204.

выдано ни при каких условиях, что оно останется на Мактане «на память».

Трудно сказать, что сделали жители Мактана с останками мореплавателя. Участники экспедиции и историки XVI в. ничего об этом не говорили. Об обычаях, исчезнувших после крещения висайя в конце XVI в., не так много сведений. Косвенно о них можно судить по заметкам европейцев касательно соседних племен Минданао, Лусона и других островов. На Минданао у убитых врагов съедали сердце с соком лимона и апельсина. Неизвестно, можно ли было отнести висайя тех времен к «охотникам за черепами». К ним долгое время принадлежали калинга — жители глубинных районов Лусона. Часть калинга делали из основания черепа убитых неприятелей ручки, на которых подвешивали гонг. У других племен отрезанные головы передавались местному сторожу, чтобы они помогали охранять селение от теней усопших и от здравствующих недругов.

* * *

За гибелью Магеллана последовали дальнейшие беды экспедиции. Через четыре дня после боя на Мактане экспедиции был нанесен новый удар, стоивший потери более 20 (по другим сведениям, более 30) человек, в том числе несколько маэстрес, Серрана, Барбозы и других. Почти все рассказы об этом событии сводятся к тому, что 1 мая 1521 г. раджа Хумабон якобы заманил европейцев под предлогом угощения в город, где на них напали его воины. Раджа, если верить рассказам, собирался захватить европейские корабли с их грузом. Доказать это, правда, было нельзя, в частности, потому что ни о каких действиях против

кораблей, ни о какой концентрации сил против них не было речи. Что касается угощения в городе, то тут все выглядело правдоподобно, так как экспедиция постоянно кормилась за счет Себу и окрестных селений.

Двое историков XVI в., испанец А. де Эррера-и-Тордесильяс и португалец Ж. де Барруш, писали, что Хумабону приходилось выбирать между союзом с европейцами и настроенными против них соотечественниками, в том числе собственной знатью, прочими вождями висайя, включая Лапулапу. Историки повторяли слова Элькано (в его показаниях после возвращения в Европу) и Пигафетты о том, что раджу подбил на нападение Энрике, раб Магеллана. Словно оправдывая Энрике, Пигафетта добавлял, что испанцы заставляли его работать на берегу, несмотря на рану, полученную на Мактане. В тот день, продолжал Пигафетта, до столкновения с висайя на корабли с берега вернулись двое моряков и сказали, что подозревают что-то неладное. Их подозрения были вызваны только тем, что висайя отозвали в сторону испанского священника (на него смотрели как на целителя), отделили его от общей группы моряков. Едва вернувшиеся с берега успели это сообщить, как со стороны города на кораблях услышали крики и причитания. Затем появились висайя, тащившие связанного и окровавленного Серрана. Он стал кричать, что все погибли, кроме переводчика Энрике, что его, Серрана, отпустят только за выкуп, который он просит немедленно уплатить.

<http://goraknig.org> - Книги, журналы, аудиокниги скачать бесплатно

Если висайя не убили Энрике, то это еще не значило, что он был в сговоре с Хумабоном, что раджа организовал нападение на испанцев. И почему надо было принимать на веру крики Серрана о том, что всех убили? Испанский историк XVI в. Ф.Л. де Гомара рисал, что все европейцы остались живы. Судя по всему, он передавал слухи, ходившие на Филиппинах и на соседних островах после гибели Магеллана. В достоверности этих слухов можно усомниться, но тогда почему нужно принимать на веру то, что писал Пигафетта о гибели всех своих товарищей, пропавших без вести, возможно убитых, а возможно и плененных.

Никакого выкупа за Серрана моряки платить не стали. Произошло приблизительно то же, что после боя на Мактане: испанцы подняли якоря и поспешили отчалить. Серран остался на берегу, и никто не собирался выяснять, живы ли остальные матросы и маэстрес, отправившиеся с ним в город.

Рассказ Пигафетты был довольно несвязным, так же как рассказы его спутников, включая Элькано. Все их утверждения перечеркивались лаконичной записью о событиях первого мая, сделанной П.М. д'Ангиерой и опубликованной после его смерти. Итальянец по происхождению, придворный священник в Испании, Ангиера беседовал с моряками «Виктории» после их возвращения в Европу. Один из них, генуэзец М. Юдицибус, на исповеди сообщил священнику, что столкновение с висайя было следствием насилий, учиненных европейскими моряками. В Себу «произошли волнения, вызванные надругательством над женщинами».^[125] Замечание Пигафетты о филиппинках,

---

¹²⁵ Mosto A.de. Il primo viaggio intorno al globo di Antonio Pigafetta. — Raccolta di

которые «любили нас больше, чем своих мужей», получило объяснение в устах моряка, назвавшего вещи своими именами.

При жизни Магеллана поведение моряков, по-видимому, как-то контролировалось. На переговорах с раджой капитан-генерал утверждал, что испанцы как христиане не имели права вступать в связь с язычниками-филиппинками. Запрет должен был отпасть, когда жители Себу приняли крещение. Но и до этого, конечно, трудно было предотвратить бесчинства моряков. С начала экспедиции Магеллан должен был знать, что в далеких странах его спутников не удастся остановить религиозными поучениями. А после гибели руководителя экспедиции и неизбежного падения их авторитета не приходилось ждать, что висайя станут безропотно сносить надругательства.

Бегство из порта Себу ставило экспедицию в затруднительное положение. Корабли, ушедшие в открытое море, нуждались в ремонте; они не успели погрузить воду и продовольствие, не взяли местных моряков, способных указать путь хотя бы до Брунея, ближайшего порта на Борнео (ныне Калимантан), не говоря уже о Молуккских островах. Экспедиция теперь насчитывала около 150 человек, среди них было немало раненых и больных. Справиться с управлением тремя кораблями испанцам было нелегко, а потому было решено сжечь «Консепсьон», сняв с него грузы, и плыть дальше лишь на «Тринидаде» и «Виктории». Вместо руководителей экспедиции, потерянных на Себу, были

избраны новые: маэстре Ж.Л. де Карвалью и альгвазил (судья) Г.Г де Эспиноса.

Продовольствие приходилось экономить; моряки голодали, покуда на одном из островов в море Сулу не удалось выменять рис и свинину на европейские изделия, которых в трюмах было в достатке. Там же в море Сулу испанцы, не гнушаясь откровенным пиратством, захватили прау с тремя арабами. Их язык кое-кто в экспедиции понимал, а потому они могли заменить переводчика Энрике, потерянного на Себу. Кроме того, арабы были моряками, знавшими дорогу к Брунею.

Испанцы направлялись к Большим Зондским островам, основной части Малайского архипелага. Это был мир малайцев и индонезийцев, с которыми Магеллан познакомился во время своих плаваний к Малакке. Суматра, Борнео, Ява и Целебес (ныне Сулавеси) вытянулись на 3 тыс. км по обе стороны экватора. На островах к заболоченным низменностям спускались склоны гор, чаще всего небольших. Среди них возвышались потухшие и действующие вулканы, в том числе Кракатау, на одноименном острове между Явой и Суматрой. Позднее, в XIX в., его извержение подняло волну в 25 м, покрыло пеплом площадь в 800 тыс. кв. км (больше, чем Англия и Франция вместе взятые), повлекло гибель десятков тысяч людей.

Северные районы Борнео, куда приближались испанские корабли, были в основном низменным краем, покрытым густой экваториальной растительностью. Единственным крупным портом с хорошей гаванью был Бруней, столица полуисламизированного султаната, укрепившегося в XV в. под властью малайской династии. Бруней населяли преимущественно малайцы;

неподалеку, по другую сторону гавани, жили даяки (одна из ветвей индонезийских языков), не подчинявшиеся султанату. Недавняя исламизация брунейцев была во многом поверхностной, сводившейся к обрядности, отдельным запретам и т. д. Арабский язык не мог вытеснить малайские и индонезийские наречия, богатые традициями, с письменностью, восходившей к VII в. н. э. Как и другие народы Индонезии, малайцы Брунея были земледельцами, скотоводами и рыбаками. Главной продовольственной культурой был рис; разводили буйволов, низкорослых лошадей, слонов, домашнюю птицу. Полагают, что слонов здесь раньше не было. Их завезли из Азии, часть их одичала.^[126]

По тем временам Бруней был значительным центром, в котором европейцы насчитали 25 тыс. домохозяйств — групп, живших в свайных постройках. Резиденцию местного правителя, которого титуловали то раджой, то султаном, прикрывала с моря крепостная стена с башнями, с десятками пушек. Часть свайных построек во время прилива стояла в воде, между сваями свободно плавали лодки с торговками — местными жительницами. Город с рынком на воде, широкополые шляпы торговков, их неумолчный гомон — все это было ново для европейцев, знакомых за пределами своих стран лишь с Индией и арабским миром. Новостью было и то, что по рукам ходили либо китайские монеты, либо местные со знаком «Великого короля» Китая. Из европейских товаров пользовались спросом ртуть и другие металлы, бумага, очки, изделия из шерсти и льна,

---

¹²⁶ Crawford J. A Descriptive Dictionary of the Indian Islands and Adjacent Countries (reprint). Kuala Lumpur a.o., 1971. P. 68 etc.

шпаклевка для джонок, которые по размерам подчас не уступали европейским кораблям.

Экспедиция, достигшая Брунея 9 июля 1521 г., была встречена без видимого недоброжелательства. Сирипада, как звали раджу, конечно, должен был знать, что прибытие европейцев, хозяйничавших в Индии и соседней Малакке, не сулило ему ничего доброго. Но выказывать с самого начала враждебность было ни к чему. Скорее всего Сирипада учитывал опыт правителя Малакки, когда тому пришлось иметь дело с Секейрой и Албукерки. Не исключено также, что теперь, в первой половине июля 1521 г., до Брунея успели дойти известия с Филиппин о целях испанцев, их боевых качествах, о последствиях столкновений с висайя.

Несколько дней испанские моряки провели в гавани, ожидая разрешения начать торговлю. Наконец им сообщили, что разрешение будет дано на приеме у раджи. Надо было готовить подарки для Сирипады и для чиновников более высокого ранга, чем портовые власти, которые угощали испанцев рисовой водкой, не обременяя себя мусульманскими запретами. Вручать дары отправилась делегация, доставленная ко двору на шести слонах. При торжественном проезде делегации на улицы согнали сотни горожан, которым полагалось носить оружие. Общаться с раджой непосредственно было нельзя, а потому взаимные приветствия и заверения в дружбе Испании с Брунеем передавались через сановников. Раджу — сорокалетнего толстяка, жующего бетель, — испанцы видели издали; он сидел в задрапированном зале с узорными шторами. Придворные были одеты в шелка, шитые золотом. Сирипаду окружали 300 воинов с обнаженными кинжалами.

Испанцы оставались в порту до 29 июля, когда к кораблям неожиданно подошло много лодок и джонок. Держась настороже, испанцы тут же подняли якоря и отошли к открытому морю. При этом они сумели захватить одну из джонок, а на следующий день — другую. Сами по себе джонки не были нужны, но их команду и пассажиров, превращенных в заложников, можно было обменять на трех участников экспедиции, оставшихся на берегу в руках брунейцев.

Заложники попали на «Викторию». Ответственность за их судьбу и за то, что их так и не обменяли на европейских моряков, нес Карвалью — фактически капитан «Виктории». Ночью наиболее ценный заложник, сановник с острова Лусон, сбежал, причем моряки полагали, что ему удалось это сделать, подкупив Карвалью. Остались, как писал Корреа, «три девушки необычной красоты».^[127] Вначале Карвалью объявил, что доставит их в виде дара императору Карлу; потом он передумал, и красавицы попали к нему в постель. Кончилось тем, что команда стала роптать и, чтобы ее утихомирить, заложниц сделали доступными всем морякам. После этих перипетий авторитет Карвалью пошатнулся. Через несколько месяцев ему все припомнили, отстранив от руководства экспедицией и командования «Викторией».

Продовольственные закупки, которые успели сделать в Брунее, позволили экспедиции без спешки начать поиск места для высадки на берег и ремонта кораблей. Выбрали небольшой остров между Борнео и Филиппинами, где простояли полтора месяца. После

---

¹²⁷ Correa G. Op. cit. P. 632.

ремонта ходили к различным островам в морях Сулу и Сулавеси, занимались пиратством, покупали пряности — корицу и имбирь. Вновь пытались отыскать местных моряков, способных отвести экспедицию к Молуккским островам. Они лежали почти за тысячу миль к юго-востоку от Северного Борнео, но испанцы полагали, что искать их надо на востоке, в Тихом океане, вне Малайского архипелага. Наконец у берегов Минданао удалось захватить прау, и пленники с этого корабля, местные моряки, указали верное направление для поисков. Уже недалеко от Молукк попали в сильную бурю. На мачтах засветились огни; на этот раз, по мнению моряков, — огни не только св. Эльма, но также св. Николая и св. Кларисы. Мы пообещали, писал Пигафетта, всем трем святым подарить раба, а также подали каждому из них милостыню, после чего буря, конечно, утихла.

8 ноября 1521 г., через два с лишним года после того как экспедиция покинула Испанию, она вышла к Тидоре — одному из пяти небольших островов Молуккского архипелага. Цель экспедиции была достигнута. Тидоре лежит у западного берега крупного острова Хальмахера (ранее Джайлоло, или Жилоло). Ныне к Молуккам относят Хальмахеру и всех ее соседей к западу и югу. Но в XVI в. европейцы включали в Молуккский архипелаг лишь Тидоре и примыкающие к нему четыре мелких острова — Тарнате, Мортир, Макиан и Бахиан, — главных поставщиков пряностей.

Гористые Молуккские острова были примечательны своей растительностью (гвоздика, мускатный орех, имбирь), своим животным миром («говорящие» красные попугаи, райские птицы с разноцветными перьями и т. д.). Коренное население составляли главным образом

папуасы, смешавшиеся с пришельцами — малайцами и индонезийцами. Жители Тидоре и других островов переняли малайско-индонезийскую культуру, но сохранили папуасские языки. Чистых папуасов, населявших глубинные районы островов, было мало. Подобно индонезийцам, тидорцы, тарнатцы и их соседи выращивали прежде всего рис, разводили мелкий рогатый скот и домашнюю птицу, заготавливали пряности, за которыми приезжали малайские и индонезийские торговцы. На Мортире и Макиане правили местные старейшины, на прочих островах — арабы, появившиеся здесь во второй половине XV в. Арабские султаны держали гаремы по несколько сот заложниц. Непосредственно прислуживали султанам женщины-горбуньи, которым в детстве ломали позвоночник. Считалось, что общество таких прислужниц поднимает престиж султанов, так же как обычай носить в виде ожерелья высушенные головы своих врагов. В число врагов попадали папуасы внутренних районов и соперники-арабы из прибрежных жителей. Время от времени все они сводили друг с другом счеты.^[128]

<http://knigi.tr200.biz> - Скачать бесплатно книги, аудиокниги, литературу, журналы

После захвата Малакки на Молукках и около них появились первые португальцы — в основном моряки, потерпевшие крушение, дезертиры. Часть их вернулась в Индию с португальской флотилией, посетившей море Банда в 1513 г. Кое-кто, подобно Серрану, другу

---

¹²⁸ Magallanes F.de. Descripcion de los reinos, costas, puertos e islas que hay desde el Cabo de Buena Esperanza hasta los Leyquios. — Publicaciones de la Real Sociedad geografica. Madrid, 1920. P. 174; [Barbosa D.] Livro de Duarte Barbosa. — Colleccion de Noticias para a historia e geographia das Nacoes Ultramarinas. T. II. № VII. Lisboa, 1813. P. 379.

Магеллана, остался, занявшись торговлей, помогая арабским султанам вооружить и обучить свои дружины. Такое сотрудничество с султанами с точки зрения колониальных властей в Малакке и Гоа было пособничеством потенциальному врагу. За полгода до прибытия испанских кораблей еще одна португальская флотилия пыталась подчинить о-в Тарнате. К столкновениям с европейцами, потерявшими несколько человек, по-видимому, был причастен Серран. Вскоре португальцы убрались восвояси не столько из-за сопротивления арабов, сколько из-за тяжелых климатических условий на Молукках и высокой заболеваемости европейских моряков. Серран погиб, отравленный по наущению то ли местных вождей, то ли своих соотечественников. Теперь прибытие двух испанских кораблей из экспедиции Магеллана сулило новое осложнение политической обстановки.

Как и в Брунее, испанские моряки вели себя осмотрительно, понимая, что их силы убавились, и столкновения с местным населением не пойдут им на пользу. Султан о-ва Тидоре, Мансор, сам явился на корабль и был принят наилучшим образом. Ему, как обычно, моряки сообщили, что корабли пришли от имени могущественного короля Кастилии и многих других стран. Долго распространяться о Карле V им не пришлось, поскольку Мансор тотчас заявил, что недавно видел приезд испанцев во сне. Раз сон был в руку, его заветное желание состояло в том, чтобы стать кастильским подданным, а свой остров назвать в честь испанцев Кастилией.

Желание султана, по-видимому, удалось объяснить на следующий день, когда Мансор сообщил о своем намерении воевать с соседним о-вом Тарнате. Если

победа от него ускользнет, говорил Мансор, то ему придется удалиться в изгнание, отправиться всей семьей в Кастилию. Каждая семья молуккских султанов с их гаремами насчитывала по несколько сот человек, и, надо думать, испанский король был бы озадачен, заполучив сразу столько знатных подданных. Стать испанским подданным собирался и сосед Мансора, правивший о-вом Бахиан. В отличие от Мансора, готового заранее и к победе, и к поражению, сосед не искушал судьбу, а твердо шел к цели. На Молукках утверждали, что всегда перед тем, как принять ответственное решение, он опробовал свою мужественность «два или три раза на одном своем слуге...».^[129]

Торговля испанцев на Тидоре шла успешно. В ней участвовали помимо тидорцев вожди соседних островов или их представители. Нередко это были родственники Мансора, с которыми он то ссорился, то мирился. Тидорцы охотно брали европейские изделия, но старались не сбивать цены на свои товары. Это им не всегда удавалось. Зная положение на рынках Малакки, Индии и Китая, они не имели представления о торговой конъюнктуре в Европе. К тому же европейские товары здесь были редкостью. За десять локтей крашеной хлопчатобумажной ткани хорошего качества приходилось отдавать бахар (около 2 ц) гвоздики.

Испанцев интересовали главным образом продовольственные товары и гвоздика. В обмен, помимо европейских изделий, они предлагали грузы с джонок, захваченных при пиратских нападениях на малайцев и индонезийцев близ Брунея, в морях Сулу и Сулавеси.

---

¹²⁹ Pigafetta A. Op. cit. P. 152.

Мансору подарили (т. е. отдали в рабство) трех девушек и несколько мужчин, захваченных, как уже говорилось, на одной из джонок под Брунеем. В угоду мусульманским чувствам Мансора моряки забили свиней, которых приняли на борт на Южных Филиппинах. В ответ на эту любезность султан прислал на корабли равное число голов мелкого рогатого скота.

В середине декабря 1521 г. загруженные продовольствием, водой, тюками с гвоздикой, корабли были готовы тронуться в обратный путь. Но как только «Тринидад» сдвинулся с места, в его трюме открылась течь. Наружное обследование корабля ничего не дало, надо было срочно его разгрузить и чинить днище. Было ясно, что на ремонт уйдет не один день и скорее всего не одна неделя. Между тем со второй половины декабря задули восточные ветры; начинался сезон, благоприятный для того, чтобы уйти в Индийский океан. «Виктории» незачем было ждать окончания ремонта на «Тринидаде», поскольку заранее было решено возвращаться в Испанию порознь. По решению экипажа «Тринидада» этому кораблю предстояло отправиться к берегам Америки через Тихий океан. Моряки с «Виктории» во главе с избранным ими новым капитаном Элькано предпочли иной маршрут: через Индийский океан в Атлантику, тем самым завершая кругосветное путешествие.

«Виктория» могла бы взять на борт часть экипажа «Тринидада», если бы она не была загружена до предела. Каждый моряк с «Тринидада» стал бы обузой, поскольку его надо было бы ставить на довольствие наравне с другими, найти место для его груза — той же гвоздики, которую всем разрешалось везти в Испанию в определенном количестве. К тому же желающих перейти

на «Викторию» не нашлось. Многие считали, что путь к берегам Америки был предпочтительнее, чем через Индийский океан. Кое-кто на «Виктории» едва не присоединился к команде «Тринидада». Моряки были уверены, что в Индийском океане придется голодать. Кроме того, предстояло плыть тысячи миль в сфере влияния португальцев, чья враждебность была очевидна. Конечно, в свое время Магеллан был готов идти от Молукк на запад через Индийский океан. Но у него была флотилия, представлявшая собой заметную силу, и, может быть, португальцы не решились бы на него нападать, даже когда у капитан-генерала оставалось три корабля. А теперь можно было противопоставить португальцам лишь уменьшившиеся наполовину экипажи двух кораблей, из которых один требовал срочного ремонта.

Жители Молукк говорили, что скоро придут ветры с запада и с ними можно будет плыть через Тихий океан. Кроме того, моряки с «Тринидада» сочли, что им незачем пересекать Тихий океан по диагонали, от Молукк до Огненной Земли, что путь будет сокращен, если добраться до Панамского перешейка, примыкающего к испанской Вест-Индии. Перешеек лежал к северу от экватора, а еще дальше на севере находилась обширная зона, где должны были дуть, если судить по аналогии с Атлантикой, попутные западные ветры. На Панамском перешейке моряки собирались найти проход из Тихого океана в Карибское море. В существование такого прохода готовы были верить многие, наслушавшись рассказов о водных путях в Центральной Америке, открытых Бальбоа.

Действительно, в Центральной Америке были значительные по протяженности естественные водные

пути, и часть их была позднее использована для сооружения Панамского канала. Но никакого сплошного пути ни в широтном, ни в меридиональном направлении не существовало. Что касается возможности пересечь Тихий океан с запада на восток, то, конечно, режим ветров в этой части северного полушария близок к атлантическому, и такое путешествие под парусами практически было осуществимо в умеренных широтах. Забегая вперед, скажем, что «Тринидаду» не повезет, и он попадет в полосу штормов в сезон, который должен был быть сравнительно благоприятным.

Ветры и течения в северной части Тихого океана движутся по часовой стрелке вдоль цепи островов, прилегающих к Азии, затем поворачивают на восток, в сторону Нового Света. В свое время в Атлантике схожие воздушные потоки обеспечили возвращение Колумба из Америки в Старый Свет, а после Магеллана в 1565 г. испанец, августинский монах А. де Урданета использовал западные ветры в Тихом океане, чтобы от островов Юго-Восточной Азии добраться до Америки. Урданета пошел на север от Филиппин, достиг Японии, после чего на 43° с.ш. повернул на юго-восток и, наконец, спустя 130 дней пути, прибыл в Мексику. С конца XVI в. маршрут через Тихий океан стал для испанцев немаловажной торговой артерией. Если у мыса Доброй Надежды и в Индийском океане они могли натолкнуться на голландских пиратов и португальцев, то к северу и востоку от Филиппин лежало свободное от конкурентов пространство. В Манилу доставлялись китайский шелк, индийский муслин, пряности Юго-Восточной Азии, которые на галеонах — крупнотоннажных кораблях — шли в Акапулько (Мексика) и далее (После перегрузки в Европу вместе с серебром и золотом Америки.

Судьба «Тринидада», флагмана Магеллана, была плачевна. Корабль под командованием судьи Эспиносы покинул Молукки через /три месяца после «Виктории», в конце марта 1522 г. Фактически «Тринидад» с экипажем около 50 человек вели двое маэстрес, формально подчинявшиеся судье. Был взят курс на о-ва Ладронес. Там захватили одного рыбака-чаморро, надеясь, что он поможет ориентироваться в океане. После долгого странствия испанцы достигли 42° с.ш., т. е. оказались на широте южной части Хоккайдо. Там «Тринидад» застигла пятидневная буря, из которой корабль вышел с проломанной палубой, рухнувшей грот-мачтой и порванными парусами. Путешествие затягивалось, пища моряков ограничивалась рисом и водой. Многие скончались от какой-то тропической болезни, в их трупах при вскрытии нашли неведомых червей. Было решено отказаться от плавания к Вест-Индии и вернуться на Молукки. Вновь пошли к о-вам Ладронес, где пленный рыбак-чаморро сбежал, а вместе с ним — трое испанских моряков. Когда в октябре после полугодового отсутствия корабль прибыл на Тидоре, в живых оставалась половина экипажа; 24 человека.^[130]

К этому времени на Молукках появилась португальская флотилия под командованием А. де Бриту, решившего отстроить форт на Тарнате, а заодно — взять под контроль другие острова архипелага. На Тидоре к португальцам явился султан Мансор, тот самый, который видел испанцев во сне. Теперь он заявил, что с радостью отдается под покровительство Лиссабона как верный

---

¹³⁰ Prieto C. El Oceano Pacifico: Navegantes espanoles del siglo XVI. Madrid, 1975. P. 91 etc.; Roteiro da viagem de Fernam de Magalhaes. — Collecção de Noticias para a historia e geografia das Nações Ultramarinas. Lisboa, 1812. T. I. №IV(II). P. 174–175.

вассал, что недавно он против своей воли принимал испанцев, посчитав их за торговцев и все время опасаясь столкновения с ними. Когда полуживые моряки с «Тринидада» узнали о прибытии португальцев, они решили сдаться, поскольку ни о каком сопротивлении не могло быть речи. Представитель Бриту, отправившийся в шлюпке к «Тринидаду», вначале не решился на него подняться, «так как от корабля исходил запах, словно там была чума». Днище «Тринидада» сильно текло, и он мог затонуть в любой момент. Корабль действительно вскоре затонул, и португальцы едва успели снять с него ценные грузы, а заодно — документацию и инструменты, принадлежавшие Магеллану.

Бриту объявил грузы «Тринидада» конфискованными, а команду корабля — преступниками, незаконно скупавшими пряности в чужих владениях. Судя по сохранившемуся письму, которое Бриту отправил в Лиссабон, он вначале собирался казнить испанских моряков, но затем решил, что лучше их использовать как рабочую силу в Малакке, Индии или на строительстве крепости на Молукках. К тому же, писал он, климат в Малакке и на Молукках губителен для европейцев, и испанцы вряд ли долго проживут. Бриту оказался прав; только четверо испанцев, отправленных в Индию на положении каторжников, смогли выжить. Через четыре года их доставили в Португалию и после всяких проволочек отпустили в Испанию.

<http://knigi.tor1.ws> - Скачать бесплатно литературу книги, журналы и аудиокниги

Путь в Европу «Виктории» под командованием Элькано был также трагичен, но все же часть ее экипажа через девять месяцев прибыла в Испанию. Элькано

расстался с Молукками (и с «Тринидадом») 21 декабря 1521 г., имея на борту 47 европейцев. Небольшая группа моряков «Виктории» осталась на Молукках в качестве охраны складов с остатками различных грузов, а фактически из-за нежелания идти в рискованное плавание. Вскоре эта группа попала в руки португальцев вместе с уцелевшими членами команды «Тринидада». Элькано взял с собой помимо 47 европейцев 13 индонезийских моряков, способных помочь испанцам в пути. Прочих неевропейцев, включая индианок, по-видимому, тех, которые попали во флотилию Магеллана еще в Испании, оставили султану Ман-сору. Он заявил, что всех вернет в Америку, «чтобы дать знать о короле Испании и его славе». Заявление Мансора вряд ли что прибавило к славе испанского короля, поскольку об этих людях больше никто не слышал.

За полтора месяца «Виктория» прошла через восточную часть современной Индонезии, посетила острова Буру, Алор, Тимор Острова вулканического происхождения, они покрыты тропическими лесами, а кое-где саваннами с относительно невысокой влажностью, особенно на той части Тимора, которая обращена к засушливой Северной Австралии. Восточная Индонезия во многом отлична от Западной. По сведениям антропологов XX в., первопоселенцами там, как и на многих других островах Юго-Восточной Азии, могли быть пигмеи, позднее почти исчезнувшие. Вслед за ними из Азии пришли чернокожие предки современных папуасов — представители древней земледельческой культуры (ямс, таро). Наконец, третья миграционная волна малайско-индонезийских рисоводов и рыбаков коснулась более всего прибрежных низменностей, потеснив своих (предшественниц).

Для Элькано и его спутников жители Восточной Индонезии делились лишь на «мавров» и язычников-антропофагов, причем первые жили чаще всего в прибрежных низменностях, а вторые — в глубине островов. Спутники Элькано не поминали деления местных жителей по цвету кожи. Это, по-видимому, лишний раз свидетельствовало, что еще до XVI в. чернокожее население в значительной мере слилось с более светлокожими пришельцами, и различия в цвете кожи не бросались в глаза. Пигафетта бегло сообщал о впечатлениях от Восточной Индонезии, перечислял увиденные острова, уделяя им, правда, не больше внимания, чем рассказам индонезийских моряков о соседней Яве, о Китае, Камбодже и т. д. К этим более или менее правдоподобным рассказам добавлялись повести в духе «тысячи и одной ночи»: о карликах с огромными ушами (они ими укрывались, когда ложились спать), об амазонках, беременных от ветра, о птицах, уносящих в когтях буйволов и слонов.

Мало что известно об обстановке на борту «Виктории», хотя ясно, что она оставляла желать лучшего. Трудно сказать, что было причиной столкновений, мельком упомянутых Пигафеттой и несколькими историками: то ли личные обиды, накопившиеся за длительное плавание, то ли раздел возможных доходов от продажи драгоценностей и пряностей, погруженных в трюм. Эррера-и-Тордесильяс писал, что на Тидоре часть команды протестовала против решения Элькано облегчить «Викторию», оставив на берегу 60 кинталов (около 3 т) гвоздики. Бриту, имевший возможность допросить испанских моряков, арестованных им самим, писал, что для Элькано будет нелегко командовать людьми, которые в прошлом были

сторонниками Магеллана. Так или иначе, раздоры, вспыхнувшие на 'Виктории» по прибытии на Тимор, привели к тому, что несколько моряков (точное число не известно) были по приказу Элькано казнены, а двое предпочли сбежать на берег.^[131]

Переход через Индийский океан, тянувшийся более трех месяцев, начался 8 февраля 1522 г., когда «Виктория» покинула Тимор. Корабль пошел на запад-юго-запад, в 200–250 милях от Австралии, параллельно ее побережью. Если бы Элькано открыл Австралию, он вряд ли бы стал там задерживаться, как не задерживались там португальцы после него. Бедные саванны северо-западной части материка не могли привлечь европейцев. Добравшись до Молуккских островов и Явы, они долгое время не желали тратить силы на исследование Восточной Индонезии и примыкающих территорий, предпочитали реальные выгоды от того, что имели, а также поиски путей в Японию и Китай. Потребовалось почти столетие, чтобы к берегам Австралии вышли голландские мореплаватели, основательно их обследовавшие.

Ветры и течения южной части Индийского океана никому не были известны. Для Элькано было важно избежать встречи с португальцами, и ради этого стоило идти подальше от обычных маршрутов. На пути через Индийский океан «Виктория» не стала задерживаться ни для ремонта, ни для рыбной ловли. Единственный раз Элькано остановился у о. Амстердам, открытого им 18 марта. У скалистых берегов Амстердама «Виктория» не нашла стоянки и на следующий день продолжила свой

---

¹³¹ Митчелл М. Эль Кано. М., 1977. С. 73.

путь. Правда, теперь маршрут был изменен, корабль взял курс на запад-северо-запад, к южной оконечности Африки. Изменение курса было вызвано тем, что вблизи 40-й параллели, где находилась «Виктория», моряки мерзли, и забираться на юг, в обход мыса Доброй Надежды, значило рисковать их здоровьем. Запасы продовольствия таяли, команда питалась в основном рисом. В начале пути выдавали мясо, но в дальнейшем оно стало непригодным к употреблению. Солонины не было, поскольку во время пребывания в Индонезии не нашли соли. Наконец, смещаясь на север, ближе к тропикам, «Виктория» вошла в зону попутных пассатов, тогда как на широте мыса Доброй Надежды, особенно на подходах к нему, преобладали встречные ветры.

Несмотря на просьбы части моряков, в том числе больных, большинство команды решило отказаться от стоянки у берегов Мозамбика из боязни натолкнуться на португальцев. Отважились лишь зайти в устье Грейт-Фиш, откуда до мыса Доброй Надежды оставалось еще около 300 миль. Побережье было безлюдным, никакого продовольствия «Виктория» не получила, но запасы воды, по-видимому, удалось обновить. Чтобы обойти мыс Доброй Надежды в бурную погоду против ветра, пришлось вновь отклониться далеко к югу: до 42-й параллели. В один из ненастных дней рядом с «Викторией» показался португальский корабль, шедший противоположным курсом. Никаких последствий эта встреча не имела. Судя по всему, португальцы не поняли, что столкнулись с теми, кто мешал их притязаниям на Молукки; корабли, обменявшись приветствиями, разошлись в разные стороны. За пару дней до того, как «Виктория» прошла мыс Доброй Надежды, треснули фор-марс и фок-рей; их ремонтировали, лежа в дрейфе в

течение суток. Уже после того, как вошли в Атлантический океан, в конце мая, на ходу конопатили корабль, который сильно тек.^[132]

На пути в Атлантике между мысом Доброй Надежды и о-вами Зеленого Мыса почти два месяца команда «Виктории» сидела на голодном рисовом пайке. На этом отрезке маршрута, продвигаясь на север, было потеряно больше всего умершими от голода и лишений: 21 человек, т. е. треть экипажа. Не было сил подобающим образом их хоронить, тела умерших сбрасывали в воду без груза. Морякам грозила верная гибель, когда они вышли к о-вам Зеленого Мыса. Было решено бросить якорь у Прая, главного поселения на о. Сантьягу. Между собой договорились выдать «Викторию» за корабль, который шел из испанской Вест-Индии в Европу, попал в бурю, был отброшен на юг и теперь ввиду затянувшегося плавания нуждался в продовольствии. Так и было сделано. Португальские власти были удовлетворены объяснениями испанцев, доставка продовольствия на «Викторию» была обеспечена. Элькано получил, что хотел, и, в частности, дважды загрузил посланную на берег лодку рисом.

С начала стоянки, 9 июля 1522 г., моряки проверили, не сбились ли они в подсчете дней, который вели у себя на борту. На вопрос о дне недели на берегу сказали, что был четверг, тогда как на «Виктории» полагали, что была среда. Первым кругосветным путешественникам пришлось ждать прибытия в Испанию, прежде чем им объяснили, что виток их корабля вокруг

---

¹³² Correa G. Op. cit. P. 634; Stanley of Alderley. Op. cit., p. 234–235.

земного шара в западном направлении удлинил путешествие на сутки.

В Прая на шестой день стоянки португальцы поняли, с кем имели дело. То ли кто-то из испанских моряков проболтался, то ли португальцы сами обо всем догадались, когда испанцы стали оплачивать их услуги гвоздикой явно молуккского происхождения. На берегу 13 испанцев были задержаны; на португальских кораблях, стоявших рядом на рейде, начались приготовления, свидетельствовавшие о готовности принять участие в аресте «Виктории». Элькано тут же снялся с якоря и поспешил в открытое море. Его не преследовали, хотя, возможно, будь португальцы расторопнее, они задержали бы испанский корабль, на борту которого оставалось всего 18 европейцев и четверо индонезийцев, обессиленных длительными лишениями.

За бегством из Прая последовал переход к Азорским островам. В начале августа, пройдя полторы тысячи миль, «Виктория» достигла о. Флориш, а через месяц — мыса Сан-Висенти, юго-западной оконечности Пиренейского полуострова. 6 сентября 1522 г., «Виктория» вошла в испанский порт Санлукар-де-Баррамеда, тот самый, который она покинула за два года одиннадцать с половиной месяцев до этого. Элькано отправил в Вальядолид, императорскую резиденцию, сообщение о возвращении под его командованием одного из кораблей «святой памяти Фернана Магеллана».

Кругосветное путешествие закончилось, «Викторию» за два дня отбуксировали в Севилью. Там ее команда со свечами в руках, босиком, в одних рубашках,

отправилась по церквям на благодарственные богослужения. Элькано вызвали в Вальядолид. Император наградил мореплавателя знаменитым гербом с изображением Земли и надписью «Ты первым меня объехал» (по другим сведениям — «Первым меня измерил»). Карл объявил, что дает ему ежегодную пенсию в 500 дукатов. Но ее Элькано ни разу не получил по той простой причине, что испанская казна была обычно пуста. Помимо Элькано были награждены все его товарищи с «Виктории», а заодно капитан «Св. Антония» Мескита, которого, наконец, выпустили из тюрьмы.

Вслед за получением наград пришлось давать отчет следственной комиссии, которой вскоре, в октябре 1522 г., было поручено разобраться, хотя бы формы ради, в обстоятельствах, связанных с экспедицией Магеллана. Элькано должен был ответить на вопросы, касавшиеся неповиновения капитанов и маэстрес капитан-генералу, и, в частности, на вопрос о собственном участии в мятеже в бухте Сан-Хулиан. Перед следственной комиссией он выглядел не лучшим образом. Немногим более месяца назад он писал из Санлукар-де-Баррамеды о Магеллане «святой памяти». Капитан-генерал не был святым, но Элькано мог бы сохранить о нем добрую память. В 1519 г., незадолго до отплытия флотилии из Испании, Элькано, бывший одно время судовладельцем, запутался в долгах и продал свой корабль за границу, что было запрещено законом. Если бы не Магеллан, который взял его в экспедицию, ему было бы несдобровать. Теперь, чтобы оправдать свое участие в мятеже, он чернил Магеллана. По его словам, Магеллан открыто говорил, будто не станет соблюдать королевские инструкции. Капитан-генерал, как утверждал Элькано, сам спровоцировал бунт в бухте

Сан-Хулиан, а затем расправился с испанскими капитанами, чтобы поставить на их место португальцев, в частности своих родственников.^[133]

<http://books.tr200.org> - Скачать бесплатно литературу книги, журналы и аудиокниги

Вряд ли комиссия поверила всем этим утверждениям Элькано, которого она отпустила с миром вместе с его полуживыми товарищами, вернувшись из исторического плавания. Так или иначе, возвращение «Виктории» и опрос ее команды говорили, что Магеллан погиб, отстаивая интересы Испании. Соответственно отпадали подозрения в его измене, в том, что он был ставленником Португалии. О гибели капитан-генерала в Испании узнали еще до возвращения «Виктории» через португальцев, которых в свою очередь известили индонезийские или малайские моряки, связанные с филиппинской торговлей. Дополнительные сведения могли поступить в Лиссабон после допроса 13 моряков «Виктории», захваченных на островах Зеленого Мыса и вскоре отпущенных в Испанию.

Известие о смерти Магеллана через несколько месяцев свело в могилу его жену. В Португалии сообщения о том, что капитан-генерал пересек Тихий океан и достиг Молукк, привели в гнев короля Мануэла. По его приказу каменный герб Магелланов, прикрепленный к воротам их имения в Траз-уж-Монтиш, был разбит. Близких родственников у покойного не осталось, имение вскоре пришло в запустение, на его месте новые владельцы возвели другие здания. Никаких

---

¹³³ Medina J.T. Op. cit., p. 299–300; Zwei Briefe Über die Maghellanische Weltumseglung. — Sitzungberichte des philosophisch-historischen Classe der kaiserliche Akademie des Wissenschaften. Bd. 119. IV. Abh. Wien, 1889. S. 3.

монументов Магеллану в Европе не воздвигали. Правда, память великого путешественника почтили в XIX в. на Филиппинах, где недалеко от места его гибели поставили стелу.

Из 280 участников экспедиции Магеллана совершили кругосветное плавание и добрались до Испании в разное время 36 моряков. В том числе 18 вернулись с «Викторией», остальные — после португальского плена или бегства с «Тринидада». Не считая команды «Св. Антония», дезертировавшего, не достигнув Тихого океана, экспедиция потеряла около четырех пятых своего состава. Доход от пряностей, доставленных на «Виктории», окупил расходы на корабли Магеллана и их снаряжение. Но людские потери были таковы, что Карл V не торопился с новыми экспедициями на Молукки через Магелланов пролив. Лишь спустя три года по пути капитан-генерала в обход Южной Америки отправилась новая экспедиция из семи кораблей; на одном из них в повторное плавание через Тихий океан пустился Элькано. Участников новой экспедиции ждали такие же лишения, как и спутников Магеллана. В Тихом океане скончался Элькано, а до Молукк доплыл всего один корабль.

Испанской короне путешествие Магеллана позволило считать своими владениями ряд территорий в Южной Америке, претендовать на острова Тихого океана и часть Малайского архипелага, включая Филиппины и Молукки. От притязаний на Молукки император Карл отказался в пользу Португалии в 1529 г. за отступные деньги. Предварительно его представители вели с Лиссабоном долгие споры о том, где проходит продолжение линии, установленной папой для разграничения между испанскими и португальскими

владениями. Эту линию предстояло провести, вне Атлантики через Северный и Южный полюсы, т. е. следовало исходить из шарообразности Земли, несмотря на церковные каноны.^[134]

Все эти споры в той мере, в какой они исходили из географических знаний, указывали на непреходящее значение экспедиции Магеллана. Португальцам, чтобы доказать, что Молукки были в их сфере влияния, приходилось скрывать свои географические карты, на которых, вопреки открытиям Магеллана, размеры земного шара были занижены и Молукки чуть ли не примыкали к испанской Вест-Индии. Долгие годы Лиссабон считал непререкаемым авторитетом немецкого космографа М. Бехайма, умершего в Португалии в 1507 г. На глобусе Бехайма, самом старом из сохранившихся до наших дней, для Евразии отводилось 90° северного полушария, тогда как после путешествия Магеллана стало ясно, что нужны все 200°.

Значение открытий Магеллана состояло, в частности, в том, что он дал цельное и очень близкое к современному представление о размерах нашей планеты. Американский континент был обойден с юга, Тихий океан был пересечен, кругосветное путешествие было завершено спутниками Магеллана. Ввиду этого не только удалось определить расстояние между Евразией и Америкой. Стали известны размеры суши и моря на большей части земной поверхности. Выяснилось соотношение между различными океанами. Оказалось, что Тихий океан, о ширине которого даже не

---

¹³⁴ Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 351–367.

подозревали, растянулся по экватору на 150° , т. е. больше, чем на две пятых его протяженности.

Открытия Магеллана касались прежде всего морей и океанов. Если Колумб открыл Новый Свет, а Васко да Гама проложил морской путь в Индию, то Магеллан показал, что существует Мировой океан, что он покрывает намного большую площадь, чем все известные в то время континенты. Открытия Магеллана свидетельствовали об обширности нашей планеты, о ее огромных ресурсах.

Литература

На рубеже XV–XVI вв. краткие сведения о Колумбе появились у испанских хронистов, а также в опубликованных в Барселоне письмах самого путешественника, извещавших об открытии Нового Света. Современник Колумба епископ Б. де Лас Касас, чья «История Индий» увидела свет лишь в XIX в., был знаком с утраченными ныне различными документами, написанными адмиралом, с копией бортового журнала его первого путешествия. По этой копии Лас Касас составил конспект журнала, привел из него многочисленные выдержки. Наиболее крупной публикацией XVI в. стала книга сына путешественника, Фернандо Колумба, родившегося вне церковного брака. Фернандо Колумб мог уже говорить об историографии, посвященной его отцу, вел полемику с авторами, которые опубликовали произведения о странах, открытых за океаном.

Осмыслить значение путешествий Колумба стремились многие. Для итальянского поэта Т. Тассо его соотечественник, адмирал на испанской службе, был

посланцем западной культуры, неотделимой от христианской церкви. Ф. Вольтер писал о Колумбе, что «его храбрость была равна силе его духа».^[135] Он смог долгие годы бороться с теми, кто сомневался в необходимости плыть на Запад, смог преодолеть страх моряков, боявшихся открытого океана, предпочитавших путешествия вдоль берегов.

Появилась и критическая литература об испанской колонизации, повлекшей уничтожение индейцев. У Дж. Свифта Гулливер, заканчивая свое повествование, говорил, что не собирается помогать европейцам в завоевании открытых им земель. «Правду говоря, меня берет некоторое сомнение насчет справедливости, проявляемой государями в таких случаях. Например, буря несет шайку пиратов в неизвестном им направлении; наконец юнга открывает с верхушки мачты землю; пираты выходят на берег, чтобы заняться грабежом и разбойничеством... И эта гнусная шайка... образует современную колонию, предназначенную для обращения в христианство и насаждения цивилизации среди дикарей — идолопоклонников». При первом издании Свифта в Испании приведенный абзац исключили из текста.

В XIX в. интерес к Колумбу усилился, чему помогла возросшая роль Америки. Появились обширные публикации архивных документов. Их собиранием, в частности, долгие годы занимался испанский архивист Наваррете. В 1828 г. вышло в свет исследование американского писателя Ирвинга, служившего в посольстве США в Испании. К 400-летию открытия

---

¹³⁵ Tacco T. Освобожденный Ерусалим. М., 1911. Т. II. С. 97–98; [Voltaire F.de] Oeuvres completes de Voltaire. Hamburg, 1785. Т. 18. P. 299.

Америки были изданы многотомные сборники итальянских документов и материалов, ряд публикаций на прочих европейских языках, в том числе русском. Ко Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. испанское правительство приурочило строительство трехмачтового корабля, который должен был напоминать флагмана Колумба, «Св. Марию». Правда, описаний «Св. Марии», затонувшей у берегов Эспаньолы (теперешний Гаити), не сохранилось. Новая «Св. Мария» в 1893 г. пересекла Атлантический океан за 40 дней и после торжеств встала на прикол в Барселоне, где ее держат до сих пор для всеобщего обозрения.

К 500-летию открытия Нового Света появилась, как сообщила пресса, еще одна «точная копия» корабля. Хлынула волна научных публикаций, художественной литературы, кинолент. Обработаны разные сюжеты, начиная от личной жизни адмирала и кончая обсуждением целесообразности его открытий с экологической точки зрения. Достигнуты заметные результаты в изучении контактов Америки с внешним миром в доколумбову эпоху (открытия викингов, контакты с Азией и др.). Уточнены некоторые биографические сведения о Колумбе: например, датировано его путешествие к полярному кругу. Удалось выяснить, что мореплаватель участвовал в португальско-датской экспедиции, отправившейся в 1477 г. к проливу Дейвиса (между Гренландией и Баффиновой Землей).

ЮНЕСКО приняла программу «Пятое столетие (1492–1992). Соприкосновение двух миров». Согласно программе прошли выставки, конференции, симпозиумы, в том числе парижская конференция 1992 г. под покровительством президента Франции, Всемирная

выставка в Севилье, где местный университет организовал встречи историков. Дискуссии шли в значительной мере вокруг вопроса о последствиях открытий Колумба. От положительного или отрицательного отношения к колонизации Нового Света зависела оценка мореплавателя как героя или антигероя.

Литература о Васко да Гаме и Магеллане всегда была менее обильна, чем о Колумбе. Плавания Васко да Гамы и Магеллана рассматривались как своего рода продолжение путешествий Колумба, которому принадлежало первенство в великих открытиях, а потому ему уделялось особое внимание. Рубежом в истории, таким образом, выступало открытие Нового Света, лишь затем — открытие морского пути в Индию, страну ранее известную, поддерживавшую связи с Европой, пусть иными путями. Литература о Васко да Гаме и Магеллане ограничивалась также ввиду сравнительно узкого круга источников на их родине, в Португалии, где многие памятники старины погибли во время лиссабонского землетрясения 1755 г. и во время бегства королевской семьи от Наполеона в Бразилию. Правда, сохранились португальские хроники (издававшиеся с XVI в.), написанные такими авторами, как Барруш, Каштаньеда.

В XIX в. увидела свет лоция Велью — единственный дошедший до нас текст участника первого путешествия Васко да Гамы. Лоция была найдена в библиотеке Порту местными учителями. У нее не было последних страниц, отсутствовало имя автора. Один из учителей с большой долей вероятности назвал имя автора, сопоставляя лоцию с другими текстами, доказал, что из найденного документа черпал сведения Каштаньеда. Утерянных страниц не удалось восстановить, но в конце концов в них шла речь лишь о заключительном этапе великого

путешествия, когда до Европы оставались последние 2 тыс. миль пути.

Велью сообщил подробности, которых не было у хронистов, в частности привел даты пребывания Васко да Гамы в различных пунктах Азии и Африки. Сам он служил в экспедиции солдатом или, может быть, был офицером невысокого ранга. Еще один автор, Корреа, чьи тексты о португальских открытиях нашли в XIX в., был секретарем Албукерки, генерал-губернатора Индии в начале XVI в. Часть рукописи Корреа обнаружили в архивах, часть — в кондитерской лавке. Отец одного из архивистов выкупил у кондитера рукопись, служившую оберточной бумагой, которой уже было начали пользоваться.^[136]

При жизни Корреа не собирался публиковать свои сочинения, полагая, что они покажутся португальским властям излишне откровенными, направленными против жестокости заморских завоеваний. В этом отношении сочинения Корреа — противоположность поэме «Лузиады», написанной знаменитым Л. ди Камозэнсом. Поэма воспевала открытия и деяния Васко да Гамы, рисовала его противников, арабских и индийских правителей, черными красками. Поэма была создана в середине XVI в., в годы ссылки Камозэнса, ведшего бурную жизнь, в Ост-Индию. Помимо Васко да Гамы, Камозэнс включил в поэму многочисленных персонажи из португальской истории и тем самым придал эпический характер своему произведению, которое высоко ценили Вольтер, М.В. Ломоносов.

---

¹³⁶ Lima Ferner RJ.de. Noticia preliminar. — Correa G. Lendas da India. Lis-boa, 1858. Т. I. P. XXIII.

<http://book.tor1.ws> - Скачать бесплатно литературу книги, журналы и аудиокниги

Авторы XX в., исследовавшие жизнь Васко да Гамы, опирались на хроники, а также на архивные публикации, вышедшие в Португалии, в частности по случаю 400-летия открытия морского пути в Индию. Когда это представлялось возможным, проверялась достоверность сообщений хронистов, но новых материалов о Васко да Гаме в XX в. не было обнаружено. На работы португальских историков наложило отпечаток желание исследовать, главным образом, первое путешествие мореплавателя, наиболее важное с точки зрения географических открытий. Это путешествие, не повлекшее крупных конфликтов с коренными жителями Африки и Индии, выглядело наименее компрометирующим для Васко да Гамы как завоевателя. Оставались и остаются менее изученными его второе и третье путешествия, представлявшие собой, по сути дела, завоевательные набеги. Тексты Корреа, касающиеся событий 1502 г. и последующего времени, почти не исследуются, тогда как его рассказ о первом путешествии Васко да Гамы подвергается обстоятельному разбору.

Среди источников, освещающих путешествие Магеллана, — тексты его спутников, в том числе довольно пространные записи венецианца Пигафетты. В свое время тексты о Магеллане были собраны и отосланы в Рим для публикации по распоряжению императора Карла V. В 1527 г. Рим подвергся разграблению войсками того же Карла V. С вечным городом обошлись примерно так же, как это сделали в предыдущем тысячелетии вандалы. Подготовленные к печати тексты о Магеллане

погибли.^[137] То, что осталось от рукописей Пигафетты, — сокращенные, кем-то переписанные варианты, — было в основном опубликовано во Франции и Италии в середине и конце XVI в. Историкам XX в. приходится спорить, что следует предпочесть: несколько старофранцузских текстов или итальянский. Большинство специалистов рассматривают итальянский вариант как сокращенный подлинник, а старофранцузские тексты — как еще один сокращенный вариант, дошедший до нас в переводе. Дополнением к этим материалам служат найденные позднее записи других участников экспедиций Магеллана, а также опубликованное в XVI в. письмо секретаря Карла V, Максимилиана Трансильванского, опрашивавшего моряков, которые вернулись в Испанию из первого кругосветного путешествия.

С начала XIX в. появились публикации португальских архивов, в том числе описание стран Индийского океана под названием «Книга Дуарте Барбозы», родственника и спутника Магеллана. Ценные архивные публикации XIX в. о Магеллане принадлежат уже упомянутому испанцу Наваррете и чилийцу Х.Т. Медине. В этих публикациях, в частности, — материалы официального расследования, начатого после завершения кругосветного плавания. Ряд документов опубликован Наваррете в кратком изложении, а Мединой — целиком. В исторических исследованиях о Магеллане выделяются труды американца Дж. Робертсона и бельгийца Ж. Денюэ, написанные в начале XX в. Оба автора — комментаторы текстов Пигафетты. Из современных испанских и португальских исследований

---

¹³⁷ Anghiera P.M. The decades of the Newe worlde of West India. Londini. 1555 [reprint. Ann Arbor (Mich.), 1966], fol. 214.

отметим материалы проведенного в 1973 г. colloquiuma, посвященного Магеллану. Его участники уточнили данные о географических представлениях путешественника, о подготовке его экспедиции, о его спутниках.^[138]

Великим открытиям посвящены многочисленные сочинения на русском языке, особенно после второй мировой войны. В переводе с испанского Я.М. Свет опубликовал бортовой журнал и письма Колумба, а В.С. Узин перевел (с небольшими сокращениями) Пигафетту с двуязычного издания Робертсона и часть комментариев последнего. Для популяризации знаний по истории географических открытий много сделал И.П. Магидович. Среди переводов с английского — обстоятельные исследования С.Э. Морисона, Г. Харта. Имеется обширная художественная литература. В частности, в серии «Жизнь замечательных людей» выходили книги о Магеллане и Васко да Гаме, написанные К.И. Куниным, о Колумбе — Я.М. Светом. Появился новый перевод Камозенса; несколько раз переиздавались роман Бласко Ибаньеса «В поисках великого хана» (о Колумбе) и повесть С. Цвейга «Подвиг Магеллана».^[139]

---

¹³⁸ [Robertson J.A., transl.]. *Magellan's Voyage Around the World. Pts 1–3.* Cleveland (O), 1906; Denuce J. *Magellan (Academie royale de Belgique. Mmoires. 2e ser. T. 4).* Bruxelles, 1911; *Coldquio Luso-Espanhol de Historia Ul-tramarina (1973). A viagem de Fernao de Magalhaes e a questao das Molucas.* Lisboa, 1975.

¹³⁹ Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. М., 1961; Пигафетта А. Путешествие Магеллана. М., 1950; Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967; Морисон С.Э. Христофор Колумб мореплаватель. М., 1958; Харт Г. Морской путь в Индию. М., 1959; Кунин К.И. Васко да Гама. М., 1947; его же. Магеллан. М., 1940; Свет ЯМ. Колумб. М., 1973; Камозенс Л. ди. Лузиады. Сонеты. М., 1988; Ибаньес [Бласко Ибаньес/ В. В поисках великого хана. Калининград, 1987; Цвейг С. Подвиг Магеллана. М., 1980.

Примечания

1

Геродот. IV. 42.

2

Cathay and the Way Thither. Ed. H. Yule. Hakluyt Society. Vol. II (III). L., 1866. P. 291.

3

The Vinland Sagas. The Norse Discovery of America. Transl. M. Magnussen and H. Palisson. Harmandsworth (Mddx.) a.o., 1965. P. 67–69.

4

Hommaire de Hell X. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimee et la Russie meridionale. Vol. III. Paris—Strasbourg, 1845. P. 74.

5

Mendelssohn K. Science and Western Domination. L., 1976. P. 32.

6

Les aspects internationaux de la decouverte oceanique aux XVe et XVIe sie-cles. Paris, 1966. P. 163–164.

7

Bernaldez A. Historia de los Reyes catolicos Don Fernando y Doria Isabel. Seleccion, prologo y notas de Luciano de la Calzada. Madrid, 1946. P. 281–282.

8

Lollis C.de. Cristoforo Colombo nella leggenda e nella storia. Firenze. 1969. P. 6–9.

9

Damonte M. (a.o.). Le lingue di Cristoforo Colombo. — Columbeis. Genova, 1987. T. II. P. 7—39.

10

Las Casas B.de. Historia de las Indias. Mexico, 1951. T. I. P. 118.

11

Ирвинг В. История жизни и путешествий Христофора Колумба. СПб, 1836. Т. 1. С. 26; Harrisse H. Christophe Colomb. Son origine, sa vie, ses voyages et ses descendants. Etudes critiques. Paris, 1884. Т. I. P. 261.

12

Ибаньес Бласко В. В поисках великого хана. Калининград, 1987. С. 532 и ел.

13

Navarrete M.F.de. Coleccion de los viages y descubrimientos. Buenos Aires, 1945. T. II. P. 361–366.

14

Colombo F. Le Historie della vita e dei fatti di Cristoforo Colombo. Milano, 1930. Vol. I. P. 67.

15

Ibid. Milano, 1930. Vol. II. P. 334–335.

16

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 297.

17

Las Casas B.de. Op. cit. P. 203.

18

Harrisse H. Op. cit. P. 380.

19

Prescott W.H. History of the Reign of Ferdinand and Isabella, the Catholic, of Spain. London, 1870. Vol. II. P. 112; Perez-Embid F. Cristobal Colon y el des-cubrimiento de America. Madrid—Buenos Aires, 1967. P. 43.

20

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 30–31.

21

Ibid. P. 16 etc.

22

Ibid. Buenos Aires, 1945. T. I. P. 150.

23

Colombo Cr. Epistola de Insulis Nuper Inventis. Ann Harbor (Mich.), 1966. P. 16.

24

Morison S.E. Admiral of the Ocean Sea. A Life of Christopher Columbus. Boston, 1942. Vol. I. P. 146–176; [Монлеон Р.] Каравелы Колумба. — Морской сборник. СПб, 1892. Т. ССLI. № 10. Неофициальный отдел, с. 37–38.

25

Rectus E. Nouvelle geographie universelle. Paris, 1887. Т. XII. P. 19.

26

Cuneo M.de. Lettera. Savona, 15–28 ottobre 1495. — Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla R[eale] Commissione colombiana pel quarto centenario dalla scoperta de H'America. Roma, 1893. Pt. III. Vol. II. P. 107.

27

Ibid. P. 96; Mason J. The Canary Islands. London, 1976. P. 40, 163.

28

De los Pleitos de Colon. — Coleccion de documentos ineditos relativos al descubrimiento, conquista y organizati6n de las antiguas posesiones espaTiolas de ultramar. Madrid, 1892. 2da serie. Vol. 7. P. 421–422.

29

Harrisse H. Op. cit. P. 454.

30

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 171.

31

Heers J. Christophe Colomb. Paris, 1981. P. 367.

32

Дарвин Ч. Сочинения. М.-Л., 1935. Т. 1. С. 68, 131 и др.

33

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 281–291.

34

Colombo Cr. Op. cit. P. 8, 16–17.

35

Vander Linden H. Alexander VI and the Demarcation of the Maritime and Colonial Domains of Spain and Portugal, 1493–1494. —The American Historical Review. Lancaster (Pa) a.o., 1916. Vol. XXII. № 1. P. 11–20.

36

[Lamartine A.de] Oeuvres completes de Lamartine. Paris, 1863. Т. 35. P. 264.

37

Ballesteros y Beretta A. Cristobal Colon y el descubrimiento de America. Historia de America y de los

pueblos americanos. Barcelona—Buenos Aires, 1945. Vol. IV. P. 504; Harrisse H. Op. cit. Paris, 1884. T. II. P. 56.

38

Anghiera P.M.d'. Opus epistolarum. — Raccolta di documenti e studi... Pt. III. Vol. II. P. 44—45.

39

Verde S.dal. Lettere. Valladolid, 20 marzo e 10 maggio 1494. — Raccolta di documenti e studi... Pt. III. Vol. II. P. 81.

40

Cohen J.M. Introduction. — The Four Voyages of Christopher Columbus. Harmondsworth (Mddx) a.o., 1969. P. 18.

41

Krug W.G. El Karibe. Auf Kolumbus' Spuren im mittleren Amerika. Hamburg, 1958. S. 341.

42

Colombo F. Op. cit., p. 27; Las Casas B.de. Brevisima relacion de la destruccion de las Indias. La Habana, 1977. P. 29 etc.

43

Josephy jun. A.M. Das Zentrum des Universums. Eine Einleitung. — America 1492. Die Indianervölker vor der Entdeckung. Frankfurt am Main, 1992. S. 9.

44

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 357.

45

Colombo F. Op. cit. P. 61–64; Humboldt Avon. Examen critique de l'histoire de la geographie du nouveau continent. Paris, 1837. T. 3. P. 280.

46

Bernaldez A. Op. cit. P. 283.

47

De los Pleitos de Colon. P. 204.

48

[Colombo Cr] Da una lettera ai re cattolici (Maggio 1499). — Raccolta di documenti e studi... Roma, 1894. Pt. I. Vol. II. P. 54; Idem. Lettera all'aia del principe don Giovanni (Fine del 1500). — Ibid. P. 67.

49

Oviedo y Valdes G.F.de. Historia general y natural de las Indias. T. I. Asuncion del Paraguay, [194-]. P. 141.

50

Trevisan A. Granata, 21 agosto 1501. — Raccolta di documenti e studi... Roma, 1892. Pt. III. Vol. I. P. 47.

51

Исайя. 11, 11–12.

52

Lollis C.de. Scritti di Cristoforo Colombo. — Raccolta di documenti e studi... Pt. I. Vol. II. P. CXV11.

53

Рус А. Народ майя. М., 1986. С. 53; Babelon J. Mayas d'hier et d'au-jourd'hui. Paris, 1967. P. 123–140.

54

[Anghiera] Peter Martyr. De Orbe Novo. — Raccolta di documenti e studi... Pt. I. Vol. II. P. 206–211.

55

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 442; Las Casas B.de. Historia de las Indias. Mexico, 1951. T. II. P. 29; Gomara F.L.de. Historia general de las Indias. Madrid 1922. T. I. P. 75.

56

Las Casas B.de. Op. cit. P. 77–82.

57

Oviedo y Valdes G.F.de. Op. cit. P. 157.

58

Colombo F. Op. cit. P. 14.

59

Humboldt A.von. Op. cit. Paris, 1836. T. 1. P. IX.

60

Navarrete M.F.de. Op. cit. Buenos Aires, 1945. T. III. P. 570.

61

Barros J.de. Decadas da India. Decada I. Lisboa, 1945. P. 130.

62

Correa G. Lendas da India. Lisboa, 1858. T. I. Parte I–II. P. 17.

63

Геродот. 4, 42–43.

64

[Azurara G.E.de] Zurara. Cronica de Guina. — Documentos sobre a expans'ao portuguesa. Lisboa, 1945. Vol. I. P. 117–121.

65

Da Costa G. Descobrimientos e conquistas. Lisboa, 1927. T. I. P. 138–143; Pacheco DP. Esmeraldo de situ orbi. London, 1937. P. 153–154.

66

Avezac M.P.de. Recueil de voyages et de memoires. — Societe de geographie de Paris. 1839. Vol. 4. P. 547–564.

67

Correa G. Op. cit. P. 10.

68

Castanheda F.L.de. Historia do Descobrimento e Conquista da India pelos Portugueses. Livros I–II. Coimbra, 1924. P. 9.

69

Barros J.de. Op. cit. P. 135–136.

70

Gois D.de. Cronica do felicissimo rei D. Manuel. Coimbra, 1949. Parte I. P. 73.

71

Velho A. Roteiro da primeira viagem de Vasco de Gama (1497–1499). Lisboa, 1960. P. 10–12.

72

Correa G. Op. cit. P. 17, 23–28, 140–141; Osorio J. Da vida e feitos de el-rei D. Manuel. Porto, 1944. [Vol.] I. P. 44.

73

Junod H.A. The Life of a South African Tribe. 2nd ed. London, 1927. [Vol.] I P. 26–27.

74

Третья книга царств. 9. 26–28; 10. 11–12, 22.

75

Velho A. Op. cit. P. 23.

76

Ibid. P. 22.

77

Stuhlmann F. Beitrage zur Kulturgeschichte von Ostafrika. Berlin, 1909. S. 854–861.

78

Ferrand. G. Le pilote arabe de Vasco da Gama et les instructions nautiques arabes au XVe siecle. — Annales de geographie. Paris, 1922. № 172. P. 289–307; Ибн Маджид А. Книга польз. Об основах и правилах морской науки. М., 1985. [Т] I. С. 144 и ел.; Tibbetts G.R. Arab Navigation in the Indian Ocean before the Coming of the Portuguese. London, 1971. P. 9–11.

79

[Никитин А] Хождение за три моря Афанасия Никитина. — Книга хождений. М., 1984. С. 188.

80

Sreedhara Menon A. Social and Cultural History of Kerala. New Delhi a.o., 1979. P. 128–130, 276; [Abd-er-Razzak] Narrative of the Voyage of Abd-er-Razzak. — India in the Fifteenth Century. Hakluyt Society. N 22. London, 1857. P. 14.

<http://file.b111.org> - Скачать бесплатно программы, игры, фильмы, книги, музыку

81

Castanheda F.L.de. Op. cit. P. 44–45.

82

Velho A. Op. cit. P. 49–68.

83

Ibid. P. 59–68.

84

Ibid. P. 70–77; Castanheda F.L.de. Op. cit. P. 67–68.

85

Correa G. Op. cit. P. 142.

86

Harrisse H. Document in6dit concernant Vasco da Gama. Paris, 1889. P. 26; Diffle B.W., Winlus G.D. Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580. Minneapolis. 1977. P. 189.

87

Gois D.de. Op. cit. P. 163–164; Cordeiro L. Descobertas e descobridores. De como e quando foi feito Conde Vasco da Gama. Lisboa, 1892, Documento Nº 2.

88

Ramusio G.B. II viaggio di Giovan Leone e le navigazioni de Alvise da Ca Mosto, di Pietro de cintra, di annone, di un piloto portughese e di Vasco da Gama (1497–1499). Venezia, 1837. P. 243–245; Barros J.de. Op. cit. P. 237–238; [Calcoen]. Le second voyage de Vasco da Gama a Calicut. Paris, 1881. P. 57.

89

[Calcoen]. Op. cit. P. 71; Gois D.de. Op. cit. P. 169.

90

Cordeiro L. Op. cit. Documento N 7.

91

Ibid. Documento N 10; Aragdo A.C. Teixeira de. Vasco da Gama e a Vidigueira. Estudo historico. Lisboa, 1898. Documento Nº 9.

92

Himmerich F. Vasco da Gama und die Entdeckung des Seewegs nach Ost-indien. Miinchen, 1898. S. 94 etc.; Friederici G. Der Charakter der Entdeckung and Eroberung Amerikas durch die Europaer. Bd. 2. Stuttgart, 1936. S. 85.

93

Харт Г. Морской путь в Индию. М., 1959. С. 291–294.

94

Du Bois W.E. The Negro. N.Y., 1915. P. 155–156.

95

Argensola B.L.de. Conquista de las Islas Malucas al rey Felipe Tercero. Zaragoza, 1891. P. 6.

96

Guillemard F.H.H. The Life of Ferdinand Magellan and the First Circumnavigation of the Globe. 1480–1521. N.Y., 1890. P. 260–261.

97

Correa G. Lendas da India. Livro segundo. Lisboa, 1860. T. II. P. 28.

98

Da Costa G. Descobrimentos e conquistas. Lisboa, 1927. [T.] II. P. 261–271.

99

[Ptolemaeus CL] Ancient India as Described by Ptolemy. Calcutta a.o., 1885. P. 197–198.

100

[Barros J.de] Asia de Joam de Barros. Segunda decada. Lisboa, 1974. P. 171–182.

101

Herrera A.de. Historia General de los Hechos de los Castellanos. Decada II. Lib. II. Cap. XIX. Madrid, 1730. P. 53.

102

[Barros J.de] Op. cit. Terceira decada. Lisboa, 1946. P. 282.

103

Quintana M.J. Vidas de espanoles celebres. Madrid, 1807. T. 1. P. 54–56.

104

Koelliker O. Die erste Umseglung der Erde durch Fernando de Magallanes und Juan Sebastian del Cano. 1519–1522. Miinchen—Leipzig. 1908. S. 48; Bldzquez A. Prologo. — Publicaci6nes de la Real Sociedad geografica. Madrid, 1-920. P. 7; Stanley of Alderley, Lord. The First

Voyage Round the World, by Magellan (Works Issued by the Hakluyt Society. 1st ser. Nº 52). London, 1874. P. XLIV.

105

Medina J.T. Coleccion de documentos ineditos para la historia de Chile. 1-a serie. T. I. Santiago de Chile, 1888. P. 9.

106

Habler K. Die Geschichte der Fugger'schen Handlung in Spanien. Weimar, 1897. S. 42–71.

107

Medina J.T. Op. cit. P. 18.

108

Albertis E.A.d'. Le costruzioni navali e l'arte della navigazione al tempo di Cristoforo Colombo. — Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla R[eale] Commissione Colombiana. Roma, 1893. Pt. IV. Vol. I. P. 82; Velho A. Roteiro da primeira viagem de Vasco da Gama. Anexo II. Lisboa, 1960. P. 162–163; Navarrete M.F.de. Coleccion de los viages y descubrimientos. Buenos Aires, 1946. T. IV. P. 111.

109

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 128 etc.

110

Correa G. Op. cit. P. 627.

111

Pigafetta A. II primo viaggio intorno al mondo. Milano. 1956. P. 60–61.

112

Medina J.T. Op. cit. P. 164.

113

Pigafetta A. Op. cit. P. 63; Staden H. Warhafftig Historia. — N. Feder-manns und H. Staden. Reisen in Sudamerica. Stuttgart, 1859. S. 185–191.

114

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 196.

115

Barros Arana D.de. Vida e viagens de Ferna'o de Magalhaes. Lisboa, 1881, p. 68.

116

Medina J.T. Op. cit. P. 167.

117

[Drake F.] The World Encompassed by Sir Francis Drake. London, 1854. P. 234–235.

118

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 197.

119

Дарвин Ч. Сочинения. М.-Л., 1935. Т. 1. С. 180.

120

[Barros J.de]. Op. cit. P. 289.

121

Pigafetta A. Op. cit. P. 79; A Letter from Maximilianus Transylvanus to the Most Reverend Cardinal of Salzburg. — Stanley of Alderly, Lord. Op. cit. P. 197.

122

Carano P., Sanchez PC. A Complete History of Guam. Rutland (Vt.) — Tokyo, 1964. P. 20–21.

123

Pigafetta A. Op. cit. P. 110; Blumentritt F. An Attempt at Writing a Philippine Ethnography. Marawi City (Philippine Islands), 1980. P. 196.

124

Mafra G.de. Libro que trata del descubrimiento del Estrecho de Magellanes. — Publicaciones de la Real Sociedad geographca.' Madrid, 1920. P. 199–204.

125

Mosto A.de. Il primo viaggio intorno al globo di Antonio Pigafetta. — Raccolta di documenti e studi... Roma, 1894. Pt. V. Vol. III. P. 81.

126

Crawfurd J. A Discriptive Dictionary of the Indian Islands and Adjacent Countries (reprint). Kuala Lumpur a.o., 1971. P. 68 etc.

127

Correa G. Op. cit. P. 632.

128

Magallanes F.de. Descripcion de los reinos, costas, puertos e islas que hay desde el Cabo de Buena Esperanza hasta los Leyquios. — Publicaciones de la Real Sociedad geografica. Madrid, 1920. P. 174; [Barbosa D.] Livro de Duarte Barbosa. — Collecção de Noticias para a historia e geographia das Nacoes Ultramarinas. T. II. Nº VII. Lisboa, 1813. P. 379.

129

Pigafetta A. Op. cit. P. 152.

130

Prieto C. El Oceano Pacifico: Navegantes espanoles del siglo XVI. Madrid, 1975. P. 91 etc.; Roteiro da viagem de Fernam de Magalhaes. — Collecção de Noticias para a historia e geografia das Nacoes Ultramarinas. Lisboa, 1812. T. I. NºIV(II). P. 174–175.

131

Митчелл М. Эль Кано. М., 1977. С. 73.

132

Correa G. Op. cit. P. 634; Stanley of Alderley. Op. cit., p. 234–235.

133

Medina J.T. Op. cit., p. 299–300; Zwei Briefe Uber die Maghellanische Weltumseglung. — Sitzungberichte des

philosophisch-historischen Classe der kaiserliche Akademie des Wissenschaften. Bd. 119. IV. Abh. Wien, 1889. S. 3.

134

Navarrete M.F.de. Op. cit. P. 351–367.

135

Тассо Т. Освобожденный Ерусалим. М., 1911. Т. II. С. 97–98; [Voltaire F.de] Oeuvres completes de Voltaire. Hamburg, 1785. Т. 18. P. 299.

136

Lima Ferner R.J.de. Noticia preliminar. — Correa G. Lendas da India. Lis-boa, 1858. Т. I. P. XXIII.

137

Anghiera P.M. The decades of the Newe worlde of West India. Londini. 1555 [reprint. Ann Arbor (Mich.), 1966], fol. 214.

138

[Robertson J.A., transl.]. Magellan's Voyage Around the World. Pts 1–3. Cleveland (O), 1906; Denuce J. Magellan (Academie royale de Belgique. Mmoires. 2e ser. Т. 4). Bruxelles, 1911; Coldquoio Luso-Espanhol de Historia Ul-tramarina (1973). A viagem de Fernao de Magalhaes e a questao das Molucas. Lisboa, 1975.

139

Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. М., 1961; Пигафетта А. Путешествие Магеллана. М., 1950; Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967; Морисон С.Э.

Христофор Колумб мореплаватель. М., 1958; Харт Г. Морской путь в Индию. М., 1959; Кунин К.И. Васко да Гама. М., 1947; его же. Магеллан. М., 1940; Свет ЯМ. Колумб. М., 1973; Камознс Л. ди. Лузиады. Сонеты. М., 1988; Ибаньес [Бласко Ибаньес/ В. В поисках великого хана. Калининград, 1987; Цвейг С. Подвиг Магеллана. М., 1980.